

Татарстан фәннәр академиясенең

Тарих институты

ТАТАР АРХЕОЛОГИЯСЕ

№ 2 (3)

Казан — 1998

Пётр Савицкий	
О задачах кочевниковедения	
(Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?)	3
Равиль Фахрутдинов	
Кочевой мир средневековой Евразии	
(обзор археолого-исторической литературы второй половины XX в.)	25
Леонид Кызласов	
Города гуннов	47
Рашо Рашев	
О возможности выделения самых ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы	65
Игорь Кызласов	
Калям на Енисее	
(Чернильная руническая надпись из Хакасии)	73
Леонард Недашковский, Алексей Ракушкин	
Бронзовые зеркала второй половины X—XIV вв.	
из музея Саратовской области	87
Франс Баллод	
Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды	
(результаты археологических работ летом 1922 года)	109
Хроника	
110-летию Н.Ф.Калинина	135
100-летию М.И.Артамонова	140
Сведения об авторах	143
Список сокращений	144

Петр Савицкий

О задачах кочевниковедения (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?)^{*}

История скифов и история гуннов подлежат включению в общую рамку истории кочевого мира. Скифо- и гунноведение — это главы (в числе других) в большем целом кочевниковедения. История скифов и история гуннов, если взять в совокупности, обнимают, в пределах исторически обозримых событий, более 12 столетий. История кочевого мира, в его целом, охватывает около трех тысячелетий: от появления скифов в VIII веке до Р.Х. до настоящего времени. При этом мы не можем утверждать, что наш взор проникает до колыбели кочевого мира. Появлению скифов в причерноморских степях и в Передней Азии могли предшествовать долгие периоды развития в условиях кочевого быта.¹ В пределах наших наблюдений кочевую культуру можно назвать конно-железнай.² Она связана с обузданием коня и с употреблением железа. Нынешнее состояние археологического материала позволяет, с большей или меньшей точностью, проследить появление кочевой культуры в двух отстоящих друг от друга на большом расстоянии областях Евразии: а именно в западноевразийских (т.е. приднепровских, причерноморских и приазовских) степях и

* Статья публикуется по: *Петр Савицкий. Континент Евразия.* — М.: Изд-во «Аграф», 1997. — С.342—370.

П.Н.Савицкий (1895—1968) — один из основателей и вождь евразийского движения, диссидент-эмигрант, крупнейший философ, историк, географ и экономист. С 1921 г. жил в Праге, в 1945 г. был депортирован в СССР, прошел сталинские лагеря и ссылку, вернулся в Прагу в 1960 г. В заключении познакомился с молодым талантливым историком Л.Н.Гумилевым, который стал его учеником по евразийству. Именно Савицкому обязан знаменитый Гумилев своим огромным интересом к Евразии, Туранию, своей новой теорией этногенеза. Считают, что без Савицкого не было бы Гумилева (А.Г.Дугин).

В своем исследовании, которое предлагается современному читателю, П.Н.Савицкий, помимо большого источниковедческого и историографического материала, широко использовал также малоизвестную в России работу другого эмигранта, историка Н.П.Толля под названием «Скифы и гунны», изданную в Праге в 1928 г. Статья самого Савицкого впервые была издана в том же 1928 г. в Праге, в Евразийском книгоиздательстве.

Со времени выхода в свет предлагаемой статьи прошло 70 лет и за этот период трудами советских и российских кочевниковедов, востоковедов, тюркологов (В.В.Бартольд, Б.Я.Владимирцов, А.Н.Бернштам, С.И.Руденко, М.И.Артамонов, Л.Н.Гумилев, С.А.Плетнева, Л.Р.Кызласов, Г.А.Федоров-Давыдов, С.Г.Кляшторный и др.) достигнуты серьезные успехи в исследовании истории и культуры тюркского кочевого мира. Несмотря на то, что за это время работа П.Н.Савицкого несколько устарела (в отношении датировки отдельных археологических культур и вопросов частного характера), однако задачи изучения проблем генезиса и развития средневекового степного мира, судеб его населения, поставленные им смело и своевременно, остаются актуальными и по сей день. — Ред.

затем на Алтае. В обоих районах археологический слой кочевой культуры перекрывает собой отложения оседлых или полуоседлых культур. Предшествующий слой в степях приднепровских (в особенности по нижнему Днепру и Бугу) — это культура металлоплавилен и торговых складов бронзового века.³ Число найденных здесь за последние 70—80 лет металлоплавилен и торговых складов измеряется десятками. Такое развитие металлообрабатывающей промышленности (и связанной с нею торговой деятельности) должно указывать на оседлость. Тем более что памятники эти приурочены почти исключительно к берегам рек (и сплошь и рядом — к узлам водных путей, в которых в настоящее время расположены городские поселения края). Сопоставление с условиями более поздних эпох показывает, что на речную сеть опирается здесь именно оседлое население. Система путей, на которую опираются кочевники, есть система водоразделов⁴... Культура металлоплавилен и торговых складов бронзового века обычно приписывается киммерийцам. А слой наиболее ранней, появляющейся в этих местах кочевой культуры исследователи относят к скифам. К востоку и к северо-востоку от нижнего Днепра археологический слой, предшествующий скифскому, есть слой «древнейшей степной культуры», т.е. той, которая связана с погребениями т. наз. скорченных окрашенных костяков.⁵ На территории Харьковской и — в восточной части — Екатеринославской губ. (а также в более восточных районах) эта культура существует в рамках не только каменного и медного, но также бронзового века (на нижнем Днепре она не доживает до появления бронзы). Присутствие в могилах большого количества телячьих и бараньих костей определяет ее как культуру коровьих и овечьих пастухов. Отсутствие указаний на обуздание коня не позволяет мыслить ее как конно-кочевую культуру — в позднейшем смысле этого слова. Широкое развитие керамической промышленности (со средоточием в районах нынешних городов Изюма и Славянска); наличие промышленности медеплавильной (на водоразделе между Вахмуткой и средней Луганью; выплавка на каменном угле — приблизительно за три тысячи лет до возобновления добычи этого минерала!); связь погребений с городищами (Донская область)⁶ — все это в некоторых случаях определенно указывает на оседлость. Также здесь скифский кочевой уклад сменил культуру, по меньшей мере полуоседлую. Аналогично обстоит дело и на Алтае, где памятники конно-кочевой культуры образуют группу более позднюю по сравнению с культурой бронзового века этих же мест.⁷ Бронзовая культура отмечена здесь развитием металлургии и существованием земледелия, т.е. являлась культурой оседлого типа. Наиболее древние памятники кочевой культуры на Алтае можно относить к гуннскому кругу. И в западноевразийских степях, и на Алтае кочевой быт является, как нечто сложившееся, как нечто вторгающееся со стороны. Археологическое прошлое стран к востоку от западноевразийских степей и к югу от Алтая, в сколько-либо широких чертах, нам неизвестно. Между тем именно здесь нужно искать родину кочевого быта. Существенно отметить, что здесь же, восточнее долгот западноевразийских степей и

южнее широт Алтая, кочевой быт оказался наиболее устойчивым. Именно здесь удерживается, в современности, кочевой уклад казаков (б. киргизов), киргизов (б. каракиризов), ойратов (б. калмыков), монголов. В широких чертах родина кочевого быта территориально совпадает с его последним убежищем. В этом можно видеть указание, что кочевой быт со свойственными ему передвижениями скотовода, в зависимости от наличия травы и воды, наилучше соответствует и наиболее полно отвечает природным условиям именно этих мест — областей к востоку от долгот западноевразийских степей и к югу от широт Алтая. Это — область сухих степей, в южной своей части нередко обозначаемых названием «пустыня». Калмыцкую, южнокиргизскую, монгольскую травянистую пустыню нужно отличать от абсолютной пустыни, подобной, напр., некоторым участкам закаспийских пустынь, средней Гоби или пустыням бассейна Тарима.⁸ В абсолютной пустыне скотовод не может держаться. Именно этим обстоятельством определяется, напр., характер geopolитической истории восточно-гуннской державы (т.е. гуннского государства в восточноевразийских степях). Это как бы история перебросок через пустыню. Шаньюй (гуннский царь) держится в степях и горных хребтах около Китайской стены. Если же оттуда вытеснен, то должен уходить к северу от пустыни. Промежуточные положения не практикуемы.⁹

Только в самых приблизительных очертаниях может быть намечена первоначальная родина кочевого быта. В остальном нам остается только гадать, где, как и когда сложился этот столь определенно и ярко выраженный уклад. Вполне возможно, что он знаменовал собою отрыв от оседлости, знакомой и раннему и позднему каменному веку. Такой отрыв вполне может быть объяснен тем притяжением, который должны были оказывать на оседлого (у воды) скотовода травянистые водоразделы.¹⁰ Какие условия подготовляли этот переход? Кому первому пришла мысль «все свое» положить на повозки, с тем чтобы отынне, в поисках травы и воды, стать независимым от оседлости? Кто бы он ни был, эта мысль стала одной из чреватых последствиями человеческих мыслей. Тем самым создался хозяйствственный уклад, который доныне остается наиболее рациональным хозяйственным укладом на миллионах квадратных верст; создался уклад, в течение тысячелетий имевший огромные военные преимущества, сделавший историю кочевого мира одною из замечательных глав в истории военного дела. Военное значение кочевой стихии неотделимо от обуздания коня, осуществленного в кочевом мире. Обузданный конь (иногда десятки, сотни коней) лежит в кочевой могиле, будь то скифской, алтайской, или в позднейших «татарских курганах».¹¹ Около покойника положено оружие как памятник его военного духа. При этом уже в древнейшем кочевом инвентаре (в западноевразийских степях и на Алтае) имеются железные предметы. Коренится ли употребление железа в культурной традиции первоначальных кочевников? Принесено ли ими из набегов на южные окраины Старого Света? Как бы ни обстояло дело, для тех мест России-Евразии, археологическое прошлое которых

открыто нашему взору, наиболее характерно перекрытие бронзовой оседлой культуры культурой кочевой железной.

Изучение конно-железной кочевой культуры и есть основная задача кочевниковедения. Эта задача распадается на несколько отдельных заданий.¹²

I. Первой задачей кочевниковедения является исследование кочевого мира, в его единстве и целостности. Это единство и целостность, в некоторых отношениях, настолько разительны, что скифовед Миннис истолковывает, напр., скифские обычаи на основании монгольского материала XIII века нашей эры. Этнологическое обоснование таких сопоставлений сомнительно. Хронологически скифский материал отделен от монгольского по крайней мере 15 веками. Сопоставления эти обоснованы культурно-исторически — единством и целостностью кочевого мира. Кочевой мир проникнут культом военной доблести. Только тот, кто доказал свои военные качества, является полноправным членом общества. Черепа убитых врагов служат драгоценным трофеем, отделяются в пиршественные чаши. Этот обычай, удостоверенный для печенегов (череп Святослава), указан китайскими хрониками — для гуннов восточноевразийских степей и Геродотом — для скифов,¹³ «Сопровождающие погребения», отличительные для кочевого мира (т. е. погребение, вместе с вождем, жены и слуг), должны быть сопоставлены с культом верности, составляющим одну из основ кочевого быта. Верность товарищу поражала каждого, кто хотя бы в недавнее время знакомился, в военных условиях, напр., с калмыцким укладом. Культ верности является краеугольным камнем в мировоззрении Чингисхана, и этот же культ, в виде особых обрядов, сопровождающих братание и клятву, равно засвидетельствован для древнейших кочевых периодов западноевразийских и восточноевразийских степей. Без вождя жена и слуги не должны мыслить жизни. И есть указания, что люди добровольно сходили с вождем в могилу.¹⁴ Сопровождающие погребения производились у Китайской стены. Их же, по-видимому, мы находим в большом кургане II Катандинского кладбища на Алтае.¹⁵ Они же характерны для скифских курганов Причерноморья.

II. Одной из задач кочевниковедения является изучение кочевого мира в его месторазвитии. Это последнее может быть определено как совокупность степи и травянистой пустыни. Мы говорили уже о значении в этом разрезе признака травянистости. В пределах Евразии вся северная часть пустынной зоны является травянистой. В приблизительном определении, «пустыня» в Евразии начинается к югу от линии, соединяющей быв. Царицын с Сергиополем (приблизительно сорок восьмой — сорок девятый градус сев. широты) и затем — с южными окраинами северо-монгольских хребтов.¹⁶ На сотни верст к югу от этого рубежа простирается травянистая пустыня; и только по мере приближения к горному обрамлению Евразии эта область сменяется абсолютной пустыней.¹⁷ Но и здесь есть участки, годные для скотовода, в особенности в песчаных районах. Кроме того, всякое значительное повышение рельефа приносит с собой в этих местах

травянистую пустыню и травянистую степь. Наибольшей не только в Евразии, но и во всем мире сплошной полосой районов, удобных для кочевника-скотовода, является северная полоса травянистых пустынь и примыкающая к ним с севера и запада область травянистых степей. Этую сплошную полосу степей и травянистых пустынь назовем, по характеру картографических ее очертаний и по крайним рубежам простирания, хинганско-карпатским «прямоугольником степей» (подразумеваем Большой Хинган — меридиональный хребет на западном пределе Маньчжурии). С востока к этому прямоугольнику примыкает захинганская островная маньчжурская, с запада — «симметричная» ей закарпатская венгерская степь. Также с севера (со стороны тайги) «прямоугольник степей» обрамлен островными степями, особенно частыми в условиях пересеченного рельефа Восточной Евразии (енисейская и ленская страна, Монголия и Забайкалье). Как сказано выше, хинганско-карпатский прямоугольник степей нужно отличать от области абсолютных пустынь в крайне южной части Евразии (в особенности Гоби, Таримский бассейн и Закаспийская область).¹⁸ Благодаря наличию в этих местах горных массивов, а также в соответствии с различием субстратов, расположение участков абсолютной пустыни имеет в общем «островной» характер. Однако некоторые «острова» абсолютной пустыни весьма обширны, напр. в таримско-гобийских и закаспийских пустынях. Географическому различению травянистых и «абсолютнопустынных» пространств отвечает различие исторических формаций. Географическому единству и целостности «прямоугольника степей» соответствует — в историческом смысле — единство и целостность кочевой культуры. В зону абсолютной пустыни кочевой быт проникает преимущественно по предгорным и горным пространствам. В общем же экономически и культурно здесь преобладает формация оазисов. Формация эта живет использованием водных потоков, низвергающихся с горных хребтов (не будь хребтов — не было бы и жизни). Для областей между Каспием и Тянь-Шанем — так же, как для бассейна Тарима, — оседлая жизнь оазисов характернее, чем кочевой быт. В качестве месторазвития кочевой культуры евразийский «прямоугольник степей» может быть сопоставлен с аравийским и северо-африканским месторазвитием. Однако и в Северной Африке, и в Аравии, более чем в Евразии, представлено начало абсолютной пустыни. И потому, как месторазвитие кочевой культуры — евразийская степь, пустыня неповторима и единственна в мире.¹⁹

Нужно при этом заметить, что ядром кочевого месторазвития (может быть, начальной колыбелью и, вероятно, последним убежищем кочевого быта) является, по сказанному, травянистая пустыня, т.е., в грубом охвате, области между 44° и 49° с.ш., к востоку от Ергеней и к западу от Хингана. В основном здесь и поныне невозможен иной уклад, кроме кочевого быта. К северу и западу, т.е. в степи, становится возможным земледелие; на рубежах пустыни — только в некоторых «выборочных» местах; более влажная степь сплошь доступна распашке.²⁰ Исторически область кочевого быта не ограничивалась травянистой пустыней. Кочевники брали под пастьбища также и те

пространства, где ныне практикуется земледелие. И бывали моменты, скажем, в скифе-сарматскую (совпадающую с ранней гуннской) или в монгольскую эпоху (XIII—XIV вв.), когда весь «прямоугольник степей» — от Карпат до Хингана вместе с венгерской и маньчжурской степями являлся месторазвитием кочевой культуры.

III. По отношению к прочим культурным мирам Старого Света кочевой мир является миром срединным. К северу от него располагаются культуры северной зоны. Из них в качестве примеров можем назвать: бронзовую культуру Ангары и среднего Енисея,²¹ упомянутую выше металлодобывающую культуру Алтая, культуру средневолжскую (связанную с уральской), культуры «треугольника смешанных лесов Доуральной России» (фатьяновская культура, дьяковская культура, первоначальная Русь и др.). К северо-западу, западу и юго-западу от рубежей кочевого мира лежит Европа. Европа сопрягается со средиземноморским миром. К югу от кочевых культур размещаются культуры иранского и индийского круга.²² С ними нужно сблизить культуру срединно-материковых оазисов (закаспийских, тянь-шанских и таримских). В то же время культура эта находилась в постоянном и особо широком взаимодействии с кочевниками.²³ К югу и юго-востоку от кочевого мира помещается китайская культура. На востоке пустыня-степь упирается в отросток китайского месторазвития, в виде манчжурско-корейской области «третичных» лесов. Этой области отвечает круг оседлых и полуоседлых культур, связанных с китайской, в ряде же признаков являющихся своеобразные черты.

Кочевой мир, в самом принципе кочевья, приспособлен к преодолению сухопутных пространств. При этом срединное положение толкало его к выполнению соединительной роли.²⁴ В историческом смысле «прямоугольник степей» — это как бы Средиземное море континентальных пространств. Античные люди свой *orbis terrarum* (круг земель) обозревали от Средиземного моря. Подобно этому Геродот в главах о Скифии обозревает прямоугольник степи вместе с северным лесным и южным пустынным и горным его обрамлением. В описании этом, как известно, он держится торговых путей, практикуемых кочевниками. Собственно говоря, понятие евразийского историко-географического мира, как особого мира, в составе лесной, степной и пустынной полосы, к северу от великих нагорий, — понятие это дано уже Геродотом в классификации и конструкции его очерка о Скифии. Вопрос о южном «шелковом» пути, шедшем через таримский бассейн, северную Индию и Иран и соединявшем Китай и Средиземноморье, есть вопрос особый. Путь этот открылся позднее (при Ханьской династии), и не его знал и не о нем говорил Геродот. Путь этот, от «китайско-таримской перемычки»,²⁵ через весь таримский бассейн, идет абсолютной пустыней, преодолеваемой по цепочке оазисов. Это — путь абсолютной пустыни. Мы же говорим о более северном пути степи и травянистой пустыни. Нет возможности сомневаться, что в восточно-гуннские курганы времени Р.Х. шерстяные ткани и изделия причерноморских колоний попали именно этим путем. С этим путем связана и другая проблема — проблема

питания скифского причерноморского мира бронзовыми изделиями из внутриматерикового металлургического центра. Эта проблема особенно явственно ставится относительно т.н. скифских или «азиатских» котлов (полушария, с полой ножкой, в виде усеченного конуса). «Центр разнообразия» в распространении этих котлов намечается в алтайском металлургическом районе (тут же найдена мастерская этих котлов). Много их и в западноевразийских степях, вплоть до Венгрии. Обломки такого котла найдены в раскопанном экспедицией Козлова раннегуннском кургане Монголии. Алтайскому металлургическому центру свойственны особые зеркала — с пуговкой на обратной стороне. Вместе с сарматами эти зеркала появляются в западноевразийских степях. После походов на северо-запад великих гуннских шаньюев такие зеркала, около 140 г. до Р.Х., становятся известны в Китае. Внутриматериковый металлургический центр древности обнимал Алтай, богатые рудой районы восточно-киргизской степи и — б.м. — Саяны. Его изделия и передвигались, между прочим, по евразийской степной магистрали — прообразу Великого Сибирского пути.²⁶ Два рубежа особенно важны для этой магистрали. Один из рубежей — это черноморско-степной шов на стыке двух соединительных стихий — морской и степной (сочетание, в географическом смысле, необычайное, т.к. степь, по преимуществу, есть формация внутриконтинентная). На этом стыке создались великие причерноморские колонии древности. Богатство оставленных ими памятников нужно сопоставить с исключительностью их положения. Другой рубеж — это китайско-степной шов (область Великой Китайской стены). Здесь соприкасались два великих исторических мира древности — конно-кочевой и оседлый китайский. Степной путь и есть историческая магистраль, соединяющая китайско-степной шов с черноморско-степным швом.²⁷

Всемирную историю, по характеру сообщений, никак нельзя расчленять исключительно на речной, морской и океанический периоды (Л.Мечников). В лице степи, используемой под кочевье, водной соединительной противостоит соразмерная ей сухопутная соединительная стихия. Кочевой мир, в своих внутренних связях и в сношениях с обрамляющими его периферическими культурами, знаменует использование континентальных соседств. В современности на этом принципе строится народное хозяйство России.²⁸ В этом смысле изучение кочевого мира получает для русских совершенно исключительный интерес.

IV. Как сказано выше, огромной главою всемирной истории является военная история кочевников.²⁹ История эта примечательна, так сказать, с физической точки зрения. Количество небольшие группы кочевников добивались величайших политico-милитарных результатов. По слову евнуха, перешедшего от китайцев к шаньюю Киоку, все население гуннского царства не превышало по численности населения нескольких китайских округов (и одной пятой китайских богатств было достаточно, чтобы купить целиком весь гуннский народ). И эта горсточка (организованная на основах кочевого быта) держала в страхе Китайскую империю и временами добивалась политического над ней перевеса. Таковыми же были численные соотношения коче-

вого и окраинных государств в монгольскую эпоху.³⁰ Военная история кочевого мира — это как бы взрыв атома. Но за этой чисто «физической» стороной скрывается, конечно, другая. Ни одна историческая среда не может, пожалуй, дать такого подбора образцов военной храбости и доблести, какие дает кочевой мир.³¹

V. Кочевой-мир опоясан рядами укрепленных линий (соединяя в одно явления разных эпох, сопряженные своей обращенностью к кочевому миру): двухтысячелетняя история Китайской стены; воздвигнутая арабами укрепленная линия к северу от культурной полосы Чирчика, от Сыр-Дары до гор; построенные Сасанидами фортификации на южном берегу Каспийского моря, от прибрежья до гор³²; сооруженные ими же дербентские укрепления, укрепления Дарьяла; ров, ограждающий Керченский полуостров³³; укрепления Гераклейского полуострова (у Херсонеса)³⁴; дунайская линия (на которой соприкасалась с кочевниками Римская империя); польские и главным образом русские противостепные линии, окаймлявшие степь на пространстве от Днепра до Алтая. Так, через историю укрепленных линий проступают очертания срединной степи (хинганско-карпатский прямоугольник). Линии эти показывают, насколько окраинные страны должны были считаться с военной силой степняков. Изучение истории этих линий тесно связано с проблемами кочевниковедения.

VI. Особенно обширное поле для изучения представляет область Великой Китайской стены.³⁵ Контрасту культур (конно-кочевой и китайской) отвечает географический контраст: «Влажный муссонный умеренно-теплый Китай с мягкой и непродолжительной зимой и сухая... Монголия с невыносимою жарою летом и сильнейшими, сопровождаемыми ветром морозами зимой должны представлять глубочайший контраст и в своем растительном населении» (В.Л.Комаров). Борьба между Китаем и кочевниками велась особенно за нынешние провинции Кан-су, Шен-си и Шан-си. Это — «западная окраина Китая», которая «дает... постепенный переход к Монголии от лесистых гор к безлесным, с сухими склонами, и к сухим же плато с большими участками лесовой, каменистой или песчаной степи». Кочевники проникают за Китайскую стену преимущественно в тех местах, где Китайская стена охватывает участки степной природы. «Сплошь лесная», в естественном состоянии, собственно китайская ботаническая область окаймляется с северо-запада горными хребтами провинций Чжили, Шан-си. Эти хребты и составляют границу между азиатским и евразийским географическими мирами.³⁶ Между хребтами и пустыней Гоби лежит «глассис степей» общеевразийского типа (даже на севере Шен-си, к западу от Хуанхэ, «дико растущих деревьев нет вовсе»). Также в этих степях расположены отдельные хребты, отчасти покрытые лесом. Они служили местом охоты и питали деревом здешних кочевников. В китайской литературе I века до Р.Х. хребет Иншаня (к северу от излучины Хуанхэ), «богатый травой, деревьями, птицами и четвероногими», назван «логвищем шаньюев». В военных операциях Китая против кочевников большим

препятствием для китайцев являлось то обстоятельство, что к западу от Кан-су, в охвате степи, им приходилось опираться всего лишь на узкую полоску оазисов у подножия Нань-шаня.³⁷ На северо-западной своей окраине Китай упирается в область абсолютной пустыни (плато Тибета во многих местах подобно такой пустыне). В охвате степей с юга Китай не имел такой базы, какую, в охвате степей с севера, впоследствии нашла Россия — в виде северной лесной зоны, от Днепра до Великого Океана. Китайская власть в срединно-материковых оазисах не была прочной. Все же она была устойчивее, чем эпизодическая власть Китая в восточноевразийских степях (ср. в особенности историю Ханьской, Танской и Маньчжурской династий). Это положение имеет силу и для настоящего времени. Вот уже около 8 лет, как прекратилась китайская власть во внешней Монголии. В таримском же бассейне, так или иначе, она удержалась до настоящего времени. Отметим военно-топографическое значение (в восточноевразийской истории) района Бор-куля (в восточном Тянь-шане). Здесь бывал обыкновенно опорный пункт воинских сил, действовавших в восточноевразийских просторах. Обстоятельство это интересно сопоставить с отмеченными в современной географической литературе чертами луговой и лесной природы боркульского района (среди окружающих травянисто-пустынных и абсолютно пустынных мест): на боркульской равнине «...превосходные пастища... у перевала Боркуль-Хами на Тянь-шане... густой лес из лиственницы... зеленые луга».³⁸ Переход через Хамийскую пустыню от Хамийского оазиса у подножия Тянь-шаня к оазисам у подножия Тянь-шаня (см. выше) облегчается тем обстоятельством, что к югу от Хами в пустыне залегают пески, а «за песками обширная площадь, орошаемая ключами, и китайские деревни» (как известно, у окраины песчаных пространств обыкновенно выходят родники; см. превосходное изложение этого вопроса у Г.Н.Высоцкого: «Наши южные арены и проект их культуры». Харьков, 1927, стр.10, и сл.). Этими обстоятельствами можно объяснить крупное военно-топографическое и geopolитическое значение Хами.

VII. Кочевой мир нужно рассматривать как нечто текучее. В течение долгих, обозримых для нас веков истории кочевые волны хлещут почти исключительно в одном и том же направлении. Несколько народов выходит из Маньчжурии на запад (в восточноевразийские степи).³⁹ Некоторым из них, надолго, на коротко ли, удается объединить эти последние, а также овладеть той или иной частью Китая (Маньчжурская династия в XVII в. стала повелительницей всего Китая). Мы подразумеваем сиенпийцев во II в. после Р.Х. (более ранняя попытка выхода на запад племени тунь-ху окончилась неудачей), китаев в X в., племя кин в XII и маньчжуков в XVII в. (Маньчжурия выступает здесь как «фабрика народов»). Однако ни один из этих народов не проникает на запад далее срединно-евразийских степей (до этих степей дошли в XII в. т.наз. кара-китай). Зато восточноевразийские степи⁴⁰ в течение истории, по крайней мере, дважды явились отправной точкой движения, дошедшего до Европы.

Разумеем гуннов (вместе с воспроизведшими их движение аварами) и затем монголов. О значении монгольского движения нам приходилось говорить неоднократно.⁴¹ Гуннскую же эпопею, в ее полноте, передает книга Н.П.Толля. Именно этапы этой эпопеи являются стержнем, на который нанизываются отдельные главы этой книги, от II до V. Отметим исключительное богатство содержания и драматическую напряженность гуннской истории. Стоящий в начале образ великого завоевателя Мотуна,^{*} объединителя восточноевразийских степей. Судьбы созданной им державы, сначала наполненные успехом, затем все более клонящиеся к упадку. Трагическое метание вождей и масс между подчинением Китаю и борьбой за независимость, часто — в условиях голода и холода, неизбежно — с уходом из родных мест. Не подчинившиеся уходят в срединно-евразийские степи. Видимая или действительная двухвековая передышка. А затем — ошеломляющий удар на запад, занятие в несколько лет западноевразийских степей; несколько позже — Аттиловы походы в Европу. История гуннов знаменует собой историческое единство Старого Света. В IV—V вв. бывали моменты, когда гуннские династии господствовали в северном Китае, гунны-эвталиты повелевали восточным Ирном и северной Индией, западно-гуннская держава охватывала причерноморские степи и значительную часть Европы. Однако гуннское движение II—V вв. вашей эры нужно отличать по характеру от монгольского движения XIII в. Нужно отделять завоевания-расширения от завоеваний-переселений. В первом случае завоеватель не бросает той базы, от которой он первоначально исходит; он расширяет свои владения, не отказываясь от прежних. Во втором случае первоначальная база оставлена завоевателем. Часто самое завоевание производится потому, что завоеватель вытеснен из первоначальной базы. Здесь он не только завоеватель, но также переселенец. Великий вождь сиенпийцев Тань-шихай был завоевателем-присоединителем. В пределы его державы, наряду с завоеваниями, входила и коренная земля сиенпийцев. В более позднее время ряд сиенпийских племен являлся завоевателями-переселенцами. Китай первоначально были завоевателями-расширителями. Та же их часть, которая, после падения восточной «китайской» державы, ушла в срединно-евразийские степи, дала характерный пример завоевателей-переселенцев.⁴² Племя кин и манчжуры были завоевателями-расширителями. Именно как расширение мыслилось и монгольское движение XIII века. И только после распада Великой Монгольской Державы во второй половине XIV века оторвавшиеся монгольские группы (скажем, Джучиева или Джагатаева улуса) попали в положение завоевателей-переселенцев. Впрочем, уже и к этому времени они почти совершенно слились с окружавшей их культурно-этнологическою средою. Как-

^{*} Другая форма его имени — «Модэ» (по-китайски — Маодунь). В современной исторической науке принято считать, что «гунны» — это европейская форма восточных «хунну». Часть хунну после распада их империи в сер. I в. н.э., созданной Мотуном-Модэ еще на рубеже III—II вв. до н.э., ушла на запад и к концу IV в. завоевала Европу, создав там свою вторую империю. — Ред.

никак монгольское расширение XIII века охватило почти всю Икумену. Гуннское же движение являлось расширением только в пределах восточноевразийских степей. Завоевателями-расширителями были Мотун и непосредственно следовавшие за ним шаньюи. Гунны, ушедшие в срединно-евразийские степи, являлись завоевателями-переселенцами. Не беремся определить, в какой мере гуннские цари, утвердившиеся в западноевразийских степях и в Европе, сохраняли власть над степями заволжскими. Как бы то ни было, отправная база гуннского движения была потеряна гуннами уже ко II веку нашей эры. Если в монгольском движении преобладает элемент расширения, то в гуннском — элемент переселения. Нужно, впрочем, заметить, что государства, созданные этими завоевателями-переселенцами, имели временами поистине огромные размеры. Труднее дать geopolитическую характеристику турецких (туркских) миграций (говорим о движениях в пределах евразийской степи). Вопрос затрудняется невыясненностью первоначального положения турок.* Во всяком случае положение это имело касательство к восточноевразийским степям. И в лице таких турецких пришельцев в западноевразийские степи, как хазары и половцы, мы имеем, б. м. племена, проделавшие, подобно гуннам, аварам и монголам, путь из восточной в западную Евразию. Дабы не удлинять изложения, не будем анализировать историю турецких племен с точки зрения понятий «завоевателей-расширителей» и «завоевателей-переселенцев». Здесь были эпизоды и одного, и другого рода. Не будем рассматривать многочисленных удостоверенных миграций из срединноевразийских степей (как исходной базы) в западноевразийские. Здесь можно назвать скифов, сарматов (в их восточной ветви; западная ветвь, по-видимому, развивалась «на месте», в волжско-донских степях), печенегов и другие народы. Для систематики geopolитических движений в пределах евразийских степей важно указать еще на одну группу явлений: это случаи расщепления на два, на три, на четыре степных народа. В степном мире все находится в постоянном движении. И наступает момент, когда единое дотоле племя распадается на части, движущиеся в существенно различных направлениях. Таким моментом является иногда военный удар, наносимый противником: рассеяние племени. В других случаях действуют не вполне учитываемые для нас начала выбора: одна часть племени уходит в одну, другая — в другую сторону. Так, напр., кочевые племена, сконцентрировавшиеся за несколько веков до Р.Х. в бассейне Аральского моря, затем разделились: одни ушли на юг — в северную Индию (так наз. «надо-скифы»), другие — на запад — в западноевразийские степи (восточно-сарматские племена). Произошла этнографическая «бифуркация» (т.е. раздвоение) «арало-скифов». Происшедшей «бифуркацией» (указывающей на первоначальную общность) объясняется, быть может, значительное сходство древностей индоскифской столицы Таксилы с некоторыми группами памятников Северного Кавказа.⁴³ В восточноевразийских степях произошла «бифуркация» гуннов: часть их ушла на юг (подчинилась Китаю), часть — на запад (в срединно-евразийские

* Здесь и далее вместо «турок», «турецкий» — тюрки, тюркский. — Ред.

степи). В срединноевразийских степях наблюдается дальнейшее подразделение гуннов: часть уходит на юг (гунны-эвталиты), часть — на запад («европейские» гунны). Систему этнологических «биfurкаций» можно установить и для северной окраины степной зоны (киргизы, угры, болгары и пр.). Весьма четкую картину последовательного пришествия и вытеснения народов дают западноевразийские степи. Последовательность настолько ярка, что можно говорить о geopolитической повторяемости событий. История кочевого мира дает богатый материал для построения теории повторяемости событий. Можно установить систематическую точку зрения на типы вытеснения народов. В западноевразийские степи проникали народы не только с востока, но и с запада (назовем киммерийцев и готов).⁴⁴ Пришельцы с востока следующей волной вытесняются постепенно: так вытеснялись скифы сарматами, сарматы (сначала рассеченные надвое готским нашествием) — гуннскими и турецкими племенами, хазары — мадьярами и печенегами, половцы — монголами (половцы, или «кипчаки», были влиятельны в Золотоордынской державе; можно сказать, пожалуй, что они определили ее этнологический тип). Пришельцы же с запада подвергаются моментальному вытеснению. Примечательную в этом смысле аналогию вытеснению гуннами готов является вытеснение скифами киммерийцев.⁴⁵ Оба народа восточными пришельцами обращены в бегство в буквальном смысле этого слова. В обоих случаях большая группа бежит на юг, за Дунай, и обосновывается на Ближнем Востоке (киммерийцы — в Трое, готовы — во Фракии). Киммерийцы подвергались «квадрифуркации» (делению на четыре): другая их часть через Кавказ бежала в Переднюю Азию, третья — подчинилась скифам, четвертая — осела в Крыму (где дала свое имя Киммерийскому Босфору и долго удерживалась в Пантике). С готовами было все то же, только группа, отброшенная к Кавказу, была, по-видимому, менее значительна.⁴⁶ В Крыму готовы удержались, преимущественно, в гористой части, в пределах позднейшей «Готии». И киммерийской, и готовской традициям, сохранившимся в Крыму, хватило каждой приблизительно на тысячелетие.⁴⁷ Впрочем, Крым явился приютом не только для киммерийцев и готов. В истории западноевразийских степей Крым играет роль убежища побежденных. К Крыму постепенно стягивались скифы. В Крыму же, после поражений, укрылись хазары.⁴⁸ В Крыму на три с лишним столетия (XV—XVIII вв.) задержался «реликт» (т.е. остаток) Золотоордынской державы в виде Крымского ханства (в настоящее время на западно-доуральском юге единственным в Крыму удерживаются татары). В Крым же, после поражений 1919 г., отступили белые армии. Впрочем, белым армиям Крымский полуостров дал пристанище всего лишь на один год.

VIII. Мы не можем ставить себе задачей дать хотя бы приблизительный список тех разрядов археологического инвентаря, в которых выразилась самобытность кочевого мира. Скифы обладали своеобразной уздечкой. Особой была форма их луков, напоминавшая грекам картографические очертания Черного моря (две неравномерные излучины). Своебычен скифский горит (т.е. соединение налучья и колчана). Не

говорим об особенностях одежды, общих всему кочевому миру.⁴⁹ Остановимся в нескольких словах на вопросе т. наз. звериного стиля. Сосредотачиваясь на предметах личного и конского убора, стиль этот воплощает важную отрасль кочевой жизни. Животные формы, представленные на археологических памятниках степного мира, весьма разнообразны. В скифо-сарматской группе, в изображении животных, можно различать, напр., греческий, иранский и собственно степной пошибы. В этом отношении вопрос с классификацией форм звериного орнамента, встречающихся в скифо-сарматском инвентаре, обстоит приблизительно так же, как с различием тканей, найденных в гуннских курганах внешней Монголии (экспедиция П.К.Козлова). И там, и здесь в одних и тех же погребениях сочетаются существенно разнородные вещи (в частности, в гуннских курганах обнаружены греческие, китайские и местные ткани). Для нас наиболее интересен собственно степной, или, точнее, «евразийский», пошиб звериного стиля. В пределах ряда веков пошиб этот является как бы художественным отличием кочевого мира. Вдохновение мастера сосредотачивается преимущественно на фигурах козла и оленя. Можно отметить изображения дикого кабана, зайца и птиц. В более ранний период (представленный для нас главным образом скифскими памятниками и затем стилистически сопряженными с ними памятниками «минусинского» бронзового дела) господствует манера, которую можно назвать «стилистическим реализмом». Позднее приходит к господству «звериный импрессионизм». Частые уже и в предшествующий период сцены нападения хищника на добычу дополняются дающими высшее напряжение сценами борьбы между хищниками. Нужно отметить мотивы «сконструированных зверей». Здесь мы имеем дело не с человекообразными фантастическими существами, обычными в переднеазиатском искусстве, но с изображениями животных, как бы составленными (или «сконструированными») из элементов, относящихся к самым различным видам: напр., изображено животное с оленьей мордой, львиными лапами и хвостом, оканчивающимся птичьей головой. В такой «конструкции» распознаем пафос именно звериного стиля. По сравнению с фауной «стилистического реализма» фауна «звериного импрессионизма» является обогащенной. Обычны мотивы не только льва и тигра (что указывает на влияние южной периферии), но и яка, исконного обитателя срединноматериковых нагорий. Памятники «звериного импрессионизма» особенно характерны для погребений, которые, так или иначе, могут быть сопоставлены с «ранне-гуннской» эпохой (ранее IV века после Р.Х.): курганы Монголии, раскопки Талько-Гринцевича около Троицка-Савска, раскопки Радлова на Алтае, западносибирские золотые пластинки. «Звериный импрессионизм» был, по-видимому, стилем гуннской державы, так сказать, «гуннским ампиром». Кочевой мир создал не только примечательный звериный стиль. Обслуживавшие его мастера (в западной Евразии, в большом числе слугаев, греческой школы) выработали особый пошиб жанрового искусства. В жанровых сценах, запечатленных в металле, сохранены для нас облик и образы людей тогдашнего степного мира. Существование жанрового искусства засвидетельствовано

также для срединно-евразийских степей (жанровые сцены на западно-сибирских золотых пластинках, фигурка всадника с Алтая и др.).

IX. Нужно отметить специфическую связь между культурами степной и северной лесной зоны (к востоку от черноморско-балтийского и балтийско-студеноморского междуречий). В изложении Н.П.Толля мы подходим к этим проблемам в вопросах воздействия скифской культуры на ананьевскую и сарматскую — на пьяноборскую культуру, а также в явлениях взаимодействия между металлодобывающими центрами лесной зоны и степной культурой. Из более ранних фактов сюда же можно отнести связь между древнейшей степной культурой (т.наз. «скорченных и окрашенных костяков») и неолитической фатьяновской культурой^{*} нынешней Московской области (в широком смысле этого слова). Культуры степной и лесной зоны (к востоку от междуречий) объединены, между прочим, типом одежды. «Археологии драпировок», характеризующей прошлое западной и южной периферии Старого Света, в мире степной и лесной зоны противостоит «археология кафана и штанов». Это обстоятельство сопряжено с условиями климата. «Русская зима» отличительна для «прямоугольника степей» вместе с северной лесной зоной (на огромном пространстве средняя январская изотерма ниже — 5° С, на многих миллионах кв. верст — ниже — 15° С).

Также звериный стиль особого пошиба является общим для степной и северно-лесной зоны. Поэтому-то пошиб этот и может быть назван «евразийским» (см. выше). В течение долгих столетий он в равной степени характеризует искусство Доуралья и Зауралья. Есть основания думать, что пошиб этот повлиял на китайское искусство.⁵⁰ Впрочем, в китайском искусстве он выступает в существенно преобразованном виде. А в раннем средневековье этот стиль, на несколько столетий, утвердился в Европе. Однако, как устойчивый эстетический уклад, стиль этот отличает, по преимуществу, совокупность евразийской степной и евразийской лесной зоны. Некоторые черты специфической связи нужно отметить и в соотношении кочевой культуры с культурами срединно-материковых оазисов (см. выше).⁵¹ В соответствии с этим культурная среда степного мира вместе с культурами северно-лесной зоны, с одной стороны, и срединно-материковых оазисов — с другой, выступает перед нами, в качестве целого, со сравнительно тесной внутренней связью.⁵² Судьбы этого культурно-исторического целого и составляют историю Евразии.⁵³

X. Существенно отметить историософское самопротивопоставление степного мира окраинно-периферическим мирам. В этом отношении показательны слова того же китайца-евнуха, перешедшего к шаньюю Киоку (см. выше). Он отклоняет упреки, делаемые китайцами кочевникам, в плохом уходе за стариками и в переходе жен от умершего к другим представителям рода. Плохой уход он объясняет условиями военной жизни, а переход жен — стремлением поддержать родовое единство. Затем он обличает китайцев: «Ваши обычай и ваше право

* Позднее установлено, что фатьяновская культура имеет отношение к бронзовому веку. — Ред.

таковы, что класс восстанавливается против класса; и одни принуждены быть рабами, чтобы дать другим возможность жить в роскоши». Это, пожалуй, самое раннее, дошедшее до нас противоположение «срединного мира» периферическому, как миру «капитализма и эксплуатации». Обличения евнуха есть как бы слово о «гнилом Китае». Он указывает на раздоры, ссоры и разрушение семей. «Что вы будете рассказывать мне, вы, посаженные в клетку модники!» Основу гуннской моци он видит в независимости гуннов от Китая по части всех реальных потребностей (так сказать, идея «хозяйственно самодовлеющего мира»). Обращаясь к гуннам, он говорит: «Шелка и ситцы гораздо менее, чем войлок, приспособлены к той суровой жизни, которую вы ведете; а китайские лакомства значительно менее питательны, чем ваши кумыс и сыр». Аналоги этим суждениям можно найти в скифской, поздне-гуннской и турецкой истории. Изучение историософской проблемы России и Европы нужно начинать с изучения, в истории кочевого мира, постановки вопросов о срединном и периферических укладах. В постановке этой, за много столетий до нашего времени, мы встречаем мотивы, которые звучат и в XIX и в XX вв.

Рассуждая теоретически, в историческом рассмотрении Старого Света возможны две основные трактовки: степилюбивая и окраинолюбивая трактовка.⁵⁴ Каждая из этих трактовок научно плодотворна, поскольку она является стимулом изучений. Важно только, чтобы трактовки эти не приводили к тенденциозности выводов. Нужно сказать, что в науке, имевшей до сих пор дело с кочевым миром, по понятным причинам, преобладали окраинолюбивые мотивы: ведь наука эта создана окраинными народами.⁵⁵ Нельзя закрывать глаза на то, что окраинолюбие имело не только плодотворные следствия; оно приводило к тенденциозности выводов. Придавалось преувеличенное значение культурной зависимости степного мира от периферических стран, в особенности западных и южных; без достаточных оснований все и вся в степном укладе возводилось к периферическим влияниям (иными словами, игнорировалось качество кочевой среды как самостоятельного исторического мира). Не будем приводить примеров. Укажем только на необходимость усиления в науке (ради полноты и широты охвата) степилюбивых мотивов, с тем, однако, чтобы плохие примеры не получили подражателей, дабы не повторилось «все то же, только наоборот». Степилюбие не должно приводить к тенденциозности выводов.

XI. В изучении кочевого мира, как оно практиковалось до сих пор, относительно очень большое внимание уделялось исследованию этнографической принадлежности отдельных кочевых народов. Конечно, эти вопросы имеют значение. Не нужно, однако, преувеличивать их удельный вес. Нужно подчеркнуть, что «общность кочевой жизни и культуры была сильнее племенных различий» (Н.П.Толль). Переходя к частностям, необходимо отметить, насколько неудобно, при сложившемся словоупотреблении, называть те или иные степные народы «иранцами», хотя бы народы эти этнографически были родственниками мидян и персов. Или географическому Ирану («иранскому плоскогорью» и примыкающим странам)⁵⁶ нужно дать новое имя, или

же следует придумать особое обозначение для указанных кочевых народов (их можно называть, напр., «степными арийцами»). Сколь бы ни были многочисленны пункты культурного сближения степных и внетепловых арийцев, называть «иранским» культурное начало, несомое теми и другими, — это значит практиковать смесительное словоупотребление. Иранский уклад есть определенный оседлый культурный уклад периферического иранского месторазвития, существенно отличный от кочевого уклада, представленного степными арийцами.⁵⁷ Степные арийцы принадлежат к культурному миру, отнюдь не тождественному с миром иранским. Все это тем более важно, что в истории замечается постоянное взаимопротивопоставление иранского и степного мира.⁵⁸ Противопоставление это можно видеть в борьбе мидийского Киаксара со скифами, персидских Кира и Дария — с массагетами и теми же скифами, затем в борьбе Сасанидов с гуннами-эвталитами (пропускаем несколько промежуточных этапов).⁵⁹ Противопоставление это, на сей раз в парадоксальной форме, сказалось и тогда, когда Иран и евразийские степи оказались одинаково под монгольской властью. В данном случае противопоставление это выразилось в войне между двумя вассальными монгольскими царями — между золотоордынским (степным) царем Беркаем и персидским (иранским) царем Хулагу.⁶⁰ Позднее то же противопоставление сказалось в борьбе Тимура с Тохтамышем. В этой борьбе Тимур представлял иранское, а Тохтамыш — степное начало.⁶¹

XII. Самостоятельная политко-милитарная роль кочевого мира сошла на нет в XVIII и XIX вв. (определенное хозяйственno-культурное значение кочевой принцип сохраняет до настоящего времени). По свойствам кочевой тактики кочевая сила не поразима в каком-либо определенном участке степи. Принудить кочевников к подчинению можно только, охватив степь в ее целом. Сама огромность «прямоугольника степей» препятствовала такому охвату. Прямоугольник этот имеет две большие (северную и южную) и две малые стороны (восточную и западную).⁶² Вплоть до XVII века ни одной из боровшихся с кочевниками периферических держав ни разу не удалось осуществить охвата хотя бы одной большой стороны. Китаю и Персии, в моменты наибольшего развития их могущества (Китаю — при Ханьской и Танской династиях, Персии — при Ахеменидах), удавалось охватить до половины большой (южной) стороны степного прямоугольника: Китаю удавалось охватить ее от восточной оконечности до долгот Памира, Персии — от долгот Памира до западной оконечности (низовья Дуная). И только в XVII веке русское государство, зародившееся около восьми веков перед тем на рубежах Европы, к северо-западу от степи, а отчасти и в примыкающих степных пределах, — русское государство, двигаясь с запада на восток по лесной и тундровой зоне, завершило охват большой северной стороны степного прямоугольника (от Днепра до Великого Океана). Тем самым была создана база для наступления на степь, небывалая в мировой истории. Приблизительно одновременно в Китае утвердилась Маньчжурская династия, организовавшая Китай

для энергичного натиска на степь. В результате уже в XVIII в. подчинились Китаю восточноевразийские степи (за исключением некоторых доставшихся России северных островных степей).⁶³ Несколько позже Россией было завершено подчинение западноевразийских степей. А во второй половине XIX в. Русская власть охватила и срединноевразийские степи. Тогда закончилось начавшееся по крайней мере за 2,5 тысячи лет перед тем самостоятельное политико-милитарное значение кочевников во всемирной истории. Позже монгольская нация восточноевразийских степей стала обнаруживать тяготение к России (начало XX века). Не случайными связями сопряжена со степями Россия.⁶⁴ В этом повороте небезынтересно проследить, как распределялось в XIX в. между европейскими и русскими исследователями изучение тогдашней Китайской империи. Мы располагаем данными специально по ботанико-географической отрасли.⁶⁵ В степных частях преобладали русские исследователи. В Джунгарии все семь работавших там в XIX веке ботаников были русскими; в китайском, или восточном, Тяньшане русскими были шесть из семи, в Монголии — тридцать одна из тридцати шести, в таримско-китайской перемычке — три из четырех исследователей. Несколько иначе обстоит дело в характерном районе «абсолютной пустыни» — в Восточном Туркестане (также по этому признаку «абсолютная пустыня» выступает как самостоятельная область). Здесь из семи исследователей было только три русских. В направлении собственно Китая русская географическая наука шла по историческим стопам кочевников. В тех китайских провинциях, вдоль Великой стены, где появление кочевников было постоянным явлением, русские исследователи или преобладают, или сильно представлены: в Кан-су из семи исследователей — шесть русских, в Шан-си единственный исследователь — русский, в Шен-си — два русских из общего числа пяти исследователей, в Чжили — семь из двадцати четырех. Далее к юго-востоку лежит «мертвая полоса», где до конца XIX века вообще не было ни одного исследователя (провинция Хэнань). В изучении восточных и южных провинций, т.е. во всем собственно Китае, вне древней степной и полустепной области монголов и гуннов, безусловное преобладание принадлежало европейской науке. Граница русских исследований совпадала приблизительно с границей евразийского мира, как мы наметили ее в предыдущем. На северо-западе русские ученые были еще кое-как представлены (в Хубее — три из одиннадцати, в Сычуане — три из двадцати трех); далее к востоку и югу их не оказывалось совсем. В ботанико-географическом исследовании десяти собственно китайских провинций русские имена не представлены вовсе (европейские ученые упоминаются здесь 157 раз). В одной только южно-приморской провинции Фуцзян на шестнадцать имен, писанных латиницей, имеется одно, писанное кириллицей.⁶⁶ Русская наука имеет призвание к исследованию степи. Это сказалось в географической области, отчасти выразилось уже и в изучении кочевого мира. В еще большей степени призвание это должно раскрыться в грядущем развитии «кочевниковедения». По

охватываемому материалу и по самостоятельности темы кочевниковедение соразмерно таким дисциплинам, как синология, индианистика, ирановедение. Есть основания думать, что кочевниковедение станет преимущественно русской наукой. Но желанны и другие силы. В частности, необходимо привлечение к кочевниковедной работе культурных сил современных кочевых народов. Народы эти должны найти свое место и свою почетную роль в общем деле России-Евразии.

6.VIII.1928.

Примечания:

- ¹ Ссылки на страницы, без указания автора, относятся к книге Н.П.Толля «Скифы и гунны» (В издании, по которому публикуется статья П.Савицкого, ссылки на работу Н.П.Толля не указаны. — Ред.). Важнейшие из упоминаемых ниже географических названий могут быть найдены на приложенных к этой книге географических картах.
- ² Некоторые авторы (напр., Б.Н.Городков: Работы Гыданской экспедиции А. Н. по пути к истокам р.Гыды, Доклады Академии Наук СССР, 1928) называют «кочевниками» обитателей тундры. Рассматриваемую нами конно-кочевую культуру нужно резко отличать от тундровой оленеводной культуры. Этой последней в предлежащем очерке мы не касаемся вовсе.
- ³ A.M.Tallgren. La Pontide prescytihque apres l'«introduction des metaux». Helsinki, 1926; в особенности стр. 144 и сл., а также заключение.
- ⁴ Передвижение по водоразделам дает возможность избегнуть затруднительных для кочевников переправ через реки. В кочевом мире именно водораздельные центры являлись узлами путей. В этом отношении характерна, между прочим, география позднейших (т. наз. «татарских») сакм и шляхов. Ее особенно легко проследить по материалам Центральночерноземной области (В.П.Семенов. Россия, том II. СПб., 1902, стр.127, 132; В.Н.Хитрово. Растительность Орловской губ. Орел, 1925, стр.281 и карта). Соединения шляхов в один и разветвления шляхов приурочены, по преимуществу, к водоразделам. Шляхи эти, по слову В.Н.Хитрова, идут по водоразделам «полянами и диким полем», избегают мелких переправ и топких мест, пересекают крупные реки надежными бродами и переправами.
- ⁵ Tallgren, ibid., стр.25 и сл.
- ⁶ Б.В.Лунин. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. в «Бюллетене» Сев. Кавказского Бюро Краеведенья, 1927, №1-6, стр.21.
- ⁷ W.Radloff. Aus Sibiren, II Band. Leipzig, 1884, стр.68 и сл.
- ⁸ Растительность травянистой пустыни отличается от растительности степи выпадением злаковой основы (т. е. исчезновением ковылей и типчака), а также постоянным наличием участков голого субстрата между кустами растительности (см. книгу «Географические особенности России», ч. 1. Сводка данных о растительности степи и травянистой пустыни имеется в работе Б.А.Келлера: Растительный мир русских степей, полупустынь и пустынь, в. 1. Воронеж, 1923. См. также английский очерк того же автора: Distribution of vegetation on the plains of European Russia в «The Journal of Ecology», August 1927). Для травянистой пустыни характерно присутствие сухолюбивых полукустарничков, вроде полыни и изена. «Абсолютная» пустыня тяготеет в пределе к полному отсутствию органической жизни (что и отмечается, напр., относительно Хамийской пустыни и затем Такла-Макан в Таримском бассейне). Понятие абсолютной (так же, как и травянистой) пустыни вводимо в периодическую

систему зон (Г.О.Р., стр. 148). В частности, в абсолютной пустыне нужно ожидать средней годовой относительной влажности в 1 ч. дня ниже 44% и ср. температуры июля выше +29,5°C. На этих вопросах надеемся остановиться подробнее в другом месте. Здесь хотим подчеркнуть только то, что различие травянистой и абсолютной пустыни поддается обоснованию с географической точки зрения.

⁹ Так, напр., после китайских походов около 120 г. до Р.Х. к югу от пустыни больше не было гуннов. Сюда вернулся Хохан-ша I, а затем снова откочевал к северу от пустыни. Перечисление «перебросок» можно было бы продолжить и дальше. История этих перебросок свидетельствует, между прочим, о неизменности, в основных чертах, географической природы «монгольского ядра» за последние 20 столетий. Для защиты от кочевников применялся прием сожжения степи. Этим травянистое пространство временно переводилось как бы на положение «абсолютной пустыни».

¹⁰ Вполне вероятно, что кочевой быт, в точном смысле этого слова (т.е. конно-кочевой уклад), представляет явление, возникшее позже оседлости. Тем самым отпадает представление о кочевом быте как об особой «стадии» в развитии человечества (и притом стадии более ранней, чем оседлость). Кочевой быт представляет не «стадию», но месторазвитие (см. ниже). В связи с этим нужно указать на необоснованность ходячих суждений о том, что кочевая культура принципиально «ниже» оседлой. В чисто научной сфере понятие «лестницы культур» надлежит заменить представлением о разных культурах (ср. брошюру кн. Н.С.Трубецкого «Европа и человечество». София, 1920).

¹¹ См. очерк А.А.Спицына «Татарские курганы» в «Известиях Таврического Общества истории, археологии и этнографии». Симферополь, 1927.

¹² В предлагаемом кратком обзоре автор сознательно оставил в стороне вопросы, касающиеся религиозных представлений кочевых народов. Даже постановка этих вопросов требовала бы такого овладения материалом, на которое не претендует автор этой статьи. По данному вопросу см. только что появившийся в свет в посмертном издании труд Н.П.Кондакова «Древности восточных кочевников и Южной России». О характере религиозного мировоззрения кочевников-туранцев см. работу кн. И.С.Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре» («Евразийский Временник», кн. IV. Берлин, 1925; перепечатана в сборнике «К проблеме русского самопознания. Париж, 1927).

¹³ Переходим здесь от более новых к более древним явлениям.

¹⁴ Ср., напр., у Паркера (*E.H.Parker. A Thousand Years of the Tartars*, 2 ed. London, 1924) рассказ о погребении взятого китайцами в плен турецкого хакана Gheri (634 г. после Р.Х.).

¹⁵ А.А.Захаров. Раскопки акад. В.В.Радлова в 1865 г. в «Трудах Государственного Исторического музея», Вып. 1. Разряд археологический. Москва, 1926, стр. 81 и 99—100.

¹⁶ В восточной Евразии (иначе — »монгольском ядре«) вероятно нахождение островных участков пустыни также к северу от этой линии.

¹⁷ Под горным обрамлением Евразии подразумеваем, в данном случае, иранские и тибетские нагорья (ср. брошюру «Россия — особый географический мир». Прага, 1927, стр.47).

¹⁸ В качестве примера назовем также пески Адам-крылган (место, где погиб человек), к северу от Аму-Дарьи, т.е. в Кызыл-кумах.

¹⁹ В Новом Свете кочевая культура, в точном смысле слова, не могла создаться, ввиду того что до появления европейцев там не было лошади. Позднейший же быт в американских травянистых пространствах, и в

частности быт «ковбоев», представляет, по-видимому, некоторый аналог конно-кочевому быту.

²⁰ Наилучшее представление о современном распространении земледелия дает «Карта земледелия СССР» И.Ф.Макарова (под общей редакцией и с предисловием Н.И.Вавилова; издание Всесоюзного Института Прикладной Ботаники и Новых Культур. Ленинград, 1926).

²¹ *Gero b. Merhardt. Bronzezeit am Jenissei.* Wien, 1926, стр.40 и сл.

²² К иранскому кругу причисляем также оседлые культуры Кавказа (западное Закавказье может быть отнесено к средиземноморскому кругу).

²³ Ср. замечания В.В.Бартольда в его «Истории культурной жизни Туркестана» (Ленинград, 1927), стр.2, 6 и др.

²⁴ Ср. статью П.М.Биццilli: «Восток» и «Запад» в истории Старого Света», сборник «На путях», 1922, стр. 321.

²⁵ Назовем так страну «между бассейном Тарима на западе, Тянь-шанем на севере, Кузун-лунем и Нань-шанем на юге и Монголией на востоке».

²⁶ О возможном значении этого северного или степного пути для шелковой торговли Н.П.Толль говорит в своем очерке «Заметки о китайском шелке на юге России» (Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н.П.Кондакова. Прага, 1927).

²⁷ Топографии одинаково китайско-степного и черноморско-степного шва посвящено немало внимания: первой — в китайской, второй — в античной, русской и европейской литературе. Некоторые китайские описания области Великой Китайской стены насыщены поэтическим чувством. Видимо, область эта являлась для китайских авторов источником вдохновения, подобно тому как в первой половине XIX в. источником вдохновения для русских поэтов являлся Кавказ.

²⁸ См. наш очерк «Континент — океан (Россия и мировой рынок)» в сборнике «Исход к Востоку». София, 1921. Очерк этот перепечатан в брошюре «Россия — особый географический мир». Прага, 1927.

²⁹ С этим связан вопрос о значении кочевников в кавалерийском деле. В частности, также в европейской терминологии кавалерийского дела обнаруживается немало элементов, восходящих к кочевникам.

³⁰ Ср. хотя бы замечания Г.В.Вернадского: «Начертание русской истории» (Прага, 1927), стр.11.

³¹ Когда китайский император (один из первых императоров Танской династии) проявляет исключительное личное мужество, европейский исследователь (Е.Паркер) считает своим долгом отметить, что в жилах этого императора текла кочевничья (турецкая) кровь. Укажем, что одна из лучших воинских сил средневекового Средиземноморья, а именно мамлюкское войско Египта, составлялась из половцев-куманов, уроженцев южно-русских степей. Нужно заметить, что кочевой мир придавал большое значение личной (телесной) спортивке и выправке. В этом — одна из основ военного могущества кочевников. Можно думать, что личная спортивка и выправка кочевников способствовали возникновению «моды на все кочевническое», которая не раз охватывала периферические страны. Так и в современной американской, а отчасти и в европейской среде существует мода на «ковбоев», но это уже ослабленное подобие кочевого быта. Не нужно забывать, однако, что кочевники имели огромную военную традицию самостоятельную, временами великую государственность и значительное искусство (см. ниже). Применительно к «ковбоям» обо всем этом едва ли возможно и говорить.

³² В.В.Бартольд. История культурной жизни Туркестана.

³³ Во время гражданской войны 1919 г. эта линия снова получила значение

- под именем Ак-манайских позиций.
- ³⁴ ГР. И.Толстой и Н.Кондаков: Русские древности в памятниках искусства, вып.1. СПб., 1889, стр.17.
- ³⁵ O.F. von Mollendorf. Die grosse Mauer von China («Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft», XXXV Band. Leipzig, 1881).
- ³⁶ Ср. наши «Геополитические заметки по русской истории» в приложении к книге Г.В.Вернадского «Начертание русской истории» (Прага, 1927), стр.253.
- ³⁷ Здесь и в настоящее время простирается т.наз. Та-лу («большая дорога»), усаженная китайскими деревнями. См. Г.Н.Потанин: Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия. СПб., 1895 и сл.
- ³⁸ маршруты Н.М.Пржевальского. «Труды Главного Ботанического Сада», т. XXXIV, вып.1, под редакцией Б.А.Федченко. Петроград, 1920.
- ³⁹ Здесь и в последующем, подобно Н.П.Толлю, исходим из подразделения евразийских степей на: восточно-евразийские, от Большого Хингана до Алтая; срединно-евразийские, от Алтая до Волги (или Дона); западно-евразийские — к западу от долгот волжско-донской перемычки (ср. «Географические особенности России», ч.1, стр.44).
- ⁴⁰ Подразумеваем дохинганские степи «монгольского ядра».
- ⁴¹ См., напр., нашу статью «Степь и оседлость» в сборнике «На путях». Берлин, 1922.
- ⁴² Название Китая (в русской терминологии) происходит от имени манчжурского племени, около двух веков (Х—ХII вв.) владевшего Северным Китаем. Чтобы не смешивать это племя с собственно китайским историческим миром, было бы правильнее этот народ называть катаями (cathayans).
- ⁴³ М.И.Ростовцев. Сарматские и индо斯基фские древности; особенно стр.251—252 (сборник статей, посвященных памяти Н.П.Кондакова. Прага, 1926).
- ⁴⁴ По некоторым предположениям, киммерийцы — фракийское племя (Iranians and Greeks in south Russia by M.Rostovtzeff. Oxford, 1922, p.13), проникшее в причерноморские степи с запада. Этому проникновению отвечает упоминаемое Н.П.Толлем влияние в причерноморских степях «самостоятельной бронзовой культуры Венгрии, доходившее до Днепра» (стр.5).
- ⁴⁵ Первое событие отделено от второго промежутком приблизительно в одиннадцать веков (VIII в. до Р.Х. — IV в. после Р.Х.).
- ⁴⁶ Есть основания думать, что по результатам вытеснение скифов также свелось к их расщеплению на несколько групп.
- ⁴⁷ Еще в XVII столетии в Крыму существовали люди, знавшие готский язык.
- ⁴⁸ См. статью Ю.В.Готье о хазарах в «Новом Востоке», №8-9. Москва, 1925.
- ⁴⁹ Ср. по этому поводу замечания Н.М.Беляева в статье «Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды» (Сборник статей, посвященных памяти Н.Л.Кондакова, Прага, 1926; в особенности см. стр.202 и карту).
- ⁵⁰ Ср. Г.И.Боровка: Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции в сборнике: Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-тибетской экспедицией П.К.Козлова. Ленинград, 1925, стр.35—36.
- ⁵¹ В обширном археологическом материале по Таримскому бассейну, изданном в фолиантах «Serindia» A.Stein'a, можно, напр., отыскать подобия степного звериного стиля (ср. мотив вепря). Хотим указать, что один из народов, игравших значительную роль в истории кочевого мира, — турки-уйгуры (стр.43; расцвет образованной ими кочевой державы относится к VIII веку) — стали впоследствии «оазисным» народом «китайско-таримской перемычки». В XIII веке именно их культуру (из числа культур оседлых

народов) Чингис-хан считал наиболее подходящей к потребностям кочевого монгольского народа.

⁵² Именно эту совокупность описывает Геродот в главах о Скифии (см. выше). В чисто географическом смысле все три названные области, по климату своему, «контрастны», т. е. имеют жаркое лето и суровую зиму. Между прочим, в этом их отличие от умеренных и теплых, по климату, южных и западных периферий Старого Света. Наиболее резко выражена контрастность в прямоугольнике степей, в особенности в срединной и восточной части. В северной лесной зоне — прохладнее лето, в области срединно-материковых оазисов — теплее зима.

⁵³ Ср. «Начертание русской истории» Г.В.Вернадского.

⁵⁴ В отношении к степному миру все прочие исторические миры Старого Света, как сказано, являются окраинными.

⁵⁵ Впрочем, в греческой литературе имелась, как известно, скифолюбивая струя (об этом см.: М.И.Ростовцев. Скифия и Боспор, 1925). В.В.Бартольд отмечает степилюбивые мотивы в персидской литературе (очерк «Отец Едигея» в «Известиях Таврич. О-ва истории, археологии и этнографии». Симферополь, 1927, стр.20).

⁵⁶ Т.е. Ирану, в смысле, напр., «Историко-географического обзора Ирана» В.Бартольда (СПб., 1903).

⁵⁷ Это не исключает присутствия в горных хребтах Ирана нескольких обособленных кочевых групп.

⁵⁸ См. статью В.П.Никитина «Иран, Туран и Россия» («Евразийский Временник», кн. V. Париж, 1927), а также «редакционное примечание» к этой статье.

⁵⁹ Скифы, вероятно, были арийцами, гунны-эвталиты — «туранцами». Это изменение не повлияло на основное geopolитическое соотношение степи и Ирана.

⁶⁰ Г.В.Вернадский. Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога (Сборник статей ... издаваемый семинарием имени Н.П.Кондокова. Прага, 1927), в особенности стр.75.

⁶¹ Борьба между Тимуром и Тохтамышем была одной из тех, которые запечатлелись в памяти и судьбах евразийских народов. На северном Кавказе до сих пор указывают место, где произошла битва между этими полководцами. Тимур подверг разорению столицу Золотой Орды — Новый Сарай на Ахтубе: «Терещенко нашел среди развалин «один остов без рук, а ноги поперек туловища»... другой без черепа, все кости, за исключением рук, как бы изрублены в мелкие куски ... вдали от них несколько других остатков, иные без черепов, другие без рук и ног...». Так действовала безжалостная рука победителя, «обратившего Сарай в пепел», «погнавшего жителей перед собой, как стадо баранов» (Ф.В.Баллод. Старый и Новый Сарай, Казань, 1923, стр.11—12). Все же это разорение не пресекло степной традиции. И уже при Тимуре, под управлением Едигея, Золотая Орда окрепла в значительной степени.

⁶² Иначе их можно называть длинными и короткими сторонами.

⁶³ Степи по Енисею, Ангаре, в Забайкалье и в ленском крае.

⁶⁴ В рассматриваемых явлениях по новому обнаруживается та специфическая связь между историческими формациями степной и северно-лесной зоны (к востоку от междуречий), о которой мы говорили в предыдущем.

⁶⁵ E.Bretschneider. History of European Botanical Discoveries in China. London, 1896 (Parts I—II, p.1-1168).

⁶⁶ В.Л.Комаров. Введение к флорам Китая и Монголии. СПб., 1908, стр.20 («Труды И. СПб. Ботан. Сада», том XXIX, вып. I).

Равиль Фахрутдинов

**Кочевой мир средневековой Евразии
(Обзор археолого-исторической литературы
второй половины XX в.)**

Вместо предисловия

Могущественные хунну и древнетюркская цивилизация в Центральной Азии, Великое переселение народов и Гуннская империя Атиллы, потрясшие всю Европу (конец III в. до н.э. — сер. V в. н.э.); Великий Тюркский каганат с его огромнейшей территорией от Желтого моря на востоке и до Крыма на западе, с его лапидарно-поэтической руникой — гордостью всего востоковедческо-туркологического научного мира (сер. VI — сер. VIII вв.); второе после гуннов мощное движение тюркоязычных народов на запад — кипчаков из Зауралья, выходцев с Алтая и Центральной Азии, присоединивших в своем новом переселении крупные огузо-печенежские племена Арало-Каспийского региона и Заволжья, образование новой степной державы — Дешт-и-Кипчак (сер. XI — 30—40-е годы XIII в.); великий, непобедимый Чингиз-хан и создание самой крупной в мире империи — Монгольской (нач. XIII — сер. XIV вв.); выделение из нее Улуса-Джучи — Золотой Орды, мощного geopolитического мира, крупнейшей державы и яркого симбиоза кочевой и городской культуры развитого Средневековья (1243 г. — 30—40-е годы XV в.).

Весь этот таинственный, гунно-половецко-татарский степной мир, непонятый одними и восхищавший других, заставлял ломать себе головы не одному поколению исследователей: археологов-кочевниковедов, историков-востоковедов, лингвистов-туркологов. Не одна «гора» научных монографий, историко-философских трактатов, серьезных научных статей и популярных очерков, исторических романов, поэм и драм, не один десяток полотен живописи, не одна сотня иллюстраций и графики на историческую тематику были созданы на Востоке и на Западе: о Великой степи, о воинственных кочевниках и лихих степных «ковбоях» — диких и грозных для одних, степных рыцарях и выдающихся военачальниках для других... О бескрайних ковыльных степях, белых шатрах, верблюжьих караванах, о тьма-тьмущих ордах кочевников: хунну-гуннах, сяньбийцах, аварах, хазарах, болгарах, тюрки-туркютах, кипчаках-половцах, печенегах, огузах, монголах, татарах... О племенных союзах, государствах, империях, о военных вождях, каганах — великих ханах, беках-эмирах, талантливых полководцах: Модэ и Таншихае, Атилле и Аспарухе, Бумын-кагане и Кюль-Тегине, Чингиз и Бату-ханах, Узбеке и Джанибеке, Тохтамыше и Улу-Мухаммеде, Ногае и Идегее...

Научный обзор всего этого огромного историографического, литературovedческого и искусствоведческого багажа требует большого труда не одного исследователя. Подобная работа ждет своих будущих авторов — специалистов-кочевниковедов и историков культуры.

Наша цель значительно скромнее — сделать, в силу возможности, краткий анализ археолого-исторических работ о кочевниках евразийских степей, опубликованных в последние полвека в бывшем СССР (позднее, за прошедшие почти десять лет, и в Российской Федерации). В наши планы также не входит цель обзора общеисторических работ, в которых нашли достойное освещение история и культура тюркского кочевого мира — имеются в виду сочинения бывших диссидентов-эмигрантов и ученых-евразийцев (Г.В.Вернадский,¹ П.Н.Савицкий,² Н.С.Трубецкой³ и некоторые другие), изданные, вернее, переизданные с нью-хейвенской (США) и пражской публикаций впервые в новой России в 90-х годах, т.е. в наше время демократизации общества. Именно в них сделана весьма серьезная, успешная попытка правдивого освещения многовековой истории тюрко-степного Средневековья, свободная от унитаризма, диктата коммунистической идеологии и политизации науки. Поэтому, эти смелые исследователи были неугодны у себя на Родине, поэтому, их работы были запрещены в СССР.

То же самое можно сказать и о незабвенном Л.Н.Гумилеве, если не больше. «Больше» потому, что он, напротив, всю жизнь провел на своей родине, постоянно находясь под жестким идеологическим пресингом, став жертвой травли властей и академических кругов: тюремы, лагеря и штрафные батальоны, многочисленные препоны при устройствах на работу, умалчивание его трудов и т.д. Основная причина отрицательного отношения властных структур и законопослушных представителей официальной исторической науки к Л.Н.Гумилеву, на наш взгляд, заключается в том, что «всю свою научную жизнь он посвятил исследованию истории, главным образом, тюркских народов, которую они не знали и знать не хотели. Подобная неприязнь помешала им достойно оценить роль Льва Николаевича в объективном освещении самой русской истории, истории собственно России...»⁴

Преодолев на своем жизненном и творческом пути невероятные трудности, но прожив долгую жизнь, Л.Н.Гумилев оставил потомкам неоценимое научное наследие по истории тюркоязычных народов, прежде всего средневекового кочевого мира Евразии,⁵ создал новую теорию этногенеза, основанную на пассионарности, т.е. на биосферной закономерности происхождения этносов.⁶ Как никто другой из русских историков, он приблизил российскую, главным образом русскую науку, демократическую часть русской общественности, русского читателя к этой богатой истории, к этому огромному гео- и этнополитическому миру.

Тяжкая судьба кочевниковеда досталась и научному руководителю Л.Н.Гумилева — М.И.Артамонову, выдающемуся археологу и историку-хазароведу, учителю не одного поколения крупных специалистов по этнополитической истории и культуре средневекового степного мира. Хотя он и не дошел до тюрем и ссылок, но не раз оказывался «под колпаком» сильных мира сего — и за этих «поганых» кочевников, и за правдивое, объективное освещение вопросов славянского этногенеза, свободное от суперпатриотических взглядов на эту

тему, и за другие «научные грехи» его. Как правильно отметила недавно его ученица С.А.Плетнева, «М.И.Артамонов избежал самого страшного конца, хотя неоднократно очень близко подходил к рубежам, от которых редко возвращались коснувшиеся их».⁷ В своей научно-исследовательской деятельности М.И.Артамонов пострадал прежде всего за его большое внимание к хазарской тематике и за знаменитую книгу «История хазар», опубликованную в 1962 г. — главный научный труд его самого и, в сущности, всего хазароведения.

Об этом капитальном труде мы еще скажем ниже, а пока перейдем к краткой характеристике тех работ, которые внесли большой, порой огромный вклад в кочевниковедение, в исследование истории и культуры населения обширнейших евразийских степей в среднем 1500-летнего прошлого (рубеж н.э. — XIV в.). Естественно, наш обзор отнюдь не претендует на полноту и мы не стремимся к ней.

Прежде чем перейти к такому посильному анализу основного круга кочевниковедческой литературы с первых послевоенных лет, мы хотим обратить внимание наших уважаемых читателей на один, с нашей точки зрения, немаловажный момент. Несмотря на то, что почти весь этот период, за исключением последних лет, являлся временем тоталитаризма в идеологии и мышлении, однако археологическая наука, своим объектом исследования меньше связанная с политикой и классовым подходом к оценке исторических эпох и событий, достигла больших успехов в исследовании материальной культуры, в том числе и культуры кочевых народов. Уверен, что здесь сыграл важную роль высокий профессионализм исследователей-полевиков, прежде всего, петербургско-ленинградской и московской школ археологии. Хотя проблема связывания той или иной археологической эпохи и культуры, культуры средневекового государства (кипчаки, Золотая Орда) с определенным этносом современного тюркского мира не только оставалась открытой, этот «щепетильный» вопрос просто-напросто не существовал в советский период механической уравниловки нерусских народов. Относительно кочевниковедения как науки в Татарстане можно с уверенностью сказать, что его практически не было; о причинах подобного вакуума в татарской археологии мы скажем в конце.

Кочевой мир азиатских степей

С серьезными публикациями о проблемах распада родовых отношений, возникновения классов и государств у кочевников Азии — тюрков, а также о результатах изучения немалого числа археологических памятников Киргизии и Таласской долины в Тянь-Шане, известных Ноинулинского и Кенкольского могильников рубежа и II—IV вв. н.э. выступил еще до войны А.Н.Бернштам, несомненно, талантливый и молодой археолог-кочевниковед с большой научно-исследовательской перспективой. Перу Бернштама второй половины его научной деятельности, т.е. послевоенной, помимо исследования ряда археологических памятников Семиречья и Северного Казахстана,

принадлежат некоторые общие работы по истории кочевников, среди них — известная монография о социально-экономическом строем орохено-енисейских тюрок VI—VIII вв., т.е. населения Тюркского, особенно Восточно-Тюркского, каганата, основанная на анализе эпиграфики с восточной руничкой (памятник Кюль-Тегина).⁸ В сущности, это — теоретическая работа, каких было не так уж много в те времена становления и развития кочевниковедения. А.Н.Бернштам сумел довольно демократично подойти к характеристике раннетюркского общества, различных его слоев — не только верхних (каган — ябу, шад — буюруки — беги-беки, а также категории военных руководителей в виде эльтеберов и тутук), но и низших. При характеристике последних он был далек от прежних шаблонных определений, по которым, все они были жестоко эксплуатируемы. Так, по Бернштаму, кара будун («черный народ») — это основная масса населения; кара баш («черная голова») — данник; кул (дословно «рука») — зависимый человек, непосредственный производитель. Однако тот же автор, противореча самому себе, все три категории низшей прослойки называет и рабами. Здесь А.Н.Бернштам ссылается на сообщение из надписи памятника Кюль-Течина (732 г.) — выдающегося военачальника Восточно-Тюркского каганата, где от его имени и от имени его брата Бильге-кагана ведутся рассказы об исторических событиях тех времен. Такие изречения, как «сделал богатым неимущий народ», «сделал многочисленным малочисленный народ», пишет автор, показывает, что общество приобретало рабов.

Если обратимся к названному памятнику, к его Большой надписи, то увидим, что Бильге-каган, которому принадлежат вышеприведенные цитаты из надписи, только перед этим с гордостью говорил о своих достижениях при управлении государством: «я поднял к жизни готовый погибнуть народ», т.е. тюрок, свой народ, или: «я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел /без дела/ днем».⁹ Итак, здесь не идет речь о приобретении на войне рабов. Повторяю: это — свой, тюркский народ. К тому же, Бильге-каган говорит, что он «не делал огнем и водой присоединившиеся /к нам/ народы (т.е. старался ладить с ними мирно)».¹⁰ Именно на подобную государственную деятельность кагана, направленную на возвышение народа тюрок, обратила в свое время внимание И.В.Стеблева, проводившая историко-литературоведческий анализ рунического письма памятников VI—VIII вв.¹¹

Другая монография А.Н.Бернштама под названием «Очерк истории гуннов» посвящена характеристике политической, социально-экономической и этнокультурной истории как восточных, так и западных хунну (гуннов) на основе достижений тогдашнего гунноведения.¹² Следует отметить, что задача, поставленная автором в этом плане, в основном была решена, и названное исследование остается и поныне той работой, к которой часто обращаются современные кочевниковеды.

Период послевоенных сороковых и пятидесятых годов уверенно можно назвать временем серьезных достижений советской историчес-

кой науки в гунноведении, особенно в исследовании археологических памятников хунну-гуннов, среди них и крупнейших. Сразу после войны, в 1946 г., была опубликована статья ленинградского археолога Г.П.Сосновского о кратких результатах раскопок хуннской курганной группы Ильмовая падь в Забайкалье (в Бурятии), проведенных им еще в 1928, 1929 гг. (исследование этих курганов было начато еще в конце прошлого столетия Ю.Д.Талько-Грынцевичем).¹³ Этот могильник, расположенный в глубокой долине «Ильмовая падь», занимает огромную площадь в 3000 x 500 м., на которой зафиксировано более 260 могил. К сожалению, выявленный там материал оказался значительно беднее по сравнению с таковым из другого гуннского могильника — Ноинулинского с большими курганами (см.ниже). Причина здесь не столько в ограбленности Ильмовой пади еще в древности (курганы Ноин-Улы также были ограблены), сколько в их принадлежности к разным слоям хуннского общества: если первый относится в основном к рядовому населению, то второй — к верхушке, правителям.

Однако, несмотря на это, курганы Ильмовой пади (среди них и четырехугольные в плане) дали довольно ценный материал даже для рядовых могил* в отношении как погребального обряда (умерших хоронили в сосновых гробах, общитых снаружи и с внутренней стороны шелковой тканью и помещенных в погребальные камеры — срубы; голова погребенного ориентирована на север), так и могильного инвентаря: бронзовые позолоченные пластины в виде украшений гробов, отдельные вещи из серебра, белого нефрита, остатки китайских шелковых вышитых тканей, в том числе трехцветная (красный, синий, желтый) узорчатая (рис.1), не говоря уже об обычных остатках материальной культуры — обломках китайских бронзовых зеркал, костяных накладках лука и других изделиях; керамика представлена, помимо остатков китайских лакированных чащечек, неполивной простой двух типов: местной, по определению Г.П.Сосновского, в виде горшков плохого обжига, имеющей в изломе черный цвет, и хорошо обожженной серой посуды с лощеной поверхностью.

Вторая большая группа хуннских курганов рубежа н.э. Северной Монголии, в горах Ноин-Ула, известная еще с 1912 г., была исследована в 1924, 1925 гг. Монголо-Тибетской экспедицией Русского географического общества (П.К.Козлов, С.А.Кондратьев, С.А.Теплоухов). Результаты раскопок оказались весьма успешными. Хотя они в свое время нашли только частичную публикацию в работах С.А.Теплоухова и К.В.Тревера,¹⁴ но позже, в 1962 г., полное академическое издание этих выдающихся находок осуществил С.И.Руденко.¹⁵

Ноинулинские курганы являются местом захоронения хуннских шаньюев (вождей). Их расположение в зоне мерзлоты позволило дойти до нашего времени в хорошей сохранности оружию и орудиям труда, предметам быта, средствам передвижения, обуви

* Среди них были, естественно, и захоронения более зажиточной части общества.

и украшениям, видам декоративно-прикладного искусства, а также погребальному обряду и физическому типу хуннов. Перечислим некоторые, наиболее характерные находки:

Чугунные сошники небольших плугов для вспашки земли, из оружия — бронзовые палицы, костеты и конский налобник, большое количество железных и, частично, костяных наконечников стрел, т.н. сложные луки длиной в 40 см с роговыми накладками, костяная свистунка для стрелы (от знаменитых свистящих стрел). Из одежды — типичные для скотов и хунну островерхие головные уборы, а также меховые шапки, шелковые и теплые войлочные кафтаны, шерстяные и шелковые шаровары, обшитая шелком войлочная обувь; из частей одежды — серебряные и бронзовые позолоченные пряжки и бляхи, из украшений — бусы. Разнообразна посуда и утварь: полированная и простая гончарная орнаментированная керамика, бронзовые, костяные и деревянные ложки, костяные палочки для еды риса, бронзовые котлы, деревянные сосуды — чашки, круглый деревянный стол с лакированными ножками, деревянная лопатка для выбивания одежды. Найдены остатки зонтов с деревянными спицами и ручкой. Предметы убранства представлены довольно большим количеством войлочных ковров с богатой орнаментацией с изображением диких животных и хищных птиц, настенных драпировок с рисунками тигровых голов, птиц, рыб и черепах, gobelenov с растительными узорами (рис.2) и полотенец. Имеются весьма оригинальные портреты-вышивки человеческих голов, изображения всадников на драпировках.

Художественное творчество, эстетический вкус хунну нашли также отражение в различных украшениях, деталях одежды. Это — нефритовая пластина с изображением волков, золотые украшения с самоцветами, изображениями голов различных животных (быка, лошади, оленя), в том числе и фантастических (крылатых волков), орнаментированные золотые пластинки, бронзовые зеркала и светильники. Часть всех перечисленных выше и других вещей являлась самобытной, т.е. предметами местного, хуннского производства, но много было и привозных, среди которых преобладали китайские: зеркала, лучшая часть керамической посуды, особенно поливной, светильники, костяные палочки для еды риса, шелковые ткани. Считается, что хунны заимствовали от китайцев также плуг и некоторые типы домов.

Погребальный обряд хунну был богатым. Умерших хоронили в красиво сделанных, орнаментированных и покрытых лаком гробах, которые помещались в двойные погребальные камеры — небольшую внутреннюю и обширную внешнюю, богато обставленную. К сожалению, все погребения хуннских шаньюев были в свое время ограблены другими племенами. Все перечисленное выше осталось только после ограбления; надо полагать, что увезли главную ценность — золото.

По своему физическому типу, хунны были монголоидными.

Изучение истории как восточных хунну, так и западных гуннов продолжалось и в последующие десятилетия. Помимо уже известных,

раскапывались новые могильники в Казахстане и в современных южнорусских степях (работы А.К.Амброза, И.П.Засецкой и др.), которые нашли отражение в некоторых общих работах (например, в коллективном исследовании «Степи Евразии в эпоху Средневековья», на котором мы еще остановимся позже) и в отдельных статьях, посвященных вопросам датировки и культурной принадлежности памятников гуннской эпохи, типологическому анализу их материала.¹⁶ Хунно-гуннская археология, естественно, не ограничивается только могильниками и отдельными захоронениями. Был исследован также целый ряд поселений, в том числе и городищ. В этой области весьма продуктивными оказались многолетние поиски А.В.Давыдовой, а также ее предшественников (Г.П.Сосновский, В.П.Шилов) и современников (Л.Р.Кызласов и др.) в Забайкалье. Эти исследования убедительно доказали наличие у хунну городов и замков с оборонительными системами, с самобытной хуннской архитектурой, с хозяйственными сооружениями, металлургическими и керамическими производствами и т.д. Теме городов у центральноазиатских хуннов посвящается в этом же номере нашего журнала отдельная статья известного исследователя древностей Сибири Л.Р.Кызласова, куда и отсылаем уважаемого читателя для более полного ознакомления с этой чрезвычайно интересной проблемой (там же — историография вопроса).

Считаем необходимым коротко остановиться еще на одной проблеме историографии хунну-гуннов, которая вот уже почти двести лет остается дискуссионной. Это проблема происхождения гуннов, т.е. были ли они продолжением азиатских хунну, идентичны с ними или это был уже другой этнос с большими отличиями от своих предков, главным образом в их внешнем виде, а также в материальной культуре и в общественном строе (шаг назад в военную демократию после прохождения ранней формы государственности и начальной цивилизации с письменностью в Центральной Азии периода Державы Модэ).

Современники гуннов времени их вторжения в Европу в IV в. (римские авторы: историк Аммиан Марцеллин, писатель Иероним, поэты Клавдиан, Авдоний), чуть позже, в V в., римский юрист и дипломат Приск Понийский, в VI в. готский историк Иордан, описывают их дикими, свирепыми, с безобразной внешностью («можно принять их за двуногих зверей», «похожие на скопцов» и тому подобные «эпитеты»). Даже при допущении значительной предвзятости авторов подобных сообщений, объясняемой неприятием европеоидных римлян и германцев к азиатским кочевникам с их непривычными для Запада внешностью и поведением, должно быть какое-то объяснение таким характеристикам.

Подобные изменения в гуннах Л.Н.Гумилев объясняет сильной смешанностью бывших хунну в период их 200-летнего (155—350 гг.) передвижения на запад через сибирские и уральские земли с племенами этих регионов: с сабирами уралосамодийской группы Западной Сибири, особенно приуральскими уграми.¹⁷ Это выглядит

достаточно убедительно, если принять во внимание то обстоятельство, что гунны, по сообщению того же Марцеллина, жили «за Меотийскими болотами (Азовское море. — Р.Ф.) у Ледовитого океана»,¹⁸ т.е. угорское Северное Приуралье сюда вполне вписывается. Сильное влияние угров на внешность и язык гуннов (хунну) отмечается также М.И.Артамоновым¹⁹ и Б.А.Серебренниковым.²⁰

Чтобы в какой-то степени прояснить некоторые возможные вопросы относительно внешности угров, т.е. монголоидов Западной Сибири, необходимо сказать следующее. Дело в том, что здесь не может пойти речь, на что обратил в свое время внимание Л.Н.Гумилев, «о чисто монгольских чертах: о складности, узких глазах». Он утверждает, что дальневосточных монголоидов Аммиан Марцеллин не видел, а знал только хунно-угорских метисов, которым была присуща несколько иная монголоидность — коренастость.²¹

Серьезные изменения произошли и в материальной культуре гуннов. Правда, их археологических памятников в степях Восточной Европы и Казахстана немного, что объясняется постоянным кочеванием гуннов в это время, т.е. в IV в. (т.н. первая стадия кочевания). Однако даже этот сравнительно небольшой круг памятников дал основание отдельным исследователям прийти к выводу о том, что западные гунны утратили многие культурные признаки своих предков хунну и усвоили распространенную среди угров сарматскую культуру.²²

Впрочем, не все археологи поддерживают идею о замене хуннской материальной культуры другой, но вынуждены отметить заметные перемены в ней: исчезновение ряда характерных черт былой культуры хунну (красностеклянная имитация драгоценных камней, тонкие золотые пластины вместо прежних массивных оснований); появление новых (введение в вооружение тяжелых луков и стрел с костяными наконечниками); смешанность тех и других (полибядность погребений, т.е. трупоположение и сожжение, захоронения с конем и без него, курганы и обычные грунтовые могильники и т.д.).²³

Однако, как подчеркивает И.П.Засецкая в своем новом исследовании, «как бы хунну не сталкивались и не смешивались с другими народами на своем пути, какие-то традиции их собственной культуры сохранились и непременно должны были оставить след в археологических памятниках».²⁴ Именно в этом отношении оказались результативными классификация наконечников стрел и поиски их прототипов, которые были найдены не в местном окружении предшествующей сармато-аланской эпохи, а в хуннских и среднеазиатских древностях первых веков нашей эры. Выделенные ею трехлопастные ромбовидные, трапециевидные и ступенчатые, а также с плоским пером наконечники стрел гуннов являются дальнейшим развитием центрально-азиатских образцов хуннской культуры Забайкалья и Монголии. Речь идет также о трехлопастных лавролистных и трехгранных стрелах из Средней Азии. Появление и распространение всех указанных типов наконечников стрел в погребальных комплексах современных южнорусских степей совпадает именно с экспансией и господ-

ством гуннов в Восточной Европе. Таковыми названы погребения в Керчи и Запорожской области Украины, близ Саратова, отдельные находки в Херсонской и Оренбургской областях. Самой западной точкой распространения ступенчатых и ромбовидных наконечников стрел гуннской эпохи IV—V вв. является находка из Венгрии.²⁵

Другой категорией вещей, указывающей на этнокультурную связь гуннов и хунну, как справедливо подчеркивает И.П.Засецкая, являются общеизвестные гуннские бронзовые котлы, центрально-азиатское происхождение которых отмечали многие исследователи.²⁶ Кстати, два бронзовых гуннских котла обнаружены в 1980 г. при сельскохозяйственных работах у с.Татарское Сунчелеево в Закамье Татарстана на берегу р.Большая Сульча, правого притока Большого Черемшана, которые стали достоянием науки благодаря поискам нашей экспедиции.²⁷ Эти котлы — единственные во всем Поволжско-Приуральском регионе и остаются, пожалуй, пока последними среди небольшого числа (вместе с нашими всего 15) котлов, выявленных в Восточной Европе до Поднавья и Польши на западе (лишь один котел известен в Западной Европе — во Франции).²⁸ Один из наших сунчелеевских котлов, красиво орнаментированный, имеет прямую аналогию с котлом из Энджеховица в Польше.²⁹ (Более подробный рассказ о бронзовых котлах с бассейна Сульчи, наряду с некоторыми другими уникальными находками, сделанными в последние десятилетия в Татарстане, — предмет нашей будущей специальной статьи).

В работе И.П.Засецкой указываются и другие элементы материальной культуры и погребального обряда гуннов, отличные от таковых предшествующей сармато-аланской культуры: отсутствие глиняной посуды в погребениях, наличие в каждом мужском погребении принадлежности конского снаряжения, распространение украшений полихромного стиля. В целом, ее исследования позволили прийти к достаточно убедительным выводам о том, что, несмотря на весьма заметны отличия гуннов от хунну во внешнем виде, в определенной степени и в материальной культуре, а также в утрате некоторых сторон общественной жизни во время их долгого переселения на запад и экспансии в Европе, их связь с хунну, своими предшественниками, очевидна.

Впрочем, утраченный гуннами институт наследственной власти был восстановлен с образованием их империи с политическим центром на Среднем Дунае. В период правления этой империей могущественным Атиллой гуннское общество перешло на вторую стадию кочевания с явными элементами полуоседлой жизни в поселениях («большое селение», в сущности, хорошо обстроенный город Атиллы с его дворцом, коммуникациями и т.д.). Погребальный обряд хуннских шаньюев в Центральной Азии (хоронили в богато обставленных оружием и личными вещами погребальных камерах-срубах и помещенных в них двойных гробах) почти полностью был соблюден при похоронах Атиллы в 453 г. и этот обряд гунны пронесли с собой через века. На все эти или отдельные факты возрождения бывших хуннских элементов государственности и культуры в эпоху европ-

пейской стабилизации гуннов обратили внимание К.А.Иностранных,³⁰ А.Н.Бернштам,³¹ Л.Н.Гумилев,³² С.А.Плетнева.³³ Это подтверждается и новыми исследованиями И.П.Засецкой, успешно продолжающей добрые традиции петербургско-ленинградской школы гуннологии.³⁴

Темой послевоенной литературы о кочевниках, последующей за хунно-гуннской, является тюркская, т.е. история древних тюрков — уже тюрков непосредственно по наименованию этноса. Это — население Тюркского каганата, особенно Восточного. Именно с ним, т.е. Восточно-Тюркским каганатом, связаны выдающиеся памятники с тюрко-рунической письменностью. Выше мы уже коротко рассказали о широко известной работе А.Н.Бернштама, посвященной исследованию проблем социально-экономического строя орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. С его именем связано также конкретное изучение памятников древнетюркской письменности на р.Лене и в Средней Азии.³⁵ Однако, преждевременная смерть (Бернштам умер в 1956 г. в возрасте всего 46 лет) помешала этому опытному полевику-исследователю и теоретику с демократическим мышлением вести дальнейшее плодотворное изучение археологии и истории раннего кочевого мира (империи восточных хунну и западных гуннов, Тюркский каганат), а также памятников восточной руники.

50-е годы нашего столетия ознаменованы большими достижениями в тюрко-рунологии на добрых традициях исследований Н.М.Ядринцева, В.В.Радлова, В.Томсена, П.М.Мелиоранского и других ученых-туркологов России и Запада. При этом мы хотим особо подчеркнуть труды выдающегося лингвиста-турколога С.Е.Малова, осуществившего трехтомное издание крупнейшего свода текстов орхоно-енисейских памятников.³⁶ Поистине мировую ценность среди них представляют памятники, поставленные в честь принца Кюль-Тегина — крупнейшего древнетюркского полководца (памятник поставлен в 732 г., рис.3); Тоньюкука — военачальника и советника трех каганов, а именно Ильтерис-кагана (Кутлуг, ум. в 692 г.), Капагана (ум. в 716 г.) и Бильге-кагана (Могилян, ум. в 734 г.); самого Бильге-кагана, старшего брата Кюль-Тегина.

Большая научная ценность этих памятников, огромных даже по своим размерам (до 4 м. высоты), заключается в том, что в их надписях представлена почти вся история Тюркского каганата. Для нас их ценность усиливается еще и тем, что в них впервые упоминаются древнетатарские племена (прототатары): Отуз-татары (Тридцать татар) на памятнике Кюль-Тегина с 552 г., т.е. со времени основания самого каганата, а также при описании исторических событий конца VII в. в период правления Ильтерис-кагана,³⁷ и Токуз-татары (Девять татар) на памятнике Бильге-кагана в связи с событиями 722—723 гг.³⁸ (Отуз-татары или вообще татары упоминаются позднее, в середине VIII в., на памятнике уйгурского хана Моюн-Чура, написанном также на тюркской рунике, в связи с описанием или упоминанием ряда событий VII—VIII вв., особенно решавшего сражения между тюрками и уйгурами в 745 г., когда

при последнем тюркском кагане Озмыш-Тегине прекратил свое существование Восточно-Тюркский каганат — тогда на поле битвы было 30 тысяч татар^{39).}

С.Е.Малов оставил открытым вопрос об отношении языка этих памятников к истории какого-либо современного тюркоязычного народа.⁴⁰ Не наша цель и не наша профессиональная обязанность поднимать здесь вопросы языка, однако, пользуясь случаем, хочется обратиться все же еще к одному лингвисту-туркологу, профессору Казанского университета В.Х.Хакову, который, проведя всесторонний лексический и семантический анализ письменности орхонской руники, включающий построение фонетических моделей, пришел к выводу о том, что язык этих памятников близок к современному татарскому, естественно, при учете закономерностей его эволюции. В.Х.Хаков подробно исследовал особенности гласных переднего и заднего рядов, перехода твердых и мягких гласных, вокализма и консонантизма, т.е. систем гласных и согласных звуков, отдельных лексико-семантических изменений и другие моменты, подтверждающие эту близость.⁴¹ К сожалению, эти весьма интересные и многообещающие лингвистические поиски были прекращены тогда по причине нежелания отдельных кругов и послушных указаниям властей научных «элит» связывать современный татарский язык с языком «какого-то» Тюркского каганата далекого Забайкалья.

Будущим противникам генетических связей татарского языка с языком средневековой руники и готовым считать татарский язык (западный, т.к. новый язык) не имеющим никакого отношения к древним языкам вообще, мне хотелось бы ответить словами С.Е.Малова, который во введении к названному выше его своду отметил, что западные тюркские языки, в том числе и татарский, — «это и древнейшие языки, эту их древность показывает и их новизна: видно, что они прожили уже большую и долгую жизнь, перетирались с другими соседившими языками (финскими, славянскими и другими, нам не известными), так что изначально, так сказать, они ничем не уступают в своей древности своим восточным собратьям-языкам...» Далее, указав на наиболее характерные новые элементы в западных тюркских языках (больше звонких звуков, чем глухих, опереднение звуков, замена задних согласных гласными и полугласными более переднего ряда), автор подчеркивает, что «важные (далеко не все!) языковые признаки для характеристики этих западных языков, которые являются одновременно признаками новых языков, и обратное отношение в таких случаях мы имеем в древних тюркских языках».⁴²

Из сводных работ по памятникам тюркской руники определенных регионов следует назвать Корпус памятников бассейна Енисея, составленный Д.Д.Васильевым и представляющий собой полную публикацию критически выверенных тюркских рунических надписей бассейна названной реки; здесь же — дополнительные материалы, содержащие сведения о малоизвестных, ранее неопубликованных или утерянных памятниках.⁴³ Впрочем, некоторые специалисты не соглас-

ны с подобным принципом, применяемым в сводных изданиях памятников. Так, современный исследователь тюркского рунического письма И.Л.Кызласов отмечает, что при нынешнем состоянии руноведения географический подход не может быть научно аргументированным — важна палеографическая систематизация материала.⁴⁴ Иными словами, правильно будет сказать не «надписи бассейна Енисея», а «енисейские надписи», ибо речь идет о разновидности тюрко-рунского актавита (енисейской), которая была распространена и за пределами бассейна этой реки (памятники енисейского письма известны также в Хакасии, Туве и Монголии).

Названная работа И.А.Кызласова — серьезное и, кажется, пока последнее монографическое исследование о письменностях тюркской руники огромных евразийских степей. В этой монографии, созданной, несомненно, высококвалифицированным специалистом, — помимо традиционной (и не традиционной) типологии и описания памятников, главным образом евроазиатской группы (Донское, Кубанское, Доно-Кубанское, Ачикташское, Исфаринское, Южноенисейское письма) и классических азиатских алфавитов (орхонский, енисейский и таласский), еще и целый ряд теоретических вопросов: сравнительно-типологический метод исследования рунических памятников степной зоны Евразии; установление письменных основ этого материала, т.е. определение тех алфавитов и их прототипов, которыми выполнены эти надписи; многообразие памятников и их надписей (эпитафийные, межевые, молитвенные, владельческие и др.); большая проблема этноса и алфавита, государства и алфавита...

И.Л.Кызласов утверждает, что каждый алфавит является прежде всего не этническим, а культурно-политическим, государственным признаком, что основные принципы внешнего построения комплексных памятников, как и рунические алфавиты, отразили не этническое, а государственное величие и своеобразие раннесредневековых тюркоязычных обществ Азии.⁴⁵

Симпатизируя тезису о «государственном величии», хочется все же задать автору вопрос: не получается ли некое синкретическое единение этноса и государства (его государства!)? Ведь у любого государства есть и была, применяя современную терминологию, «титульная нация», есть и был основной государствообразующий, «государстводержащий» этнос (исключение составляют некоторые поздние государственные образования нового времени типа, например, США, основное население которых состоит из иммигрантов, уже прошедших этап формирования в народность на своих бывших родах).

И.Л.Кызласов предлагает заменить определение «турецкие руны» (турецкая руника) на «степные руны» по той основной причине, что их надо отличить от скандинавских рун.⁴⁶ Я с большим вниманием прочел эту действительно хорошую книгу от начала до конца, но новое предложение его автора не убедило меня как читателя, как историко-археолога. Не убедило не только потому, что сильны традиции, связанные с именами выдающихся тюркологов: В.В.Радлова,

М.П.Мелиоранского, С.Е.Малова и многих других, традиции мировой и российской тюркологии, в которых восточная руническая письменность десятилетиями называлась именно тюркской. Не убедило, ибо я никак не могу оторваться, например, от мысли о существовании двух культур — степной и городской, пусть даже их симбиоза для некоторых поздних государств (Золотая Орда), поэтому у меня относительно степной возникает совершенно естественный вопрос: а какой была эта руника, т.е. восточная, тюркская, в поселениях и городах (в городах Кимакского каганата и других объединений)?⁴⁷

Нам кажется, что еще никто не путал тюркскую рунику со скандинавской, просто их называли, если возникала необходимость, соответственно этими словами. А ежели в этом степном мире была «заведомая нетюркоязычность тех письмен, которые послужили предтечей самобытных тюркоязычных алфавитов»,⁴⁸ то эту предтечу, подготовившую условия появления дотюркской рунической письменности, можно так и назвать: «дотюркские рунические письмена». Нам также кажется, что совершенно нет никакой необходимости дистанцироваться от весьма емкого и колоритного определения «туркский», чем названа одна из мировых цивилизаций — тюркская, как культура огромного тюркского мира, крупнейший геополитики средневековой Евразии.

Впрочем, это лишь детали, хотя, как нам кажется, немаловажные. Дело тут не в них, а в том, что в результате многолетних полевых исследований и скрупулезного палеографического анализа добытого материала создан труд о происхождении, истории и природе тюркского рунического письма и его алфавитов, о глубине письменной культуры тюрков раннего Средневековья и задачах исследователей в понимании того духовного богатства, которое оставили потомкам летописцы на камне (а также на керамике, дереве, костях и редко на пергаменте) степного мира Евразии. Монография И.Л.Кызласова, которую мы попытались коротко охарактеризовать, освобождает нас от лишнего труда анализа работ целой плеяды археологов и тюркологов-рунологов, что в той или иной степени сделано в главах названной книги. Это исследования С.В.Киселева, Л.Р.Кызласова, С.Г.Кляшторного, А.М.Щербака, И.В.Кормушкина, А.С.Аманжолова, И.А.Батманова, С.Я.Байчорова, самого И.Л.Кызласова⁴⁹ и других; из зарубежных — Ю.Немета, Дж.Класона, А.Роны-Таш, Й.Г.Гране, Ратчена и др.

Наша специальность историко-археолога, к сожалению, не дает возможности профессионально оценить два замечательных монографических исследования И.В.Стеблевой по истории древнетюркской поэзии, в том числе и на камнеписной рунике.⁵⁰

В рассматриваемый нами период советско-российской историографии степного кочевого мира достигнуты немалые успехи и в исследовании собственно археологических памятников древних тюрков, главным образом могильников, которые компактно занимают два основных района бывшего Тюркского каганата: верховья рек Сырдарьи и Чу на западе и большую территорию Алтая в водоразделе Иртыша, Оби и Енисея (северные владения Восточного каганата с

начала VII в.). Эти могильники оставили алтайские тюрки (по китайским истиникам, ту-гю) и пришлые из центральной Азии племена теле, притом для первых был характерен обряд трупоположения, для вторых — трупосожжения (впрочем, мнения исследователей здесь не всегда совпадают). Дело осложняется еще и тем, что основная часть тюрков-тугю VI—VIII вв. отошла с Алтая на Юго-Восток — в Забайкалье, в бассейн Орхона. т.е. в центр Восточно-Тюркского каганата — здесь больше памятников IX—X вв.).

Историография исследования памятников древних тюрков, их погребального обряда и могильного инвентаря, этнической принадлежности погребений с конем, этнокультурных связей населения Саяно-Алтая достаточно богата.⁵¹ Наиболее характерным для древних тюрков и богатым как обряда захоронений (трупоположение с конем), так и вещевого комплекса является известный могильник Кудыргэ на Алтае второй пол.VI—VII в., принадлежавший тюркам-тугю и исследованный А.А.Гавриловой.⁵² По наименованию этого могильника «кудыргинскими» названы памятники, имеющие отношение к периоду I Тюркского каганата.⁵³

Типичной чертой захоронений этого могильника является ориентировка погребенного головой на юг (в отличие от подобного обряда, на Алтае существовал также обряд захоронения головой на восток, характерный для племен т.н. борельского типа — это могильники Катанда II, Туекта и др.⁵⁴). Вместе с покойником клали в могилу его верхового коня в полной сбруе, а также ритуальную пищу в виде баранины. Здесь же — оружие, орудие труда, украшения и остатки одежды. Вооружение представлено мечом, кинжалами, железными (редко костяными) наконечниками стрел, остатками луков и колчанов, пластинчатых и кольчужных доспехов (к этому можно добавить изображение китайскими летописцами ту-гю в кольчугах и шлемах). Тюркские луки длиной 1,1 м, по мнению В.А.Могильникова,⁵⁵ генетически связаны с луками хунну. Седла имели деревянную основу с высокими луками (мужские седла) и — более низкими (женские). На костяных накладках мужских седел изображены сцены охоты на диких животных (резьба, заполненная черной инкрустацией); под седла подстилались кожаные чепраки. Чепрак, седельные ремни и узда украшались бронзовыми бляшками и подвесками.

Тюрки застегивали свою одежду на левую сторону, они носили рубахи, шаровары и мягкие кожаные сапоги; украшения представлены серебряными и медными серьгами, колтами, перстнями и стеклянными бусами. Перстни носили на левой руке и на указательном пальце правой руки. В быту пользовались деревянной, берестяной, кожаной и металлической посудой. Весь этот археологический и историко-этнографический материал представлен, помимо могильного инвентаря, еще и на различных рисунках, изображенных на т.н. валунах — небольших каменных изваяниях, которые клали в погребения.

Культура алтайских тюрков последующих периодов, VII—VIII и VIII—IX вв., продолжает развитие форм предшествующего, т.е. «кудыр-

гинского» этапа. Это памятники катандинского типа VII—VIII вв. и круга могильников Курай VIII—IX вв. Для подробного ознакомления с типологией вещей этих более поздних этапов (формы наконечников стрел и колчанов, удил и псалий, стремян, подпружных пряжек сбруи, накладных бляшек и наконечников поясов) предлагаем читателю обратиться к названной, обобщающей работе В.А.Могильникова.⁵⁶ Хочется только отметить некоторые, наиболее заметные предметы из комплекса вещей. Особый интерес среди них представляют, например, целые пояса из богатых погребений с поясным набором блях, обоймочек и пряжкой. Пояса, как правило, находятся в мужских погребениях (редко — в женских). К ним подвешивались палаши, сабли, ножи, сумочки с предметами первой необходимости (огниво, оселок, береги). Пояс являлся обязательной принадлежностью древнетюркского воина, знаком его воинской доблести. На наконечнике пояса из кургана I могильника Курай IV сохранилась надпись: «Хозяина (господина) Ак-Кюна ... кушак».⁵⁷ Пояса изображены и на каменных изваяниях воинов, весьма характерных для тюрков конца VI—VIII вв. В богатых мужских погребениях встречаются серебряные сосуды в виде высоких кубков. В могильниках находят также котлы, в какой-то степени напоминающие хунские, но кованые из железа. Из предметов туалета известны китайские зеркала, стеклянные и сердоликовые бусы, кольчатые серьги с полым шариком, аналогичные серьгам из памятников салтовской культуры, а также золотые, серебряные и бронзовые серьги в виде несомкнутого кольца.

Помимо обычных могил, исследованы т.н. оградки поминального характера, без человеческих захоронений, в виде поставленных на ребро каменных плит со стоявшими рядом (обычно с восточной стороны) скульптурами людей или каменными столбиками-балбалами. Количество балбалов или статуй означало число врагов, убитых умершим, в честь которого сооружались подобные памятники. Внутренность оградки, размером в среднем 2 x 2 или 3 x 3 м, заполнялась мелким камнем и галькой. Эти культовые сооружения VI—VIII вв. распространены на обширной территории от Алтая до Центрального Казахстана.⁵⁸

От рядовых оградок несколько отличаются «княжеские могилы», распространенные в основном в современной Северной Монголии, бывшем центре Восточно-Тюркского каганата (они известны также на Алтае и в Восточном Казахстане). Их особенность состоит в наличии внутри оградок («саркофагов») каменных изваяний людей, обычно в «сидящей» позе. Особенно известны в науке «княжеские могилы» на реке Хануй, обнаруженные там в 1891 г. Д.А.Клеменцем* и С.М.Ду-

* Д.А.Клеменц — это тот Дмитрий Александрович Клеменц, революционер-народник, член тайного общества «Земля и воля», он же археолог и этнограф, который был сослан в 1881 г. в Сибирь, где вел научную работу. Именно он в 1897 г. нашел на берегу р.Селенга у почтовой станции Налайха большую каменную стелу в честь Тоньюкука, ставшую впоследствии всемирно известным памятником тюркской руники VIII в.

дина; потом они не раз были обследованы советскими и монгольскими учеными, а в 1981 г. исследованы раскопками В.Е.Войтовым.⁵⁹ Лицевые стенки «саркофагов» орнаментированы красивыми растительными и геометрическими мотивами. В двух оградах сохранились каменные изваяния, одно из них с характерными для древнетюркских воинов изображением сосуда на правой руке воина и с левой рукой на поясе (еще два изваяния находились чуть в стороне от одной оградки, также в «сидящей» позе и с сосудом в правой руке, но левая рука на колене). На плите одного из ящиков сохранилась часть рунической надписи, предварительно прочитанной С.Г.Кляшторным.

Кратко описанные выше оградки и «саркофаги», исследованные в основном в послевоенный период, являются более простой разновидностью крупнейших поминальных сооружений тюркских каганов и выдающихся военачальников на Орхоне. Эти сооружения представляли собой окруженные валами и рвами сложные архитектурные комплексы с оградами из высоких плит, изваяниями людей и животных, стелами с надписями (руническими и китайскими), храмами из кирпича и длинными рядами балболов. У храмов Бильгекагана и Кюль-Тегина вереницы подобных балболов тянулись даже на расстояние более 3 км,⁶⁰ прославляя их воинские подвиги.

В археологической литературе послевоенных десятилетий достаточно хорошо освещены вопросы, связанные с древнетюркскими каменными изваяниями, их типологией и семантикой (исследования С.В.Киселева, Л.А.Евтиховой, А.Д.Грача, Л.Р.Кызласова, Г.А.Федорова-Давыдова и др.).⁶¹ Поэтому, мы не будем останавливаться на них, а лишь отметим, что речь идет не о простых камнях-балбалах, установленных у поминальных оградок, а об изготовленных с большим художественным совершенством изваяниях, изображающих воинов с подвешенным к поясу оружием (саблей или кинжалом) и сосудом в правой согнутой руке. Эти изваяния всегда изображали мужчин и ставились в память умерших в сражениях воинов. Перед ними совершались обряды, связанные с культом предков, а сама статуя символизировала героя битвы, будто присутствуя среди участников его поминок.

Другим проявлением искусства тюрков являются наскальные рисунки, изученные в 50—70-х годах на обширной степной зоне от Алтая до Казахстана. Правда, вопросы их датировки еще недостаточно разработаны (часто эти рисунки находятся рядом с изображениями других культур и эпох), к тому же они весьма схематичны и однообразны. Однако имеются более реалистические рисунки, изображающие вооруженных воинов, борьбу различных животных, охоту на них. Широко известна, например, Сулекская писаница с Минусинской котловиной со сценой охоты на зверей, изображениями лучника на коне, всадника с копьем в довольно тщательной передаче деталей узды, панциря, колчана со стрелами⁶² — картины, весьма характерные для степного, кочевого мира.

Хотя основу хозяйства древних тюрков VI—IX вв., как и любого другого раннесредневекового кочевого общества, составляло скотовод-

ство, однако к настоящему времени уже имеются данные археологии о существовании у них и земледелия: каналы оросительных систем в засушливых участках степи,⁶³ остатки некоторых видов зерновых культур и ручные жернова.⁶⁴ По утверждениям В.А.Могильникова, у тюрков-тюгю было развита металлургия, высокого совершенства достигли производства по обработке шкур, кожи, шерсти, изготовление войлока.⁶⁵

В Тюркском каганате появилось денежное обращение. На территории Западного каганата, в экономически развитом Семиречье, уже с конца VII в. чеканили собственные монеты от имени тюргешских ханов.⁶⁶ В Восточном каганате и чуть позднее на ее землях после распада каганата в обороте ходили китайские монеты VIII в. и периода танской династии IX в.⁶⁷

Существование денежного обращения в Тюркском каганате вполне закономерно не только как результат развития производства и торговли. Оно, с нашей точки зрения, усиливалось еще и тем, что именно через его южную и западную территорию (Турфан, Кашгар, Фергана и Хорезм) проходил Великий шелковый путь из Китая в Переднюю Азию и Северное Причерноморье.

Завершая первую часть статьи (вторая посвящена обзору литературы о кочевом мире Восточной Европы),^{*} мы хотели бы сказать нашему читателю о следующем. В настоящей статье было обращено основное внимание хунну, древним тюркам и Тюркскому каганату по той простой причине, что эти важнейшие периоды истории древних кочевников и первых центров тюркской цивилизации, с которыми связано раннесредневековое прошлое и татарского народа, были «белыми пятнами» в археологии и средневековой истории Татарстана. Пусть нас поймут правильно наши коллеги-археологи, если данная статья, по вышеуказанной причине, носит и некоторый познавательный, просветительский характер.

Примечания:

¹ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. — Тверь-Москва: Изд-во «Леан Аграф», 1996. — 447 с.; Он же. История России. Монголы и Русь. — Тверь-Москва: Изд-во «Леан Аграф», 1997. — 477 с.

² Савицкий Петр. Континент Евразия. — М.: Изд-во «Аграф», 1997. — 416 с.

³ Трубецкой Н.С. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. — М., 1993.

⁴ Фахрутдинов Равиль. Лев Гумилев: гениальный сын трагической эпохи // Время и деньги. — Казань, 1997. — № 119.

⁵ Основные труды Л.Н.Гумилева по рассматриваемой тематике: Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. — М.: Изд-во восточн. лит-ры, 1960 (Переиздано в 1993 г. под названием «Хунну. Степная трилогия». — СПб.: Изд-во «Тайм аут — Комpass»); Он же. Открытие Хазарии. — М.: Наука, 1966; Он же. Древние тюрки. — М.: Наука, 1967 (переиздано в 1993 г. в издательстве «Клышиков-Комаров и К°»). — 526 с.; Он же. Поиски вымышленного царства (Легенда о Государ-

* Она будет опубликована в одном из последующих номеров журнала.

стве пресвитера Иоанна»). — М.: Наука, 1970. — 431 с.; *Он же. Хунны в Китае.* — М.: Изд-во восточн. лит-ры, 1974; *Он же. Древняя Русь и Великая степь.* — М.: Изд-во «Мысль», 1989. — 782 с. (переиздано в 1992 г. в том же издательстве); *Он же. Тысячелетие вокруг Каспия.* — Баку: Азерб. гос. изд-во, 1991. — 308 с.

См. также его отдельные статьи: *Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрок-тюгю // СА.* — № 1; *Он же. Некоторые вопросы истории хуннов // ВДИ.* — М., 1960. — № 4; *Он же. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров // Материалы по этнографии.* — Л., 1961; *Он же. Соседи хазар // СНВ.* 1965. — Вып.4; *Он же. Истоки ритма кочевой культуры // НАА.* — 1966. — № 4; *Он же. Величие и падение древнего Египта // СНВ.* — 1969. — Вып.8.

⁶ Основные труды Л.Н.Гумилева по проблемам этногенеза, geopolитики, евразийства и пассионарности: *Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли.* — Л.: Гидрометоиздат, 1990. — 527 с.; *Он же. Тысячелетие вокруг Каспия; Он же. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // ИС.* — 1967. — № 1; *Он же. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР.* — Л., 1970. — Вып.15. См. также его статьи (15) под общим подзаголовком «Ландшафт и этнос» (например: *Хазария и Терек. Этнос и ландшафт* и др.), опубликованные в «Вестнике Ленинградского университета, серия географии и геологии», 1964—1973 гг.

Библиотечное объединение «Танаис», в которое входит «Мир Л.Н.Гумилева» под руководством А.И.Куркчи (он же издатель и главный редактор серии) в настоящее время осуществляет новое издание сочинений Л.Н.Гумилева в дополнении с трудами отечественных (дореволюционных и советско-российских) и зарубежных ученых, которые давно стали большой библиографической редкостью (здесь же — новые, еще не опубликованные работы), а также с целым рядом нынешних исторических источников, по двум большим сериям: «Сочинения Л.Н.Гумилева» из 15 томов и «Арабески истории» — из 10-и. Это уникальное издание с охватом широкого круга весьма популярных проблем истории и культуры средневекового Востока, в первую очередь Великой степи (с периода Золотой Орды — и городской цивилизации), этногенеза народов, geopolитики Центральной Евразии, несомненно, внесет огромный вклад в дальнейшее исследование этнополитического и этнокультурного мира тюркских и соседних народов.

⁷ *Плетнева С.А. Михаил Илларионович Артамонов (к 100-летию со дня рождения) // СА.* — 1998. — № 4. — С.202.

⁸ *Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв.* // Тр. АН СССР. — М., 1946. — 207 с.

⁹ *Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования.* — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С.40.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период.* — М.: Наука, 1976. — С.24.

¹² *Бернштам А.Н. Очерки по истории гуннов.* — Л., 1951.

¹³ *Сосновский Г.П. Раскопки Ильмовой пади (Предварительное сообщение) // СА.* — М.: Изд-во АН СССР, 1946. — VIII. — С.51—67. В виде приложения к этой статье см.: *Кононов В.Н. Технологическая характеристика тканей из могил Ильмовой пади // Там же.* — С.69—72.

С.И.Руденко в своем известном труде, посвященном исследованию других, Ноинулинских курганов (название работы Руденко см. ниже. —

С.6), пишет, что Г.П.Сосновский продолжил раскопки курганов в Ильмовой пади в 1944 г. Вышеназванная статья Сосновского опубликована после его смерти и, кажется, осталась неопубликованной та подробная работа автора по Ильмовой пади («другая статья»), о чем он писал в своем предварительном сообщении (если, конечно, он успел ее завершить). В работе С.И.Руденко, очевидно, допущена техническая ошибка в сообщении о продолжении Г.П.Сосновским раскопок в 1944 г., т.к. исследователь умер в период Ленинградской блокады, о чем сообщала потом «Советская археология» (1946, VIII. — С.3 — «От редакции»).

¹⁴ Теплоухов С.А. Раскопки курганов в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К.Козлова. — Л., 1925; Тревер К.В. Находки из раскопок в Монголии в 1924—1925 гг. // СГАИМК. — Л., 1931. — № 9—10.

¹⁵ Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. — М.-Л.: Изд-во АН СССР. — 205 с., 73 табл. (прилож.)

Перу С.И.Руденко, крупнейшего советского археолога и этнографа, принадлежит ряд трудов, в том числе два фундаментальных, монографических издания по археологии и истории кочевников, но уже I тыс. до н.э. Это — т.н. восточно-скифский мир Горного и Центрального Алтая с их выдающимися, поистине богатейшими памятниками — курганами Пазырыкского круга (Пазырыкские, Башадарские, Туэтгинские, Катандинский и др.). Этот период не входит в хронологические рамки настоящего обзора и представляет собой кочевой мир, являющийся предысторией средневекового. Поэтому, ему посвящается отдельная статья, что займет свое место в одном из будущих номеров нашего журнала.

¹⁶ Например, см.: Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. — 1971. — №№ 2, 3; Засецкая И.П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. — 1968. — № 2; Она же. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (Постановка вопроса) // СА. — 1978. — № 1. — С.53—71. Здесь же — историография проблемы, в том числе и послевоенных лет.

¹⁷ Гумилев Л.Н. Хунну. — С.201.

¹⁸ Аммиан Марцеллин. История /Перевод с латинского Ю.Кулаковского. — Киев, 1908. — Вып.III. — С.236.

¹⁹ Артамонов М.И. История хазар. — Л.: Изд-во Госэрмитажа, 1962. — С.43, 68.

²⁰ Серебренников Б.А. Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. — Чебоксары, 1957. — С.41.

²¹ Гумилев Л.Н. Хунну. — С.202.

²² Артамонов М.И. История хазар. — С.43.

²³ См. вышеназванные работы А.К.Амброза и И.П.Засецкой, а также: Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. — М.: Наука, 1982. — С.22.

²⁴ Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. — СПб., 1994. Мы пользуемся главой из названного труда, опубликованной в книге: Гумилев Лев Н. Сочинения. — Т.10: История народа хунну, ч.2. — М.: Изд-во «Институт ДИ-ДИК», 1997. — С.350—387 (цитируемые слова автора на стр.374). Данная глава имеет непосредственное отношение к истории гуннов периода их вторжения в Европу, к вопросам их политической, культурной и экономической истории в IV—V вв.

- ²⁵ Там же. — С.375.
- ²⁶ Там же. — С.376.
- ²⁷ Фахрутдинов Р. Мелодия камней. — Казань: Татарск. книжн. изд-во, 1986. — С.43; *Он же*. История татарского народа и Татарстана. — Казань: Изд-во «Магариф», 1995. — С.28.
- ²⁸ Степи Евразии в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1981. — С.19.
- ²⁹ Там же. — С.107, рис.4а, 1.
- ³⁰ Подробнее см.: Иностранцев К.А. Хунну и гунны. — Л., 1926.
- ³¹ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. — Л., 1951. — С.151, 152.
- ³² Гумилев А.Н. Хунну. — С.205.
- ³³ Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. — С.43, 46.
- ³⁴ Засецкая И.П. Культура кочевников... — С.381—385.
- ³⁵ Бернштам А.Н. Древнетюркское письмо на Лене // ЭВ. — 1951, IV; *Он же*. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы // ЭВ. — 1956, XI.
- ³⁶ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, — 1951. — 451 с.; *Он же*. Енисейская письменность тюрков: тексты и исследования. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 116 с.; *Он же*. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 111 с.
- ³⁷ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты... — С.36, 38.
- ³⁸ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии... — С.21.
- ³⁹ Там же. — С.40, 41, 43. См. также: Сборник документов по истории татарского народа и Татарстана. Древнетюркские государственные образования Евразии в эпоху раннего средневековья /Составитель Р.Р.Фахрутдинов. — Казань, 1993. — ч.1. — С.5—7.
- ⁴⁰ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты... — С.3.
- ⁴¹ Хаков В.Х. Очерки по истории татарского литературного языка. — Казань: Изд-во Казанск. ун.-та, 1965. — 120 с. — На тат. яз.
- ⁴² Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты... — С.5.
- ⁴³ Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. — 127 с. (С.58—126 составляет альбом памятников).
- ⁴⁴ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. — М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — С.10.
- ⁴⁵ Там же. С.213, 232, 238.
- ⁴⁶ Там же. — С.5, 6.
- ⁴⁷ О существовании более поздней руники у средневековых тюрков см. в работе: Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности. Конец XIII — начало XV вв. // РА. — 1994, № 1.
- ⁴⁸ Кызласов И.Л. Рунические письменности... — С.6.
- ⁴⁹ Имеются в виду его статьи, а также еще одна монография под названием «Древнетюркская руническая письменность. Опыт палеографического анализа» (М., 1990).
- ⁵⁰ Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI—VIII веков. — М.: Изд-во АН СССР, 1965; *Она же*. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. — М.: Наука, 1976. — 214 с.
- ⁵¹ Подробнее см. в работе: Могильников В.А. Тюроки // Степи Евразии в эпоху Средневековья /Археология СССР. — М.: Наука, 1981. — С.29—43, рис.16—25 (прилож.), а также: Савинов Д.Г. Этнокультурные

- связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // Тюркологический сборник, посвященный памяти П.М.Мелиоранского. — М.: Наука, 1973. — С.339—250; Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрок-тугю) // В том же сборнике. — С.351—374.
- ⁵² Гаврилова А.А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1965.
- ⁵³ Там же. — С.58—59.
- ⁵⁴ Там же. — С.59—60.
- ⁵⁵ Могильников В.А. Тюрки. — С.36—37.
- ⁵⁶ Там же. — С.39—41.
- ⁵⁷ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — С.536.
- ⁵⁸ Подробнее о древнетюркских поминальных сооружениях-оградках и их видах см.: Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. — М.: Изд-во Московск. ун-та, 1969. — С.23—30.
- ⁵⁹ Войтов В.Е. Древнетюркские памятники на Хануе // СА. — 1986, № 4. — С.74—89.
- ⁶⁰ Подробнее см. в работе: Радлов В.В., Мелиоранский П.М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // Тр. Орхонской экспедиции. — СПб., 1897. — Вып.IV. — 45 с.
- ⁶¹ Обобщающие сведения о характере о назначении древнетюркских каменных изваяний даны в работах: Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей // СА. — 1964, № 2; Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. — М.: Изд-во «Искусство», 1976. — С.87—91; Могильников В.А. Тюрки. — С.42, 127, 128, рис.22, 23.
- ⁶² Киселев С.В. Древняя история... — Табл.LX; Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников... — С.81, 82; Могильников В.А. Тюрки. — С.42, 126, рис.21, 1, 4—6, 10, 12.
- ⁶³ Киселев С.В. Древняя история... — С.495, 496.
- ⁶⁴ Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. — М.-Л., 1966. — Т.II. — С.302; Могильников В.А. Тюрки. — С.41, 122, рис.19, 97.
- ⁶⁵ Могильников В.А. Тюрки. — С.41.
- ⁶⁶ Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. — Алма-Ата, 1941. — С.30; Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // СА. — 1959, № 3. — С.209—211.
- ⁶⁷ Подробнее см. в работах: Евтухова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. — 1957, № 2. — С.212; Грач А.Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге // ТТКАЭЭ. — М.-Л., 1966. — С.96, рис.22.

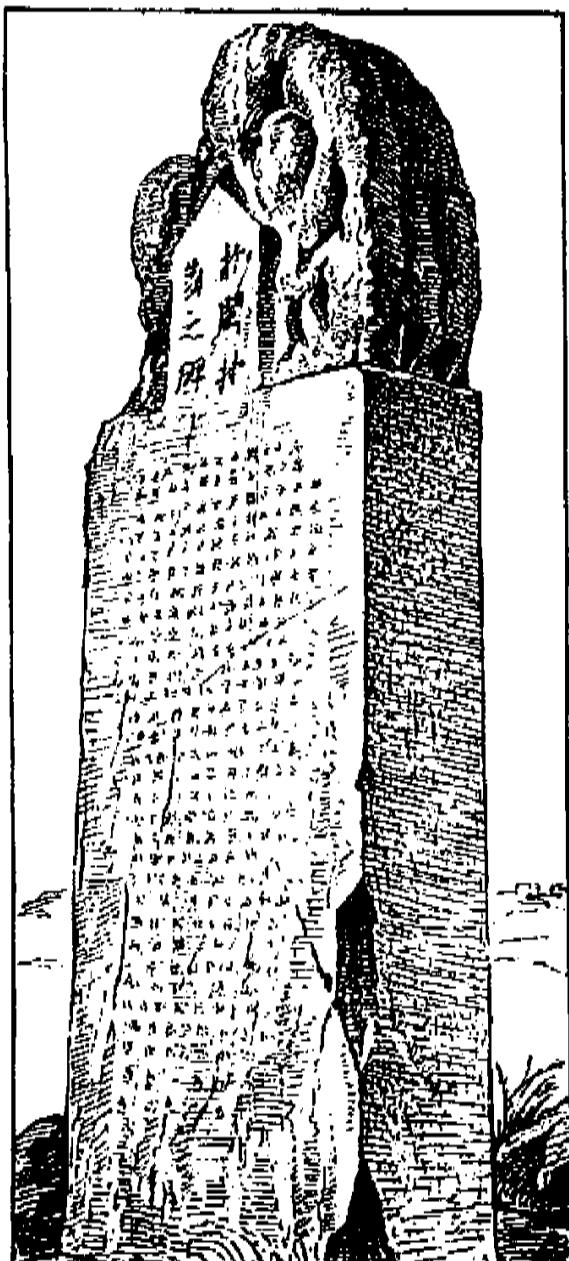

Рис.3. Памятник Кюль-Тегина, 732 г. Северная Монголия.

Леонид Кызласов

Города гуннов

«Пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки. Установлению правильных взглядов на роль этих «варваров» и на историю духовно-культурных заимствований мешают наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива...». Эти слова написаны Г.Н.Потаниным в конце XIX века.¹ За прошедшее столетие качественного изменения в подходах исследователей к этому предмету, увы, так и не последовало. И сегодня укоренившиеся представления нередко мешают правильно оценить совокупность имеющихся фактов, а иногда и вовсе не позволяют заметить само существование данных, не отвечающих традиционному восприятию. По-прежнему, исследователи оказываются психологически неподготовленными ни к разысканию, ни к анализу тех явлений, которые остались невостребованными предшествующим развитием науки. «Наше арийское высокомерие» распространялось на среду ученых-сибиряков, едва ли не в более извращенной форме, чем во времена Г.Н.Потанина.²

Между тем, фактов, противоречащих господствующей доктрине об извечности так называемой «кочевой стихии», присущей природеaborигенного населения древней и средневековой Сибири и Центральной Азии, становится известно все больше. Новые переводы разноязычных письменных источников и раскопки разновременных археологических памятников приносят неоспоримые свидетельства значительности развития оседлой экономики, становления самобытной городской культуры. Ниже мы приводим данные о городах гуннов, народа, культура которого во все времена приводилась в пример, как культура «чистых кочевников».

1. Города центральноазиатских гуннов

Одно из наиболее ранних известных письменных свидетельств, касающихся населения территории Южной Сибири и северо-западной части Центральной Азии, относится к концу III века до н. э. В «Исторических записках» китайского историографа Сыма Цяня рассказывается о том, что вступивший в 209 г. до н.э. на престол державы центральноазиатских гуннов (сюнну) шаньюй Маодунь с успехом вел завоевательные походы, расширяя границы своего государства. На востоке оно вскоре уже граничило с Кореей, а на западе — достигло современного Синьцзяна. В источнике сказано: «При Маодуне сюнну небывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали государство равное по силе Срединному государству» (т.е. Китаю — Л.К.). Около 201 г. н.э. Маодунь «покорил на севере владения хуньюев, цюйшэ, динлинов, гэгуней и синьли, все знатные люди и сановники сюнну подчинились ему и стали считать шаньюя Маодуня мудрым».³

К этому времени Маодунь завершил очередной поход на западных юечжей и его войска, возвращаясь в родные пределы, продвигались по северной полосе Центральной Азии с запада на восток. Так как, по археологическим данным, гунны завоевали в это время чуждые

для степняков горные районы Саяно-Алтайского нагорья, Северной Монголии и Западного Забайкалья, то перечисленные в «Исторических записках» захваченные владения можно отождествить с пятью большими условно называемыми археологами историко-археологическими общностями, занимавшими в это время указанные области.

В этом случае под именем хуньюев, возможно, скрываются создатели пазырыкской культуры Горного Алтая, под именем динлинов — племена тагарской культуры, обитавшие от Кузнецкого Ала-тау на западе и до оз.Байкал на востоке. Под именем цийшэ — создатели юкской культуры, расселявшиеся в бассейнах Верхнего Енисея (Тува) и в котловине Большых озер.

Под именем гэгунь (киргыз) быть может скрываются тогдашние обитатели юго-восточной части Северо-западной Монголии (южнее оз.Хирхис-Нур). Война шла и против синьли — народа, оставившего после себя культуру «плиточных могил», занимавшую огромную область Восточной Монголии и Забайкалья.

Шаньюй Маодунь был воистину мудрым и, очевидно, поэтому таким удачливым. Его армии в кратчайший срок завоевали и подчинили себе огромную территорию, недра которой хранили неисчислимые богатства в виде разнообразных полезных ископаемых. И это в то время, когда исконные земли гуннов в равнинах Ордоса, в пустыне Гоби и полупустынных плоскогорьях Центральной Азии, где они обитали до завоеваний, лишены рудных залежей.⁴

Во всех завоеванных северных странах обнаружены археологами не только отчетливые следы влияния культуры гуннов на местные народности, но и непосредственные остатки собственно гуннской материальной культуры. Последние свидетельствуют, что сразу же после захвата новых земель, гуннские мастера приступили к разработке богатейших рудоносных горизонтов. Для обеспечения своих рудокопов привычной для них глиняной посудой, гунны соорудили на Горном Алтае высоко производительные гончарные печи. Обломки этих сосудов найдены и возле их первых на чужой земле могил. Гуннские черепки обнаружены в карьерах древних рудников по р.Каа-Хему.⁵

Как показали раскопки, Иволгинское городище и городок Дурены на реках Селенге и Чикое, являлись поселениями гуннских металлургов, литейщиков, кузнецов и других мастеров, снабжавших свое государство необходимыми предметами вооружения, конского снаряжения, орудиями труда и быта.⁶ Все эти открытия раскрывают и те экономические причины, которые заставили гуннов совершить много-трудные военные операции по присоединению к своему государству богатейших регионов Саяно-Алтайского нагорья, Северной Монголии и Южного Забайкалья, населенных многоопытными аборигенными горноразработчиками, металлургами и кузнецами. Мудрость шаньюя Маодуня и его советников состояла, очевидно, в том, что для борьбы с ханьским Китаем и другими внешними врагами, гуннам нужны были не только спокойные северные тылы, но прежде всего постоянная горнорудная, металлургическая и ремесленная база для снабжения своих войск предметами вооружения и походного снаряжения.

Именно тогда в Центральной Азии было создано большинство гуннских ремесленно-хлебопашеских поселений, крепостей и городов.⁷ В настоящее время известно свыше 10 квадратных гуннских городов, укрепленных глинобитными стенами, валами, рвами, палисадами и свыше 20 неукрепленных ремесленно-земледельческих поселений.⁸ Гуннские городища найдены археологами и к югу от Гоби на территории Ордоса.⁹ В поле зрения ученых появляется все больше материальных и письменных свидетельств о том, что гунны вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, развивая при этом горное дело, металлургию и другие ремесла.

Еще недавно, полагаясь на сознательно искажающий действительность штамп ранней китайской историографии о том, что варвары-гунны «в поисках воды и травы переходят с места на место, и хотя у них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами, нет постоянного местожительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый тоже имеет выделенный участок земли»,¹⁰ многие ученые считали гуннов (сюнну) образцом «чистых» кочевников. Например, в обобщающей книге А.Н.Бернштама по истории гуннов ни слова не сказано о гуннских городах.¹¹

Однако новые археологические материалы и внимательное исследование тех же ханьских письменных источников показали, что не только гунны, но уже их предки строили укрепленные города. Есть, например, такое сообщение: «Ицзюйские жуны стали строить для защиты города, укрепленные внутренними и внешними стенами, но (царство) Цинь постепенно захватывало их. При Хуй-ване было взято двадцать пять ицзюйских городов».¹²

Письменные источники неоднократно сообщают о земледелии у гуннов. Это было известно еще по старым переводам ханьских хроник, опубликованным Н.Я.Бичуриным в середине XIX в.¹³ В.С.Таскин, взявший на себя огромный труд нового перевода источников по истории гуннов, пришел к выводу, что «по свидетельству источников, наличие земледелия у сюнну бесспорно».¹⁴ По археологическим данным, гунны для пахоты применяли плуги с чугунными лемехами.¹⁵

Очевидно, что одна часть гуннского населения жила оседло, занимаясь строительством, горным делом, ремеслом, земледелием, пастушеским и придомным скотоводством молочного направления. Разводили главным образом крупный рогатый скот и свиней. В скотоводческом хозяйстве другой части гуннов преобладало табунное скотоводство, но уже интенсивного типа — с выведением не только ослов и верблюдов, но даже лошаков, мулов и пони.¹⁶

В 82 г. до н.э. советник молодого шаньюя Хуянти князь динлинов Вэй Люй посоветовал шаньюю: «Выкопайте колодцы, постройте окруженные стенами города, воздвигните для хранения зерна башни и обороняйте города совместно с циньцами ...; было выкопано несколько сот колодцев и срублено несколько тысяч деревьев...».¹⁷

Древней летней столицей гуннов был город Лунчэн («Город императора», т.е. шаньюя), а зимней — Дайлин. В «Исторических записках» сообщается: «В 5-й луне съезжаются на большое собрание

в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжаются на большое собрание в Дайлине, где подсчитывают и проверяют количество лошадей и домашнего скота».¹⁸ Из этого текста видно, что Лунчэн («Город шаньюя») являлся не только имперской ставкой гуннов, но и их храмовым (религиозным) центром, в то время, как Дайлин — исполнял экономическую функцию в гуннском государстве. Еще говорится о построенном гуннами государственном хранилище — городе Чжаосиньчэн у горы Тяньяньшань (южная оконечность Хангайского хребта). В этом укрепленном стенами городекрепости находились центральные склады, в которых хранились общегуннские запасы зерна и вероятно, другие ценности и товары.

В источниках сообщается не только о столичном городе Лунчэне, но и о том, что гуннские государи-шаньюи строили и в других местах храмы, молельни и даже дворцы-резиденции. В своих землях гунны выкапывали глубокие рвы — препятствия, сотни колодцев и жилые землянки для пограничных караулов.¹⁹ Последнее сведение может быть истолковано так, что гунны на целом ряде ответственных рубежей поддерживали постоянную охрану государственных границ.

Известно также, что мятежный шаньюй Чжичжи соорудил большой дворец в квадратной крепости, которую он построил для себя в Семиречье. Описание этого города позволяет представить характер гуннского фортификационного искусства. Шаньюй «посыпал народ на возведение городской стены, каждый день работало по 500 человек, которые закончили постройку в два года». И далее сказано: «Перед земляной стеной имелся двойной деревянный частокол...». В другом месте добавлено, что этот город был защищен «пятью рядами укреплений»,²⁰ и «что на стенах города шаньюя вывешены пятицветные знамена и там находится несколько сот человек, одетых в латы. Кроме того, из города выехало более 100 всадников, которые скакали взад и вперед вдоль стены и вышло более 100 пехотинцев, которые построились, подобно рыбьей чешуе у ворот и упражнялись в применении оружия».²¹

Когда в 36 г. до н.э. мощная китайская армия в 40 тысяч воинов, под руководством опытного полководца Чэн Тана, окружила и начала осаду квадратной крепости, то чжичжи понадобилось более суток для того, чтобы в непрерывном бою наконец-то сломить сопротивление осажденных. При этом было убито 1518 человек, включая самого шаньюя, членов его семьи и приближенных князей. «С оружием в руках было захвачено 145 человек и свыше 1000 сдались сами».²²

Таким образом, ставку шаньюя, его дворец и весь город защищало хорошо вооруженное армейское подразделение численностью около 3000 воинов, среди которых были как кавалеристы, так и пехотинцы. Причем пехотинцы были не обычные — они умели строиться «подобно рыбьей чешуе», т.е., очевидно, в каре, оградившись щитами по сторонам и сверху. Такое пехотное построение латников перед битвой в то время применяло только одно войско — римские легионы.²³ Возможно ли, чтобы какой-то из римских легионов смог

оказаться в I в. до н.э. столь далеко на востоке? В сущности, в самых глубинах Азии на р.Дулай (Таласе) в центре Семиречья? Возможно ли было римлянам сражаться с армией еще более далекого от них Китая на стороне гуннской орды Чжичжи-шаньюя, которого в то время поддерживала казалось бы только армия местного государства Канг (Канцзюй китайских хроник)? Какие надежды мог возлагать могучий в то время Рим на разрозненных разбегавшихся центральноазиатских гуннов?

Некоторые ученые, анализировавшие это краткое и единичное сообщение, тем не менее полагают, что текст позволяет установить единственный в истории случай прямого столкновения военных сил двух могущественных империй древности — Ханьского Китая и Римского государства.²⁴ Свели эти силы представители того необыкновенного народа, который прославился в раннем средневековье своими неудержимыми и стремительными завоеваниями огромных территорий, ставших известными во всемирной истории, как Великое переселение народов. Это были племена, которых в центре Азии называли сюнну (или хунну) и гуннами в центре Европы. Это были предки тех знаменитых европейских гуннов, которые возглавили разрушение старой Римской империи и приняли на себя страшный удар объединенных народов Европы в битве на Каталаунских полях в 451 г.²⁵

Загадочность гуннов-сюнну усугубляется тем, что они являлись последним остатком некогда крупного этнического массива, язык которого, после гибели гуннов, так и остался неизвестным для современной науки.²⁶

Из некоторых сообщений хроник можно заключить, что упомянутая выше гуннская столица город Лунчэн находилась на юге их земель, по-видимому, в Ордосе, ограниченном излучиной Хуанхэ. Такой вывод можно сделать, например, из заявления южного шаньюя Туньтухэ в 88 г. н.э.: «Я уже приказал всем кочевьям готовить воинов и лошадей, чтобы в девятой луне во время жертвоприношений в Лунчэне все собрались на берегу Хуанхэ»²⁷ О том же говорит факт отступления на юг из Гоби полководца Ли Лина «по старой дороге в Лунчэн».²⁸

Но существовала еще одна столица, — административный и политический центр северных гуннов, город Бэйтин. О нем упоминается в «Истории Поздней Ханьской династии»: «Указом разрешается южному шаньюю поселиться в Юньчжууне, отстоящем от Бэйтана на расстоянии 3000 ли». Или: «В 1-й год «Чжан-хэ» сяньби вторглись в Цзоди (по-видимому, левобережные земли — Л.К.), напали на северных сюнну и наголову их разгромили. В Бэйтине наступил хаос».²⁹ По данным китайского историка Лян Юань-дуна, название Бэйтана (Северная ставка) образовалось от слияния слов Бэй сюнну (северные сюнну) и Шаньюй тин (ставка шаньюя). Из «Сюнну Чжуань» видно, что название Шаньюй тин иногда заменялось на Лунтин (Ставка императора).³⁰ В эпоху расцвета гуннского государства шаньюя по положению приравнивали к императору.

Память о гуннских городах и об их месторасположениях долго сохранялась среди населения Центральной Азии. Названия городов, в

которых в древности обитали сюнну, позднее часто упоминались, например, в киданьских источниках династии Ляо. Когда император Тайцзу совершил первый поход на реку Орхон, то сообщается, что им были взяты «уйгурский город (т.е. Ордубалык — Л.К.) и город Шаньюйчэн».³¹ По Таншу, там же в конце 40-х годов VII в. было учреждено «Шаньюево наместническое правление».³² В «Истории Ляо» есть такая фраза: «В первый год «Кай-тай» (1012 г. — Л.К.) военачальник племени шиля Алиди убил своего цзедуши и бежал на запад в город Волудо, который в древности носил название «Лунтин шаньюйчэн». Вскоре выразило непокорность племя цзубу. Они окружили Ту-юя в Кэдуньчэне. Натиск был очень сильный. Ту-юй приказал всему войску стрелять и отогнал их. Расквартировался — в Волудо.» Судя по этой записи, Волудо в XI в. находился на месте столицы северных гуннов — «Шаньюева города Лунтина» (он же Бэйтин), вблизи киданьского города Хэдуньчэна. В «Истории Ляо» говорится: «Хэдуньчэн — собственно уйгурский город Хотунь (т.е. Хатунбалык — резиденция супруги уйгурского хагана — Л.К.), ошибочно названный Хэдуном».³³ Хатунбалык располагался в 15 км к югу от столицы — ставки уйгурских каганов города Ордубалыка в верховьях реки Орхона, при впадении в него левого притока речки Балыклык (букв. Рыбной). На месте его кидани позже построили Хэдуньчэн, а кереиты и затем монголы — Каракорум (по-китайски Хэлиньчэн — Л.К.).

Исходя из этих данных, город Бэйтин (иначе Лунтин или Шаньюйчэн) также находился в долине Орхона. Следовательно, гунны были первыми хозяевами Центральной Азии, избравшими для ставки своего государя и для своей столицы долину реки, ставшей затем широко известной в истории народов Центральной Азии. Ханьские источники отмечают на территории к северу от Гоби такие принадлежащие гуннам города, как Фаньфужень и «Укрепление Теусяна».³⁴ Историк Фан Сюан-лин, описавший период правления династии Цзинь (265—420 гг.) и вторжение войск сюнну в Китай, когда они в 316 г. взяли столичный город Чанъян, сообщал, что в ту пору сюнну «построили дворцы вместо своих войлочных шалашей». В.С.Таскин отмечает, что «сюнну стали строить, украшать и укреплять города, создавать столицы».³⁵

Кроме того, в Цзинь шу (Хроника династии Цзинь) описан укрепленный город Гайцзян (Гуцзян) с указанием, что «город построен народом сюнну» (гуннами — Л.К.). В «Старой хронике династии Тан» (Цзю Тан шу) прямо сказано: «Подлинное название по-суннуски — город Гайцзян».³⁶ Следовательно, сам топоним, исказенный впоследствии китайцами в Гуцзян, имеет гуннское происхождение. Известно, что и поздние гунны не оставили свою традицию и строили во Внутренней Монголии города. Так, гуннский вождь Хэлянь Бобо построил в конце IV в. город Тунвань к северу от р.Шофан, который впоследствии получил название Сячжоу.³⁷

В средневековой китайской историографии никто из историков-хронистов не сомневался в том, что гунны были строителями. Даже

в легенде о происхождении предков уйгуров, записанной в Вэйшу (VI в.) рассказано, что однажды гуннский шаньюй «на север от столицы (гуннов — Л.К.) в необитаемом месте построил высокий терем», в котором поселил двух своих дочерей.³⁸

Приведенные выше данные убеждают в том, что именно гунны первыми стали насаждать в Центральной Азии и в Южной Сибири городскую культуру.

2. Гуннские города и поселения в Западном Забайкалье

Города и населенные пункты гуннов, находившиеся в Сибири, безымянны. Археологи обычно присваивают им условные названия. В пределах сибирских областей бывшего мощного гуннского государства города и поселения лучше всего изучены в Западном Забайкалье. Возле городов расположены и гуннские кладбища. Завоевав новые земли в 201 г. до н.э., гунны поселились в благодатных долинах р.Селенги и ее притоков, таких, как реки Джиды, Чикой, Хилок, Темник, Уда.

По данным А.П.Окладникова, какая-то часть бывшего здесь местного населения, относящегося к так называемой культуре «плиточных могил», оказалась вытесненной гуннами в Прибайкалье и, вероятно, в более северные пределы.³⁹ Оставшиеся аборигены являлись постоянной угрозой для завоевателей. Поэтому первые города гуннов хорошо укреплены. Это известное Иволгинское городище, а также руины Дэрестуйского замка на левом берегу р.Джиды, осмотренные нами в 1983 г.⁴⁰ Тогда же нами были осмотрены еще два неукрепленных гуннских поселения: найденное бурятскими археологами селище у деревни Енхор на высоком правом берегу р.Джиды и известное поселение у с.Дурены, расположенное по левому берегу р.Чикоя.⁴¹

Иволгинское городище находится на левом берегу р.Селенги, ниже впадения в нее р.Иволги. Оно исследовалось в 1928—1929 г. Г.П.Сосновским, в 1949—1950 гг. В.П.Шиловым, а в 1955—1974 гг. А.В.Давыдовой.⁴² Иволгинский гуннский город первоначально, очевидно, представлял собой подквадратную мощную крепость размером 340 x 340 м. Стены ее были ориентированы по сторонам света, и общая площадь города составляла около 11,5 га. Впоследствии своюенравная Селенга, подмывая левую надпойменную террасу, уничтожила третью часть крепости и через какое-то время отступила, оставив после себя русло высохшей старицы.⁴³ Исследователи городища описывают его остатки, как укрепленный с трех сторон валами и рвами, неправильный прямоугольник (размерами 348 м с севера на юг и 194—216 м с запада на восток), примыкающий с восточной стороны к старице реки. Однако, это только сохранившаяся часть (около 7 га) бывшей площади городища. В наше время известно, что подквадратными были все хорошо сохранившиеся гуннские города, обнаруженные в соседней Монголии.⁴⁴

Стены квадратной крепости на р.Селенге состояли из четырех укрепленных линий, от которых сохранились валы и рвы. На

опубликованном плане⁴⁵ видно, что город имел двое въездных ворот, расположенных посередине южной стороны укрепления, а обрывки валов, с юго-востока определяют, что восточная часть крепости в древности была смыта рекой. С северной стороны линия размыва прошла посередине бывших здесь северных ворот прежней крепости. На плане обозначен еще один псевдоразрыв валов: прямо по сечению юго-западного угла квадрата. Но на местности мы увидели здесь остатки тележной дороги, которая уже в наше время размяла угол вала оборонительного сооружения. Поэтому этот «разрыв» случаен и не должен приниматься во внимание при обсуждении архитектуры укреплений гуннского города.

Данные археологических раскопок свидетельствуют о сложном построении оборонительных стен города. Каждая из них состояла из пяти линий препятствий для внешних врагов. Учитывая технику и строительные приемы, примененные гуннами при сооружении городов и усадеб в других местах Центральной Азии и в бассейне Енисея, укрепления Иволгинского города реконструируются следующим образом.

Первоначально были выкопаны по всему периметру стен подквадратной крепости три рва, отдаленных друг от друга на 3—4 м. Глубина рвов от 1,13 до 2,1 м, а ширина от 3,5 до 5,5 м. Затем, перед рвами, с напольной стороны, были сооружены «галькобетонные» стенки. Последние воздвигались путем заливки в деревянные опалубки слоев тонкоотмученной строительной глины с добавлением в ее тесто речной гальки и некоторой доли отмытого водою песка. Заливался (с подсушкой) слой на слой и получалось «сцементированное» тело стены высотой 1,5—2 м. При этом, по наблюдению А.В.Давыдовой, «на вершинах валов» стояли деревянные заборы (высотой 1,6—1,8 м), а сами вершины «валов» были укреплены большими камнями.⁴⁶

Очевидно, что в «галькобетонные» стенки сверху были «утоплены» сплошные деревянные заборы, укрепленные по основанию рядами камней.⁴⁷ Глубина рвов, расположенных между стен, достигала 4,5—5 м. Наконец, с внутренней стороны четвертой линии обнаружены остатки пятой деревянной стены, с опорою на врытые в ямы большие столбы (диаметром 25—26 см). Вероятно, описанная система укрепления изнутри была прикрыта сплошным деревянным заплотом из толстых досок, концы которых были запущены в пазы массивных столбовых опор.

Такова сложная система оборонительных стен Иволгинской крепости, которая дополнялась, очевидно, мощными, запирающими въезды, деревянными воротами из бревен. Все это типично для архитектуры собственно гуннских городов. Во всяком случае, близкую картину изображают древнекитайские хроники, когда описывают строительство гуннским шаньюем Чжичжи четырехстенного города-крепости (в конце I в. до н.э.) на территории завоеванного им Семиречья. Шаньюй «посыпал народ на возведение городской стены, каждый день работало по 500 человек, которые закончили постройку в два года».⁴⁸ И далее: «Перед земляной стеной имелся двойной деревянный частокол...». В другом месте сказано, что этот город был защищен «пятью рядами укреплений», т.е. совершенно так же, как и Иволгинский город.⁴⁹

Следовательно, Иволгинский город — образец типовой архитектуры для оборонительных крепостей, строившихся во враждебной среде на завоеванных гуннами землях. По его устройству можно наглядно представить себе какой была крепость Чжичжи-шаньюя, сооруженная в Семиречье две тысячи лет тому назад собственно гуннскими архитекторами.

Хотя в Иволгинском городе раскопана небольшая площадка лишь в юго-западном углу крепости, вместе с частью привратного пространства вдоль южной стены,⁵⁰ все же была выявлена крестовая планировка жилых и производственных кварталов. Первоначально они были разбиты на квадраты, образованные сточными дренажными канавами, осушавшими улицы. С течением времени, улицы кое-где были застроены новыми жилищами и в результате образовались тупики.

В целом же крестовая планировка внутренней части застройки города четко соотносится с направлениями внешних стен подквадратной крепости, что, в свою очередь, подчиняется общему архитектурному канону построения небольших квадратных средне- и центральноазиатских городов более поздней средневековой эпохи. Очевидно, что гуннские подквадратные города являются их предшественниками.

Пятирядность оборонительных стен, сооруженных с использованием особых «галькобетонных» и деревянных конструкций, отражает специфическую самобытность гуннской городской архитектуры, не имеющей себе в ту пору аналогов ни в евразийских степях, ни в Ханьском Китае, за исключением квадратного плана, с крестовидной застройкой.

Обсуждая план Иволгинского города, отметим, что, вопреки казалось бы очевидной линейности расположения жилых домов вытянуто с востока на запад, они на деле составляли жилые кварталы. Внутри кварталов просматриваются усадьбы из 2—3 жилых домов, которые, возможно, перестраивались с течением времени. Зафиксирована гибель некоторых из них от периодических пожаров.

На усадьбах обнаружены многочисленные хозяйствственные сооружения: погреба, навесы, свинарники, места керамических и металлургических производств, зернохранилища, колодцы и т.д. Никаких обширных скотных загонов в черте города не обнаружено.

Основные жилые дома были подквадратными. Под них сначала закладывались квадратные котлованы от 3 х 3 до 7 х 7 м, глубиною от 0,6 до 1 м. Стенки и пол обмазывались глиняным раствором. Вокруг на бортах котлованов (очевидно, в опалубке) слой за слоем наращивались заливкой глинобитные стены, в которые были «утоплены» опорные столбы, несущие на стропилах всю каркасную конструкцию дома с двускатной крышей. Вход в жилище находился с южной стороны, близ юго-восточного угла, и представлял собой пристроенный снаружи коридор-дромос с покатым спуском.⁵¹

Два здания были наземными, с сохранившимися глинобитными стенами (толщиной до 1,3—1,4 м), которые оплыли, образовав холмообразные возвышения.

Внутреннее устройство зимних, утепленных жилищ стандартно: против входа, в северо-восточном углу, располагалась печь из камен-

ных плит, от которой вдоль северной и западной стенок проходил канал-дымоход из плитняка, обогревающий дом зимой. В юго-западном углу подымалась вытяжная труба (диаметром 35 см), которую, вероятно, сооружали из расколотого повдоль и выдолбленного изнутри ствола селенгинского белого тополя. Вырывались ямки-погребки и хранилища из врытых в пол сосудов. В двух случаях, под полом в глиняных сосудах, обнаружены захоронения грудных детей.

Кровля была многослойной с прокладками из жердей, прутьев, бересты, соломы и золы. Лежанки — нары сооружались из досок, на опорных столбах, над вышеописанным обогревательным каналом. На поверхности обмазанного глиной пола встречаются обожженые пятна от жаровен, которые, по-видимому, дополнительно обогревали дома во время лютых морозов.

В центре города исследован холм, под которым обнаружен сыродутный горн для выплавки железа.⁵² Здесь была мастерская металлурга.

Особенностью Иволгинского гуннского города является то, что в 100 м к югу от него, на краю той же речной террасы, находятся остатки Малого городища, более чем наполовину смытого в древности рекой.⁵³ Это, первоначально, также квадратное укрепление (145 x 145 м) площадью 2 га, обнесенное глинобитной стеной, со рвом изнутри. Последнее совпадает с той же особенностью оборонительных линий Иволгинского города. Малое городище свидетельствует о глубокой приверженности гуннских строителей к особому традиционному архитектурному канону в устройстве присущих для них монументальных сооружений.⁵⁴ Ни культурного слоя, ни остатков каких-либо построек на Малом городище нет. Впрочем, деревянные постройки и их заборы могли исчезнуть со временем бесследно.

Судя по обнаружению в исследовательских шурфах нескольких костей домашних животных, это мог быть разделенный бревенчатыми перегородками охраняемый укрепленный загон для общего стада домашних животных. Здесь сохраняли крупный и мелкий рогатый скот или лошадей.

В 440 м к северо-востоку от города находилось кладбище его жителей — так называемый Иволгинский могильник. На нем вскрыто 216 могил с остатками скелетов 244 человек.⁵⁵

Дэрестуйский замок находится около 20 км выше ж.д. станции Джиды на юго-запад, в крутой излучине р.Джиды, в которой расположено и его кладбище, известное как Дэрестуйский могильник.⁵⁶ В 30 км ниже излучины (называемой Дэрестуйский Култук) Джиды слева впадает в р.Селенгу. В 1,5 км к северу от замка расположен невысокий хребтик, поперечный течению реки, за которым, ниже, по левому берегу Джиды вытянут с юга на север Дэрестуйский могильник.

Крепость подквадратная (120 x 119 м), имеет внутри квадратную цитадель (40 x 40 м). Ворота располагались с юга, т.е. со стороны реки. Так же, как и Иволгинский город, Дэрестуйский замок ориентирован сторонами по странам света. Внешние его стены были глинобитными (сделанными заливкой в деревянной опалубке) и от них сохранились оплывшие валы, шириной около 6 м. Верх стен первоначально был

укреплен сплошным каменным гребнем из острых обломков скалы. Теперь камни располагаются по основным осям всех валов. Южные ворота крепости имели ширину около 18 м. С юго-восточного угла в восточной стене находилась калитка. В 10 м к югу от ворот стоит бугор (высотой до 1 м и размерами 10,5 х 10,5 м). Стены внутренней цитадели были обнесены рвом и отстояли от восточной стены на 26,5 м, от северной стены — на 24,5 м, от западной — на 22,5 м.

В северо-восточном углу цитадели возвышается усеченно-пирамидальный подквадратный холм размером 15 х 15 м и высотою 1,5 м.

В 1983 г. разведовательной группой Хакасской экспедиции, при содействии Н.В.Именохоева, на руинах Дэрестуйского замка собран подъемный материал: обломки прямоугольного красного обожженого кирпича (размером 12,5 х 7 см) и обломки типично гуннских серых, круговых сосудов: вазообразных бочек; боковин, украшенных налепными валиками и т.п. Найдены переданы в Отдел археологии Бурятского института общественных наук СО АН СССР, сотрудники которого ныне исследуют осмотренные нами остатки Дэрестуйской крепости.

В 1988—1989 гг. небольшие раскопки на памятнике произвел бурятский археолог С.В.Данилов, который по имени урочища назвал памятник «Городище Баян Ундер». ⁵⁷ Были разрезаны поперечными траншеями восточный вал цитадели и восточный внешний вал городища. Выяснилось, что первоначально на месте валов находились плотные стены из обычного для гуннов «глинобетона», полученные в результате послойной заливки тонкоотмученной глины с примесью дресвы и щебня в дощатой опалубке. По гребню стены первоначально были «утоплены» в глину рваные обломки скалы, которые в результате почти двухтысячелетнего разрушения и размытия стен атмосферными осадками, осели и находились в переотложенном состоянии. Очевидно и здесь были первоначально деревянные заборы, укрепленные большими камнями.

Стены внутренней цитадели были окружены снаружи рвом шириной около 3,3 м и глубиной 1,6 м от основания стены. Ров под стеной имел почти отвесную стенку и, следовательно, значительно увеличивал общую высоту стен цитадели.

С.В.Даниловым было обнаружено, что изнутри к стене цитадели примыкала жилая «площадка»-пол, в виде глинобитной платформы, на ровной поверхности которой лежали обломки каменных плиток, очевидно, оставшихся от обогревательных каналов. Основание одной из стен жилища было облицовано плитой, укрепленной на ребре, длиной 1,6 х 0,5 м. Собраны мелкие обломки гуннских сосудов.

Поселение Енхор находится на правом берегу р.Джиды, противоположном Дэрестуйскому замку. Это в 10 км к юго-западу от Дэрестуйского култука. Поселение расположено на высокой надпойменной террасе, возвышающейся на 35—40 м над поймой, в которой стоит деревня Енхор (совхоз «Заречный»). В 350 м от деревни террасу прорезала дорога, ведущая в поселок Цаган-Усун.

Поселение было открыто в 1981 г. А.Д.Цыбиктаровым.⁵⁸ Мощность его культурного слоя колеблется от 20—40 до 80 см. Вдоль

края террасы поселение вытянуто на 350 м. В 1983 г., когда поселение посетили сотрудники Хакасской экспедиции, останец горы с селищем на вершине был обрезан бульдозерами. Посредине площадки располагалась глубокая впадина, очевидно, место жилища, углубленного в землю. На осыпях обрывов нами были подобраны многочисленные обломки черных гуннских сосудов, с типичным редким вертикальным лощением; обломки каменной зернотерки, кусок железного сошника, часть плоского кольца из белого камня, обломки перламутра. Были встречены и каменные плитки, обычно используемые гуннами при сооружении в жилищах обогревательных лежанок с отопительными каналами.

В 500 м к востоку от селища, на возвышенности, бурятскими археологами обнаружен развеянный могильник с неглубокими древними захоронениями — может быть, кладбище бывших гуннских поселен. При нас, в 1983 г., в одном месте замечены оголенные кости ног скелета молодого человека, лежавшего на спине, головой к северо-востоку.

Поселение у с.Дурены расположено в 35 км к востоку от г.Кяхта, в излучине старицы по левому берегу р.Чикоя. Чикой, правый приток Селенги, близ этого места пересекает границу с Монгольской Народной Республикой и устремляется на север.⁵⁹

«Поселение находится на краю надпойменной террасы, образующей в плане как бы подкову, расположенную в излучине р.Чикой... Общая протяженность поселения составляет около 5 км. Во всех его частях зафиксированы значительные участки ненарушенного культурного слоя мощностью до 90 см (втрое больше, чем на Иволгинском городище)».⁶⁰ Следует полагать, что основная часть площади этого поселения быламыта водами Чикоя за время образования его излучины. Не исключено, что в гуннское время, в излучине размытого ныне левого берега этой реки располагался укрепленный город, остатки ремесленного посада которого принимаются ныне нами за особое поселение, странным образом вытянутое на 5 км по излучине берега современной старицы.

В разных местах поселения удалось раскопать много хозяйственных ям и около десятка жилищ, которые оказались точно такими же, как и вышеописанные, заглубленные в землю, дома иволгинских гуннов с аналогичными «Г»-образными отопительными каналами-дымоходами. Обнаружены: масса шлаков, кучки невостребованной руды и другие отходы, связанные с производством железа, железных и бронзовых поделок. Если в Иволгинском городе найдено только два железных сошника, то в Дуренах их собрано 21. Несмотря на относительно малую площадь, исследованную раскопками, материалы показывают, что Дурены — это город, в котором основным населением были ремесленники, занимавшиеся, отчасти, земледелием. Экономический потенциал этого обширного по размерам ремесленного центра был, несомненно, очень высоким.⁶¹

Поселение Дурены II в с.Дурены обнаружено А.В.Давыдовой и С.С.Миняевым в 1983 г. к северу от первого поселения, в

следующей излучине левого берега Чикоя. Памятник отличается многослойностью (от эпохи бронзы до средневековья). Слои 5—7, по керамике, относятся к гуннскому времени. Интересна впервые отмеченная в этих же горизонтах не гуннская посуда.⁶²

Таким образом, в Западном Забайкалье известно уже пять пунктов, в которых исследуются города и оседлые поселения гуннов. Полученные материалы бесспорно свидетельствуют о том, что часть собственно гуннского населения проживала в укрепленных городах или поселках, занимаясь преимущественно земледелием, но также и квалифицированным ремеслом. Укрепленные города были не только военными форпостами, но, вероятно, центрами духовной и религиозной жизни гуннского народа, хранилищами ценностей, продуктов ремесла и земледелия и, конечно, местами торжищ. На последние, очевидно, собирались лесные охотники, кочевники-скотоводы и иноземные купцы.

Для того, чтобы раскрыть более полно страницы истории, связанные с пребыванием загадочного народа — гуннов (сюнну) на земле Забайкалья, следует не только детально исследовать известные памятники их оседлой культуры, но и разыскать новые, еще неизвестные.

3. О хронологии гуннских памятников

Надобно благодарить А.В.Давыдову за многолетний труд по исследованию памятников оседлых гуннов в Забайкалье. К сожалению, растянувшееся на годы выяснение даты изучавшегося ею Иволгинского комплекса (городища и могильника) не способствовало развитию науки. Поэтому в 1953—1960 гг. автор, по известным в то время данным, сам установил, что Иволгинский комплекс и часть могил других могильников относятся ко II—I вв. до н.э., а другая часть — к периоду I в. до н.э. — I в. н.э.⁶³ Позднее, в сжатом виде, мною была опубликована периодизация памятников гуннской культуры, переживших два этапа.⁶⁴

Реакция А.В.Давыдовой оказалась неожиданной. Полностью приняв в 1985 г. для Иволгинского комплекса дату, предлагавшуюся мною еще в 1953 г. (II—I вв. до н.э.) и неоднократно обсуждавшуюся с нею при личных встречах в 1950-е гг., А.В.Давыдова наконец-то подтвердила большинство аналогий гуннским предметам массовыми находками сходных предметов в памятниках выделенного мною на Енисее (в 1953 г.) тагарско-таштыкского переходного этапа (II—I вв. до н.э.), который М.П.Грязнов позже, по новым материалам, назвал «тесинским».⁶⁵

Неожиданно А.В.Давыдова объявила, что предложенная Л.Р.Кызласовым «классификация не отвечает ходу развития общества хунну». «Повинны», де, хронологические этапы, ибо «**все** известные курганные могильники оказались на более позднем этапе» (кочевники, де), чем памятники «оседлой части общества». И здесь же утверждалось, что «однотипный набор вещей **характерен для всех без исключения памятников хунну**» и посему общей их датой является период II—I вв. до н.э.⁶⁶

Чтобы доказать столь надуманное и далекое от правды утверждение, А.В.Давыдова совершает «подвох»: она публикует (в кавычках)

цитату из печатного текста Л.Р.Кызласова, выбросив из раннего «дэрестуйского этапа» важнейший памятник, а именно — Дэрестуйский могильник.⁶⁷ После этого, А.В.Давыдова принялась критиковать ею же выхолощенный текст. Все это, по меньшей мере, странно... Но странно также узнать, что специалисты по гуннской археологии не ведают, к примеру, что в кургане №6 могильника Ноин-Ула найдена китайская лаковая чашечка, на дне которой написана дата ее изготовления — 2 г.до н.э. Следовательно, сам курган был сооружен не ранее I в н.э.⁶⁸ Странность поведения оппонентов (А.В.Давыдовой и ее напарника С.С.Миняева) состоит еще и в том, что они аргументируют возможного захоронения в одном могильнике погребений разновременных этапов. Не проделав типологической классификации инвентарей погребений, коллеги не замечают отличия типов погребальных сооружений и различия деталей совершенного в них погребального обряда. В результате, по мнению оппонентов, культура центральноазиатских гуннов за 300 лет прогрессировала столь незаметно, что результаты ее развития оказались неуловимыми даже для специалистов.

Между тем, в бассейне Среднего Енисея, все памятники в той или иной степени связанные с гуннами, четко разделились на два этапа: ранний тагарско-таштыкский («тесинский») II—I вв. до н.э. и, более поздний, изыхский этап таштыкской эпохи (I в. до н.э. — I в. н.э.). Именно эти же даты теперь подтверждены и для этапов развития культуры гуннов Забайкалья.⁶⁹

Так закончилось утверждение нашей классификации, которая, нами же, была расширена еще в 1979 г.⁷⁰ При всем том, бесспорно, что приток новых материалов поможет в будущем улучшить или уточнить любую классификацию.

Приведенный выше обзор письменных источников не оставляет сомнений в том, что археологи обнаружат и исследуют не только ранние, но и поздние гуннские города. В настоящее время, возможно, таковым окажется Дэрэстуйский замок (Баян Ундер), раскопки которого только начались.

Сопоставление известных ныне письменных и археологических источников убеждает нас в том, что geopolитическое положение гуннского государства в Центральной Азии, между культурными центрами западного (Средняя Азия) и восточного (Китай) миров, сформировало как духовную, так и материальную культуру гуннов.

Академик Н.И.Конрад был совершенно прав, различая, наряду с китайским «историческим кругом земель», центральноазиатский очаг исторической активности народов, зародившийся в эпоху сложения гуннской державы. «Этому новому центру, — писал он, — предстояло сыграть роль звена, связующего восточноазиатский центр мировой истории со среднеазиатским».⁷¹ К этому следует добавить, что, хотя гуннская материальная культура впитала в себя многие характерные элементы соседних с нею культур западного ареала (лук и стрелы, конская сбруя, бронзовые котлы, звериный стиль и т.п.), основа ее все же была заложена в дальневосточном культурном кругу. Это особенно наглядно отражено в архитектуре городов («чэнов»), в жилых постройках с

напольной системой отопления типа канов, в преобладании вазообразных сосудов, в формах сельскохозяйственного инвентаря (лемехи плугов, серпы, оковки лопат и пр.), бытовых предметов (нефрит, зонты, лак, палочки для еды, монеты, зеркала) и т.д. Кроме того, гунны (сюнну) пользовались иероглифической письменностью, которая являлась международной для всего дальневосточного круга культур. Именно гунны впервые унесли с собой эту письменность далеко на запад.

Примечания:

- ¹ Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.
- ² Худяков Ю.С. К вопросу о древних городах Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Археология и этнография. №3. СОРАН. Новосибирск, 1994.
- ³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. М.-Л., 1950. С.48, 50; Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М., 1968. С.39, 41.
- ⁴ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С.10—11.
- ⁵ Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986; Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979. С.79—84.
- ⁶ Давыдова А.В. Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА. Т.XXV. М., 1956; К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // КСИА. Вып. 154. М., 1978; Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
- ⁷ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века... С.9—15.
- ⁸ Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии // СА. №3, 1957; Майдар Д. Три карты городов и поселений Монголии. Улан-Батор, 1970; Давыдова А.В. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну...
- ⁹ Васильев К. Археологические исследования во Внутренней Монголии / / ВДИ. №3, 1959.
- ¹⁰ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.1. М., 1968. С.34
- ¹¹ Берништам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- ¹² Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.1. С.37
- ¹³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. С.76, 83, 106.
- ¹⁴ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.1. С.31; Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. М., 1973.
- ¹⁵ Давыдова А.В., Шилов В.П. К вопросу о земледелии у гуннов // ВДИ. №2, 1953.
- ¹⁶ Таскин В.С. Тюркские названия домашних животных в языке сюнну / / КСИНА АН СССР. Вып.85. М., 1964; Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.1. С.4, 34.
- ¹⁷ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.23, 24
- ¹⁸ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.1. С.40, 79, 81, 91, 165.
- ¹⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. С.76, 78; Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.1. С.91, 165; Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.22, 23, 70, 73, 83, 112, 137.
- ²⁰ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.126, 129, 131, 164.

- ²¹ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.128.
- ²² Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.126—129.
- ²³ Зуев Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзой с гуннами и Китаем во второй половине I века до нашей эры // Известия АН Казахской ССР, серия истории, экономики и т.п. Вып.2. Алма-Ата, 1957.
- ²⁴ Дебс Гомер Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // ВДИ. №2, 1946.
- ²⁵ Maenchen-Helfen O.J. The World of the Huns. Berkeley—Los Angeles—London, 1973.
- ²⁶ Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. Vol.XVII, №1. Wiesbaden, 1973.
- ²⁷ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.83.
- ²⁸ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.112.
- ²⁹ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. С.13.
- ³⁰ Лян Юань-дун. Си Ляоши (на кит. яз.). Пекин, 1955. С.20.
- ³¹ Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуротов в IX—XII вв. Новосибирск, 1974. С.85.
- ³² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. С.264.
- ³³ Лян Юань-дун. Си Ляоши. С.20
- ³⁴ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.21, 136
- ³⁵ Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып.1. Сюнну. М., 1989. С.26—27.
- ³⁶ Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С.35, 138, прим.159.
- ³⁷ Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С.67.
- ³⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. С.214.
- ³⁹ Окладников А.П. Якутия до присоединения к русскому государству // История Якутской АССР. Т.1. М.-Л, 1955. С.193—196.
- ⁴⁰ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новые материалы о происхождении культуры чаатас // АО 1983 года. М., 1985. С.220.
- ⁴¹ Сосновский Г.П. О поселении гуннской эпохи в долине Чикоя (Забайкалье) // КСИИМК. Вып.14. М.-Л, 1947; Давыдова А.В., Миняев С.С. Поселение хунну у с.Дурены // АО 1972 года. М., 1973; Они же. Раскопки хуннских поселений в Забайкалье // АО 1974 года. М., 1975; Они же. Раскопки поселения хунну у с.Дурены // АО 1975 года. М., 1976; Давыдова А.В. Раскопки поселения хунну у с.Дурены // АО 1973 года. М., 1974; Она же. Раскопки поселения хунну у с.Дурены // АО 1977 года. М., 1978; Она же. Новые данные о поселении хунну у с.Дурены // АО 1979 года. М., 1980.
- ⁴² Сосновский Г.П. Нижне-Иволгинское городище // ПИДО. №7-8, 1934; Давыдова А.В. Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА. Т.XXV. М., 1956; Она же. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
- ⁴³ Давыдова А.В. Иволгинское гордище. Рис.1.
- ⁴⁴ Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии // СА, №3, 1957; Шавкунов Э.В. Обследование гуннских городищ в Монголии // АО 1972 года. М., 1973; ср.: Волков В.В., Новгородова Э.А. Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция // ВИ, №12, 1976.
- ⁴⁵ Давыдова А.В. Иволгинское городище... Рис.1; Она же. Иволгинский комплекс (городище и могильник)... Рис.П.
- ⁴⁶ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)... С.12, 13.

- ⁴⁷ Давыдова А.В. Иволгинское городище... С.296, 297
- ⁴⁸ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.126—129.
- ⁴⁹ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.126—129, 131.
- ⁵⁰ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)... Рис.II, III.
- ⁵¹ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)... Рис.III.
- ⁵² Давыдова А.В. Иволгинское городище... Рис.7.
- ⁵³ Давыдова А.В. Иволгинское городище... Рис.1.
- ⁵⁴ Проскурякова Т.С. Пути формирования городов Домонгольской Сибири // Архитектурное наследство. Т.37. М., 1990. С.44, 45.
- ⁵⁵ Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т.2. Иволгинский могильник. СПб, 1996.
- ⁵⁶ Сосновский Г.П. Дэрестуйский могильник // ПИДО. №7—8, 1935.
- ⁵⁷ Данилов С.В. Отчет об исследованиях средневекового здания в Нарсату и городища Баян-Ундер в Джидинском районе Бурятской АССР в 1988 году. Улан-Удэ // Архив ИА РАН, Р-I, №13403. М., 1989; Его же. Отчет об исследованиях средневекового здания в Нарсату Мухоршибирского района, городища Баян-Ундер в Джидинском районе и поселения на реке Темник Селенгинского района Бурятской АССР в 1989 году. Улан-Удэ // Архив ИА РАН, Р-I, №14054. М., 1990; Данилов С.В., Жаворонкова Т.В. Городище Баян-Ундер — новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995.
- ⁵⁸ Цыбиктаров А.Д. Новые материалы по хунну Южного Забайкалья // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири. Итоги и перспективы. Иркутск, 1986.
- ⁵⁹ Сосновский Г.П. О поселении гуннской эпохи в долине Чикоя (Забайкалье) // КСИИМК. Вып.14. М.-Л., 1947.
- ⁶⁰ Давыдова А.В. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // КСИА. Вып.154. М., 1978.
- ⁶¹ Давыдова А.В., Миняев С.С. Поселение хунну у с.Дурены // АО 1972 года. М., 1973; Давыдова А.В., Миняев С.С. Раскопки хуннских поселений в Забайкалье // АО 1974 года. М., 1975; Давыдова А.В., Миняев С.С. Раскопки поселения хунну у с.Дурены // АО 1975 года. М., 1976.
- ⁶² Миняев С.С. Исследования в Западном Забайкалье // АО 1983 года. М., 1985; Миняев С.С. Работы Забайкальского отряда // АО 1984 года. М., 1986.
- ⁶³ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. С.85, 86, 126, 163 и 164.
- ⁶⁴ Кызласов Л.Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. К 70-летию А.П. Смирнова / МИА, №169, М, 1969. С.118; датировка этапов осталась прежней.
- ⁶⁵ См.: Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)... С.46, 48, 49, 66, 67; ср.: Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Том 2. Иволгинский могильник... С.25.
- ⁶⁶ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)... С.36—37.
- ⁶⁷ Сравните: Кызласов Л.Р. О памятниках ранних гуннов... С.118 и Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)... С.36.
- ⁶⁸ См.: Trever K. Excavations in Northern Mongolia. L., 1932. P.48, Pl.29, 2 и 30, 1.
- ⁶⁹ Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М, 1992. С.224—246 и табл.105—108; С.254—260 и табл.94—100.
- ⁷⁰ См.: Кызласов Л.Р. Древняя Тува... С.82.
- ⁷¹ Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С.459—463.

Рис.1. Глиняный налеп у двери гуннского дома, изображающий духа — хранителя здания. Маска европеоида. Монголия, по фото М.Габори.

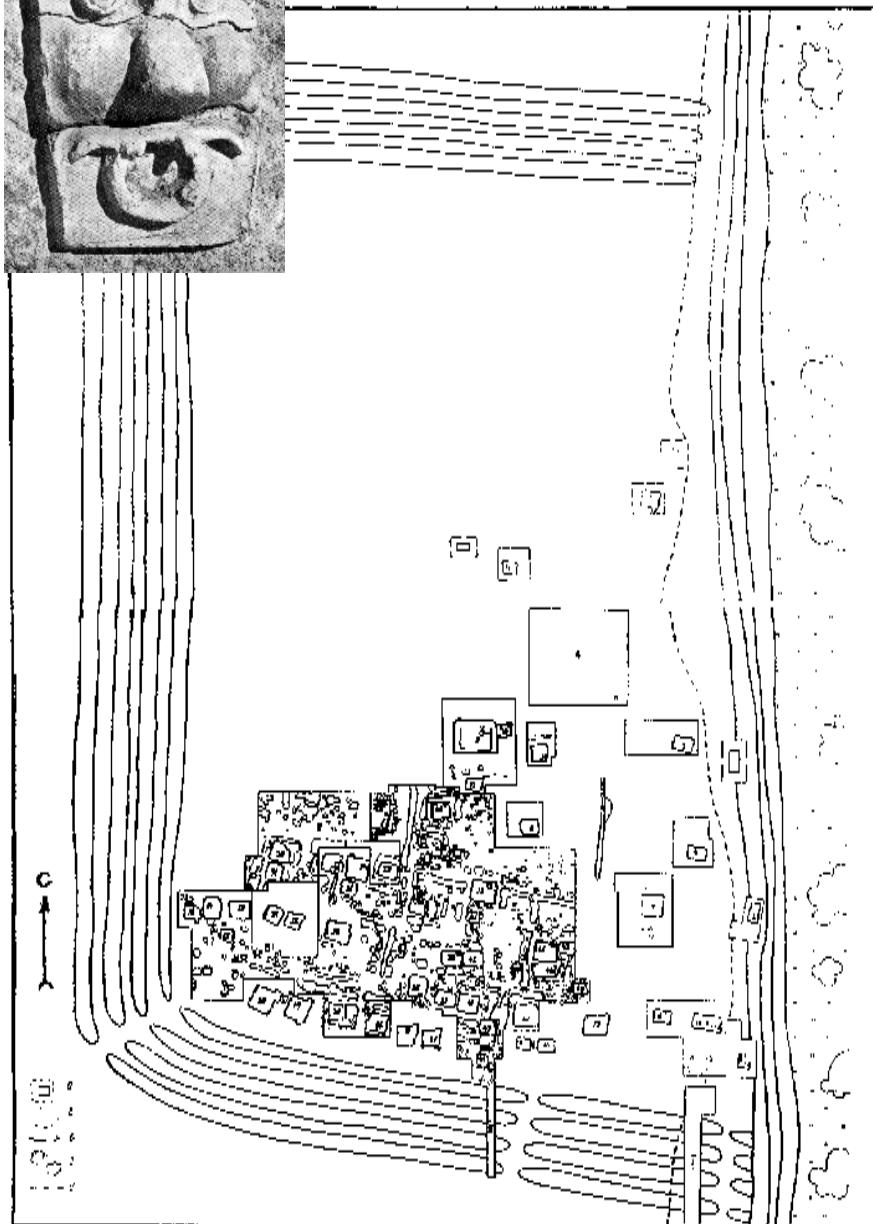

Рис.2. Схема Иволгинского городища по А.В.Давыдовой.

Рашо Рашев

О возможности выделения самых ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы

На основании письменных источников можно утверждать, что в V в. праболгары (болгары — булгары, древние болгары, протоболгары, тюркоязычные болгары) уже жили в степях севернее Кавказа. В VI—VII вв., на основании тех же источников, праболгары и племена болгарской группы можно локализировать еще в Приазовье, в Крыму и в Северном Причерноморье.¹ Иначе выглядит проблема археологической идентификации их памятников материальной культуры. Только в последние 35 лет сделаны первые попытки указать на памятники, принадлежавшие болгарам или племенам болгарского круга. Так в 1964 г. впервые было высказано предположение, что некоторые погребения Борисковского могильника, может быть, принадлежали утиграм.² Немного позже М.И.Артамонов опубликовал свои соображения о выделении особой пастырской культуры, принадлежавшей, по его мнению, болгарам-кутригуром, что вызвало в археологических кругах скорее всего сдержанность и отрицания, чем одобрения.³ Еще раньше он считал степи Нижнего Поволжья и Приуралья как вероятную исходную территорию болгар (турков) и родственных им племен накануне их переселения на запад и северо-запад, но конкретные памятники болгарской принадлежности на этой территории оставались неизвестными.⁴ В регионе Среднего Поволжья памятники типа Андреевского и Писеральских курганов II—III вв. А.Х.Халиковым считались как наиболее ранние следы культуры тюркоязычных племен, среди которых были и болгары, давшие начало процесса тюркизации региона.⁵ И.П.Засецкая полагала, что с сарагурами, онагурами и урогами связаны обособленные ею хронологические группы вещей ХГ3-1б и ХГ3-2, отмечая, что последние преобладают в Среднем Поволжье.⁶ С праболгарами связывались еще более ранние памятники и детали погребального обряда в степях Казахстана и Западной Сибири.⁷ В качестве модели для сравнения в ретроспективном плане брались черты праболгарского погребального обряда VIII—IX вв. Дунайской Болгарии и зливкинского варианта Салтово-маяцкой культуры.⁸ Надо заметить, что подобные ретроспекции не всегда оправдывают себя в поисках ранних памятников данного этноса, так как вполне возможно, что в ходе переселений происходит изменение основных признаков не только ранних и более поздних, но и синхронных памятников одного и того же этноса. По этому поводу можно напомнить некоторые расхождения в погребальном обряде болгар на Волге и Дунае в VIII—IX вв. Волжские признаки как ориентация (запад), конструкция некоторых могильных ям (заплечики) и шкура коня (череп и ноги) в могильниках дунайских болгар не встречаются.

Давно известно, что очень трудно, часто невозможно оценивать вещевой материал эпохи переселения народов с точки зрения этнической принадлежности. Как известно, с конца IV в. по конец VII в. в степях Восточной Европы существовали в основном два стиля украшений — гуннский полихромный конца IV—V вв. и геральдический VI—VII вв., которыми пользовались все разноэтническое население степи. То же можно сказать об оружии и снаряжении коня. Поэтому погребальный обряд, как самый консервативный элемент культуры, является более надежной основой в поисках этнического облика. Необходимо иметь в виду два условия: 1. Привлекать только памятники обособленного географического региона. В нашем случае — это восточноевропейская степь. 2. Сопоставлять памятники двух последовательных периодов, несмотря на разность стиля вещей, выставляя на первый план определяющие признаки обряда. Здесь имеются в виду памятники конца IV—V вв., с одной стороны, памятники VI—VII вв. — с другой.

Нельзя сказать, что этот период истории и археологии Восточной Европы является неразработанным. Наоборот, он издавна привлекал внимание нескольких поколений исследователей. Особо нужно отметить исследования, проводившиеся в последние 35 лет после выхода в свет в 1962 г. «Истории хазар» М.И.Артамонова.⁹ Общая особенность этих исследователей —держанность предлагать этнические определения памятников. Они характеризовались прежде всего в хронологическом и типологическо-классификационном плане и очень редко — в этническом. При этом обычно использовались нейтральные наименования как «кочевники», «степное население», «население гуннского времени» и т.д. Надо сразу сказать, что в ряде случаев этадержанность оправдывает себя. В то же время история степи отрывалась от своих конкретных творцов, тем более, что письменные источники сообщают довольно достоверную информацию именно в этом плане.

Некоторое развитие этой проблемы сдвинулось после выхода в свет книги И.Вернера, посвященной Перещепинскому кладу. В интерпретации немецкого ученого он был определен как инвентарь погребения болгарского хана Кубрата. В этом большую роль сыграли золотые перстни-печати, носившие греческие монограммы с его именем.¹⁰ Сразу после этого вышли первые более-менее полные сводки степных погребений VI—VII вв. Северного Причерноморья, Крыма, Прикубанья и Поволжья.¹¹ Кстати, это было время больших мелиоративных работ в степи, благодаря которым было исследовано много новых памятников того же типа. Наряду с традиционными этническими определениями как «кочевнические погребения», их носителей стали называть более определенно — «турки», «турко-болгары», «болгары». Из всей массы погребений выделяется погребение 2 в кургане 3 возле Сивашовки, Херсонской области,¹² которое считается некоторыми авторами основанием для обозначения всей группы этим именем. Погребения этой группы располагаются во всех

регионах восточноевропейской степи (рис.1). Выделяются следующие основные признаки погребального обряда: 1. Одиночные впускные погребения в кургане, чаще всего в курганах эпохи бронзы. 2. Ориентация скелета на северо-восток с отклонениями к северу и к востоку. 3. Наличие в погребениях остатков полного, чаще частичного (голова и ноги) скелета коня. Если первые два признака зафиксированы везде, третий не является обязательным. Надо отметить, что конские захоронения в степях нельзя оценивать безоговорочно как этнический признак. Присутствие коня является обязательным в погребальном обряде даже у таких этносов, у которых нет проблем этнической идентификации (например, у авар и древних венгров). Поэтому, есть основания утверждать, что у степных народов остатки коня в погребальном обряде нужно считать прежде всего как признак социального и имущественного положения погребенного и его рода.¹³

Итак, если впускные курганные погребения с северо-восточной ориентацией VI—VII вв. можно определять, с точки зрения этнической принадлежности, с большой вероятностью как болгарские, имеется надежная основа отыскать подобные памятники в предшествующем хронологическом периоде, т.е. в гуннское время, конец IV—V вв. Полное собрание и глубокое исследование памятников этого периода, сделанное И.П.Засецкой,¹⁴ дает возможность прямо перейти к сравнению погребений двух эпох. Трупоположения конца IV—V в. обособлены в группе II. На основании присутствия или отсутствия коня они образуют в классификации И.П.Засецкой две подгруппы, несмотря на конструкции погребального сооружения. Этот признак надо признать существенным, но не единственным возможным. Принимая его безоговорочно, надо игнорировать такой важной особенностью погребального обряда, какой является форма погребального памятника. Если взять из группы II курганные трупоположения и попробовать расчленить их на основании отношения погребения к курганной насыпи, обособляются две новые подгруппы: 1. Впускные курганные погребения. 2. Основные курганные погребения. В плане сравнения для нас важно отметить первую подгруппу, к которой относятся погребения Кубей, курган 8, погребение 2, Беляус, Совхоз Калинина, Марфовка, Ленинск, курган 3, погребение 12, Верхне Погромное, курган 4, погребение 3, Покровск, курган 36, погребение 2, Владимирское (рис.2). Как видно, они встречаются во всех регионах восточноевропейской степи, в тех же регионах, где зафиксированы такие же погребения VI—VII вв. (рис.1). Правда, число погребений более раннего периода намного меньше. Вполне совпадают основные признаки погребального обряда, так как и у погребений конца IV—V вв. их можно сформулировать так: 1. Впускные одиночные курганные погребения. 2. Ориентация на северо-восток-север (одно исключение — запад-северо-запад). 3. Присутствие иногда неполного скелета коня (череп и кости ног). Четко выделяется волжская региональная группа, характерной особенностью которой является

ступенька могильной ямы, где помещали кости коня. Та же особенность, кстати, является характерной в устройстве могильных ям волжских («авиловского типа»?¹⁵) погребений VI—VII вв. — Авилов,¹⁶ Бережновка 1, курган 111, погребение 1,¹⁷ Бородаевка,¹⁸ Иловатка¹⁹ (рис.3).

На основании совпадения характерных признаков погребального обряда впускные курганные погребения конца IV—V вв. можно определить предшествующими достоверно болгарским погребениям VI—VII вв. Трудно утверждать, что и в гунское время создатели этих памятников называли себя болгарами, хотя в начале V в. имя болгар уже известно западным хронистам как наименование народа, различного от гуннов.²⁰ Как известно, происхождение и самая ранняя история праболгар нельзя считать вопросом, вполне доказанным. В этой связи нам уже приходилось напоминать заметки некоторых русских и болгарских археологов о том, что, по-видимому, в состав праболгар включились остатки докуннского степного населения сармато-аланского происхождения, о чем свидетельствуют некоторые факты археологического и языкового характера.²¹ Сейчас к ним можно добавить обряд впускного курганского погребения, явившийся, как известно, характерным для всего степного населения с эпохи бронзы до гуннского вторжения в Восточную Европу. Можно думать, что та часть болгар, которая оставалась в степях на протяжении конца IV—VII вв., сохраняла обряд впускного курганного погребения, так как он в полной степени отвечал кочевническому образу жизни и местной традиции докуннской эпохи. Те части болгар, которые отходили к границам степи, смешивались с местным оседлым населением, меняли образ жизни и погребальный обряд. Так появились ранние оседлые памятники в Крыму типа Тай-Кипчака, кочевнические элементы Пеньковской культуры, памятники типа Верхнего Чирюта в Дагестане. Еще позже наступили новые трансформации и перемены, связанные с консолидацией болгар в трех государственных объединениях — Дунайской Болгарии, Хазарском каганате, Волжской Болгарии.

Исследование причин и механизма этих перемен составляет особую задачу.

Примечания:

¹ Последнее обозрение источников: Плетнева С.А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология, 1997, №1. — С.31 и след.

² Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. — С.122—123; Erdelyi I. Az avaszag es kelet a regeszeti forrasok tukreben. Budapest, 1982. — Р.22; Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. — Варна. — С.86.

³ Артамонов М.И. Этническата принадлежност и историческото значение на Пастирката култура // Археология, 1969, №3. — С.1—7; он же. Болгарские культуры Северного и западного Причерноморья // Доклады Географического общества СССР, 1970, вып.15. — С.26-28; он же. Славяне и болгары в Поднепровье // Berichte über den II. Internationalen Kongres für slawische Archäologie. Band I. — Berlin, 1970. — S.119-132.

- ⁴ Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Госэрмитажа, 1962. — С.66, 78.
- ⁵ Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. — С.10; он же. Основные этапы истории и археологии древних болгар в Среднем Поволжье и Приуралье // Ранние болгары в Восточной Европе. — Казань, 1989. — С.16—19.
- ⁶ Засецкая И.П. Гунны в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. — Саратов, 1986. — С.111; она же. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Л., 1986. — Т.27. — С.89.
- ⁷ Халиков А.Х. Към въпроса за археологическите извори на културата на пребългарите // Проблеми на културата, 1981, кн.4. — С.9—15; Генинг В.Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. — Казань, 1989. — С.8—10.
- ⁸ Генинг В.Ф. Указ. соч. — С.7.
- ⁹ Амбров А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА, 1971. — Кн.2. — С.96—123; кн.3. — С.106—134; он же. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М: Наука, 1981. — С.10—23; он же. Хронология древностей Северного Кавказа. — М., 1989; Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). — Спб, 1994; Balint CS. Archiaologie der Steppe. — Wien, 1992, S.13—146* idem. Kontakte zwischen Iran, byzanz und der Steppe // Awarenforschungen. Band I. — Wien, 1992. — S.389 sgg.
- ¹⁰ Werner J. Das Grabfund von Malaja Perescepina und Kubrat, Kadan der Bulgaren. — Munchen, 1984 (болгарский перевод: Вернер Й. Погребальная находка от Малая Перещепина и Кубрат — хан на българите. София, 1988).
- ¹¹ Орлов Р.С. Культура кочевников IV—VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н.э. — Киев, 1985. — С.98—105; Орлов Р.С., Смиленко А.Т. Погребения кочевников и клады эпохи раннего средневековья // Археология Украинской ССР. — Т.3. — Киев, 1986. — С.225—230; Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА, 1985, №3. — С.191—205; Семенов А.И. Раннесредневековая серебрянная пряжка из Чебургольского кургана на Кубани // СГЭ. — Т.XLVI. — 1982. — С.89—90; он же. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Учтепе // КСИА, №192, 1987. — С.59—66; он же. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник, 29, 1988. — С.97—111; Somogyi P. Tipologie, Chronologie und herkunft der Markenbeschläge. Zu den archäologischen Hinterlassenschaften osteuropäischen Reiterhirten aus pontischen Steppe im 6. Jahrhundert // archaeologia Austriaca 71, 1987, S.121—154; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — Киев, 1990. — С.18—21, 109—115.
- ¹² Кубышев А.И. Раскопки курганов в Присивашье // Археологические открытия 1980 г. М.: Наука, 1981. — С.270; Орлов Р.С. Указ.соч., табл.2, рис.18/1, 4—13, 15—19, 23; Gomogyi P. Op.cit., S.144, №24, Abb.3/1—4.
- ¹³ Балинт Ч. Погребения с конем у венгров в IX—X вв. // Проблемы

- археологии и древней истории угрев. — М., 1972. — С.181; *Баранов И.А.* Указ.соч. — С.115.
- ¹⁴ *Засецкая И.П.* Культура кочевников... — С.12—23.
- ¹⁵ *Круглов Е.В.* Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. — Пенза, 1990. — С.46—50.
- ¹⁶ *Синицын И.В.* Археологические памятники в низовьях реки Иловли / / Ученые записки СГУ, 39, 1954. — С.230—231; *Balint Cs.* Archäologie der Steppe. — S.42-43, Abb.18/2.
- ¹⁷ *Синицын И.В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // МИА СССР, №78, 1960. — С.106—107, рис.39/12, 14; *Амбroz А.К.* Восточноевропейские... — Рис.4а/8; 8/11.
- ¹⁸ *Синицын И.В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки СГУ, 17, 1947. — С.130—131; *Амбroz А.К.* Восточноевропейские... — С.13, рис.4а/43.
- ¹⁹ *Смирнов К.Ф.* Курганы у сел Иловатка и Полиотделское, Сталинградской области // МИА СССР, №60. — С.219—220, рис.7; *Амбroz А.К.* Восточноевропейские... — Рис.1/47, 6/35; 9/4, 9.
- ²⁰ *Бешевлиев В.* Първобългари. История. — София, 1984. — С.9.
- ²¹ *Рашев Р.* К вопросу о происхождении праболгар // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 1993. — Вып.III. — С.250—254.

Рис.1. Основные регионы распространения впускных погребений конца IV — VII веков.

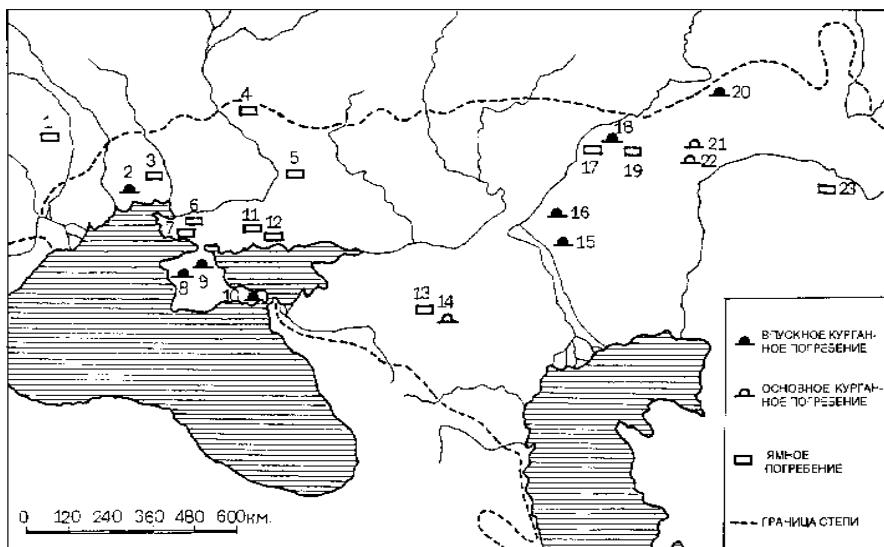

Рис.2. Трупоположения конца IV — V веков в восточноевропейской степи (по: Засецкая И.П. Культура кочевников..., карта). 1 — Конецки. 2 — Кубей 8/2. 3 — Антоновка. 4 — Старая Игрынь. 5 — Ново-Ивановка. 6 — Алешки. 7 — Хутор Саги. 8 — Беляус. 9 — Совхоз «Калинин». 10 — Марфовка. 11 — Мелитополь. 12 — Дмитриевка (Вольная вода). 13 — Зеленокумск. 14 — Здвиненское. 15 — Ленинск 3/12. 16 — Вехне Погромное 4/3. 17 — Березовка. 18 — Покровск 36/2. 19 — Совхоз Возход. 20 — Владимирское. 21 — Шипово 2. 22 — Шипово 3. 23 — Казыл Адыр.

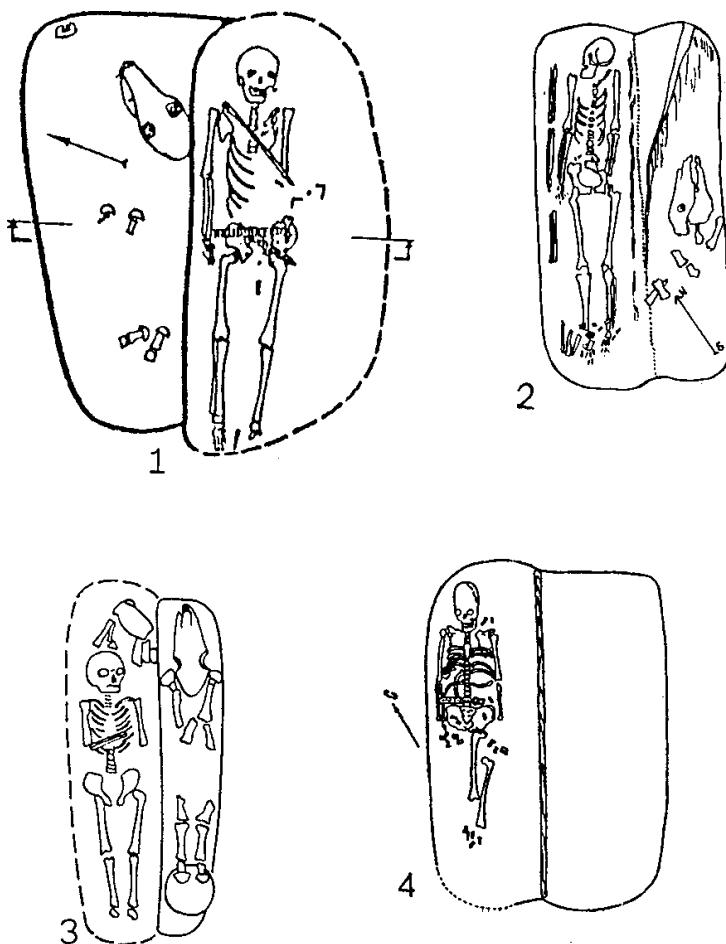

Рис.3. Впускные курганные погребения конца IV — V веков (1, 2) и VI—VII веков (3, 4). 1 — Кубей 8/2. 2 — Покровск 36/2. 3 — Бережновка 111/1. 4 — Иловатка.

Игорь Кызласов
Калям на Енисее
(Чернильная руническая надпись из Хакасии)

Через двадцать лет после того, как Ахмед ибн Фадлан, отправившийся из Багдада к волжским болгарам в составе посольства Сусана ар-Расси, вышел из Бухары в тюркские степи на север, из ворот этого города, ведущих на восток, вышел другой путешественник, также оставивший рассказ об увиденном в жанре «Записок» («Рисала»). Это был арабский поэт и ученый Абу Дулаф Мис'ар ибн Мухалхил, имевший прозвание ал-Йанбу'и ал-Хазраджи, т.е. происходивший из мединского племени хазрадж и бывший уроженцем портового города Йанбу на Красном море. Сделавшись придворным саманидского эмира Насра II Ахмада в Бухаре, он особенно прославился после того, как в 942 г. сопроводил возвращавшееся оттуда китайское посольство, а затем прошел дальше на юг в Индию. Путь в Срединное государство пролег через земли многих тюркоязычных народов: печенегов, огузов, карлуков, чигилей, кимаков, уйголов.¹ Затем странники «дошли до племени, называемого Хирхиз», т.е. Абу Дулаф побывал в пределах южносибирского Древнехакасского государства. Там «в безопасности и спокойствии» он пропутешествовал целый месяц.

В первой своей «Записке» Абу Дулаф привел много важных сведений о жизни и обычаях древних хакасов, нередко существенно дополнявших данные других источников. Свидетельства очевидца (первоначально вызывавшие недоверия востоковедов) были подтверждены изучением новых рукописей² и подробно проанализированы при написании обобщающих работ по средневековой истории Саяно-Алтайского нагорья.³ Однако материалы, получаемые при полевых изысканиях в Южной Сибири, заставляют вновь обратиться к ценным указаниям этого путешественника. Еще недавно у нас не имелось прямых подтверждений его словам, сказанным о религиозной жизни и письменной культуре Древнехакасского государства: «У них имеется храм для поклонения, есть тростниковые перья, которыми они пишут. Они обладают разумом и сообразительностью... Они знают стихотворную речь, что произносят во время своей молитвы...»⁴ Сегодня такие доказательства обнаружены и могут быть представлены. Древнехакасские города и храмы, в том числе, возможно, и тот, в котором некогда побывал Абу Дулаф, отысканы и раскопаны Л.Р.Кызласовым,⁵ ныне готовящим подробную их публикацию. В мою задачу входит введение в науку данных о применении на Енисее тростникового пера⁶ и о характере древнехакасской религии, содержащихся в выполненной калямом рунической надписи.

Время не пощадило местных средневековых рукописей, но в 1983 г. в Хакасии археологом Э.А.Севостьяновой и художником В.Ф.Капелько была сделана другая счастливая находка.⁷ На левом берегу р.Есь (левом притоке р. Абакан) в 3,5 км выше улуса Сафонова, на сланцевых выходах скалы Кек хая (хакасское Кцк хая — «Голубая скала») ими была обнаружена наскальная руническая надпись, нанесенная красной тушью или чернилами по гладкой корке

пустынного загара (рис.1). Благодаря полученным от исследователей сведениям (за которые я им сердечно признателен), надпись в 1985—1988 гг. неоднократно исследовалась мною и Л.Р.Кызласовым, а в 1994 г. с палеографическими целями была издана ее прорисовка.⁸

Текст расположен у восточной оконечности горы на нижнем ярусе обнажений, размещен на уровне груди и занимает небольшую отвесную плоскость камня (длиною 43 и высотою 12—15 см), обособленную естественными разломами. Выходы породы здесь обращены на юго-запад, покрыты пустынным загаром и яркими красновато-рыжими железистыми отложениями, поросли лишайником стенная золотянка. Темно-красный цвет рунических знаков соответствует фону и лишь в левой половине текста буквы хорошо различимы из-за более густой бурой окраски. К несчастью, правую часть надписи пытались уничтожить (поверхность здесь затерта, повреждена грубой точечной выбивкой и сколами), в результате чего с большим трудом, увлажняя камень, удается разглядеть некоторые руны или их отдельные части. Поскольку текст, как обычно, написан справа налево, то это обстоятельство не позволяет прочесть начало каждой из трех составляющих надпись строк. Так как все они, вероятно, начинались на одном уровне, самая короткая третья линия рун пострадала сильнее прочих и прочитана быть не может. Длина верхней, средней и нижней строк составляла, соответственно, 27, 33 и 15 см (рис.2). Высота букв устойчива и равна 1,8—2 см (в третьей строке до 1,5 см). И знаки и строки нанесены плотно. Просвет между буквами по большей части составляет 2—3 мм и лишь иногда достигает 5—8 мм. Ширина общей полосы письма составляет 7,5—7,7 см. Первые знаки верхней строки располагаются чуть выше остальных, начальные буквы среднего ряда выписаны мельче (1,2 см) и выше последующих. Считая словоразделительные отметки, в строке I различимы 17 знаков (было 19 или 20), во II — 25 (было 26), а в III — 11 рун (не подряд), было же, вероятно, 14.⁹

Транслитерация

	5	10	15
I. *ä(a)(?) (и нижняя точка словораздела?) n ² i(?)n ² :b ² i(?)*r ² r ² d ² min ² :b ² t ² n ²			
	5	10	15
II. *l ² ä(a):l ¹ (b ¹ ?) s ² z:b ¹ g ¹ i(i)g ¹ b ¹ u(o)zu(o)n ¹ :j ² k ¹ n <u>č</u> (nč)uq(oq)u(o)g	20	25	
	10		
III. i(?) r ² (?) i(?) :*** (?) s ² (??) r ¹ (t ² ?) a(ä):u(o) zü(i)			

Транскрипция

I. ...a(?)(:?) (e)nin(?) : bih(? ~ebi?) (e)r (e)rd(ä)min : b(i)t(i)n
II. ...lä : (a)l (e)s(i)z : b(a)g ¹ g ¹ : bu (a)zun : jek (i)n <u>č</u> (?) uqug
III. iri (?) : ...ra : ozü (~uzü)

Перевод

- I. ... по причине моей мужской добродетели (~ геройской доблести) будь написан
- II. ... этот земной мир (~ жизнь) — из разряда обмана и зла, демон

(?), покой (?) (и) разум (~ спокойное разумение)
 III. ... избавляясь (~ следуя за [этим]) (?)

Разбор

I, 1—2 (2a). Остаток первого знака явно представляет собою окончание вертикального ствола. Ему следует наклонная черта, внизу которой на скале неуверенно можно видеть короткий отводок налево (a?). Если принять это во внимание (как и то, что левее можно подозревать нижнюю точку словораздела — знак 2a), то руны 3—5 должны обозначать самостоятельное слово.

I, 3—9. В этой группе сомнения возникают в отношении отводка руны 4 (i), знака 8 (i) и особенно облика знака 9, где видится низ кружка (h?) или словоразделительное двоеточие. В этих условиях всякое прочтение представляется мне гадательным. Последующие знаки разбираются уверенно.

I, 10—15. Хорошо знакомое по енисейским эпитафиям словосочетание (имеющее окончание орудийного падежа =in, со значением причины), в котором ег исторически означает полноправного мужчину (в средневековье, можно думать, витязя). Обычно, вслед за В.В.Радловым и С.Е.Маловым, это выражение переводится как «геройская доблесть». В нашем случае, учитывая религиозное содержание текста, ясно выраженное во второй строке, для слова егдт, возможно, следует предпочесть значение «добродетель».¹⁰

I, 17—19. Этими знаками записано повелительное наклонение глагола biti= «писать», стоящего в пассивном залоге (=n=).¹¹

II, 1—3. Повреждение первой буквы не позволяет мне предложить прочтение двух последующих вполне ясных знаков.

II, 5. Прочтение al «обман, уловка, ухищрение»¹² основано на контексте и орфографической особенности: это и последующее слово (руны 6—7) выделены разделительными отметками (знаки 4 и 8) в качестве общей смысловой группы.

II, 6—7. Слово esiz «скверный, злой; зло»¹³ уже встречалось в одной из енисейских наскальных надписей (Е 24/10) в качестве определения к религиозному понятию «раб (божий)».¹⁴

II, 9—13. Насколько известно, слово baſīg «связанный с чем-либо; относящийся к отделу (и т.п.)» впервые встречается в рунической надписи и до сих пор было представлено среди характерных буддийских понятий в сочинениях уйгурского письма.¹⁵

II, 15—19. Этими знаками записано bu azun — характерное для религиозных сочинений устойчивое сочетание слов, имеющее смысл «этот мир, жизнь земная (в противоположность неземной)». Существительное является заимствованием из согдийского¹⁶ и в несколько иной фонетической форме (a)šun уже было встречено в древнехакасской эпитафии из урочища Тугутюп (Е 120).¹⁷ Различные звуковые виды этого слова, следует думать, могут отражать в енисейском письменном языке пришлую и местную форму произношения.

II, 21—23. Наиболее вероятно, что двумя первыми знаками обособленной словоразделом группы 21—26 написано заимствованное из среднеперсидского языка слово jek «демон», впервые встречаемое в

руническом памятнике, но широко употребляемое не только в буддийских или мусульманских сочинениях раннего средневековья, но и, что наиболее важно сейчас, в манихейских гимнах и молитвах (как собственно манихейского, так и уйгурского письма).¹⁸ Слово сохранилось в современном хакасском языке в форме чек со значением «мерзкий, гадкий, противный; ненавистный».¹⁹

II, 23. Звуковое определение руны требует внимания. Во-первых, это может быть довольно редкий знак, обычно транслитерируемый как ꙗ или пj. Судя по орхонским камнеписным и рукописным текстам, он стоял лишь в конце твердорядного слога.²⁰ Среди знаков для твердых находим эту букву и в некоторых енисейских, к сожалению, не всегда надежно читаемых текстах (Е 5, Е 41, Е 48). Соблюдая эти орфографические условия в нашем случае, прочтения получить не удается. Однако можно указать енисейские надписи, в которых знак такого облика передает пč в словах с мягкими гласными (Е 42, 1; Е 45, 9 (дважды); Е 68/1, 1²¹; Хэнтейская). Эта возможность понимания знака позволяет прочесть руну 23 как enč~inč «покой; спокойный; спокойно».²²

II, 24—26. Прочтение никаких сомнений не вызывает — здесь написано слово iquq «разум, разумение». Оно впервые встретилось в рунической надписи. «Древнетюркский» словарь указывает примеры из произведений XI в. арабского письма.²³

Синтаксическая и смысловая связь слов, получаемых при прочтении знаков 21—26 как некоего перечня, остается мне не ясна. И хотя очевидно, что строка II не имела в конце глагола, т.е. здесь мысль не была завершена, следует думать, что разработка прочтения рун 21—23 (вероятно, из-за сложности понимания знака 23) не окончательна.

III, 12—14. Эти знаки определенно заканчивают строку и, хотя деепричастие не бывает в тюркском предложении завершающим, иначе объяснить их мне не удается.

Орфография

Надпись отличается от норм классического рунического правописания частым обозначением i в закрытом слоге (I, 4, 14; II, 12). Несмотря на два имеющихся исключения — b(i)t(i)n (I, 17—19) и (e)s(i)z (II, 6—7), — отмеченное своеобразие вполне подпадает под признаки особой книжной орфографии, отличающей рунические тексты манихейского содержания.²⁴

Палеография

Надпись выполнена енисейской письменностью. Об этом яснее всего говорит характерная форма букв b² (I, 7, 17), а также облик t (I, 13) и n² (I, 3, 5, 15, 19). В прямом и размеренном шрифте надписи лишь в знаке цq (II, 24) явно простило характерное для рукописей начертание. Именно так — с прямой перекладиной вместо угла — данная буква выведена в четвертой строке (знак 5) IV манускрипта из Дуньхуана (ThS IV).²⁵ В той же манере этот знак начертан черной тушью (и кистью) в слове qut «благо, благополучие» на стене пещеры Тогус ас на р. Черный Июс в Хакасии.²⁶ К сожалению, из-за неразработанности енисейской палео-

графии облик знаков надписи на скале Кек хае не может помочь в определении времени ее создания. Наиболее вероятно, что, как и большинство енисейских надписей, она относится к IX—X вв.

Равные по высоте знаки, твердость линий, одинаковая их ширина — все указывает на выработанность почерка писавшего. Округлые окончания штрихов выявляют письмо полой трубочкой, калямом. Представить себе форму тростникового пера, оставляющего такие следы, вполне возможно, если обратиться к культурам, сохранившим каллиграфические руководства. Понятно, что для этого нужно отвлечься от связи знаков на письме, сосредоточив внимание на форме самих линий. Среди шести классических профессиональных почерков мусульманского мира интересующие нас палеографические признаки обнаруживает, например, почерк тауки', распространенный в средневековом Иране. Курсивный, круглый, образованный линиями одинаковой полноты (без толстых и тонких элементов букв), тауки' был наиболее экономным и скорописным почерком, применявшимся секретарями при работе на слух. Равная толщина линий достигалась способом очинки каляма, кончик которого обрезался округлым, толстым и длинным. Лишь меньшими размерами букв и более тонкими начертаниями отличался вариант тауки' — рика' (в этом случае кончик пера при окружном обрезе делался короче и тоньше). Этот почерк расценивался как более интимный, подходящий для личных писем частного содержания.²⁷ Изданые персидские рукописные образцы позволяют, пожалуй, считать, что калям, примененный в надписи на Кек хае, был заточен, так сказать, способом тауки'.

Приведенные сопоставления технического плана следует распространить и на общественную, историко-культурную сферу. Поскольку специальный способ очинки пера был средством получения нужного почерка, становится очевидной и близость потребностей создателей точно регламентированного тауки' с одной стороны и неведомого до сего дня рунического стиля с другой: экономность, скорописность, стилистическая ясность. Обязанности древнехакасского писца с р.Есь сопоставимы с должностными нуждами секретаря средневекового персидского вельможи. Сравнивая нашу надпись с руническими рукописями, найденными в Восточном Туркестане и изданными А. фон Лекоком, В.Томсоном, В.В.Радловым и другими исследователями, легко обнаруживаем бытую распространенность нескольких рунических почерков, связанных с различной формой острица каляма.

Красными чернилами или тушью не писали постоянно, ими в религиозных текстах выделяли начальные строки или слова, вызывавшие у писца особое почтение.²⁸ И хотя известные орхонские рукописи выполнены только черным цветом, применение на руническом письме красных чернил проистекает из существования красных наскальных надписей в Монголии (Хойто-Тамир). Выбор цвета в этом случае нельзя объяснить, поскольку памятник изучен недостаточно: плохие копии не позволяют прочесть красные строки. Однако само применение красного цвета весьма примечательно. Текст на Кек хае, несомненно, имел религиозное содержание, но одного этого, вероятно, недостаточно для объяснения, поскольку упоминавшиеся

енисейские надписи пещеры Тогус ас, нанесенные черной тушью и кисточкой, также не были светскими. Быть может, создатель изучаемого текста стремился к тому, чтобы его строки соответствовали естественной окраске скал и слились с почитаемой горою?

Как бы там ни было, наш памятник указывает на то, что писчий прибор его автора включал чернила двух цветов — красного и черного (поскольку без последнего обойтись было невозможно). Следовательно, в Древнекакасском государстве также создавались двухцветные рукописи. По енисейским эпиграфическим материалам мы знаем, что начало, а то и вся первая строка текста иногда состоит из знаков, значительно крупнее прочих (Е 6, Е 14, Е 17, Е 34, Е 42, Е 43, Е 84, Е 92, Е 104 и др.). Можно думать, что эта манера восходит к торжественной рукописной традиции выделения зачина крупными красными буквами.

Для создания наскальной надписи нужен был переносной писчий прибор. В него, кроме тростниковых перьев, должны были входить, как минимум, две чернильницы (с красными и черными чернилами) и перочинный нож. Привезенная из Китая белая фарфоровая чернильница, украшенная в верхней части зеленовато-коричневой поливой с темно-коричневыми черточками (рис. 3, 1), найдена в одном из древнекакасских захоронений IX—X вв. в Туве (Уюк-Тарлык, курган 56).²⁹ По размерам (высота 3,2 см, диаметр 5,2 см) она сходна с известными настольными сосудами для чернил,³⁰ но в отличие от них имеет форму уплощенного сверху и снизу шара (с отверстием в 2,1 см), а ее венчик не отогнут наружу, а загнут внутрь. Таким образом, сосудик имеет весьма характерную специализированную форму, препятствующую расплескиванию жидкости при переносе. Для очинки каляма предназначался, очевидно, исключительно маленький ножичек (с лезвием, длиною лишь в 1,5 см — рис. 3, 2), обнаруженный в древнекакасском погребении середины XI — начала XII вв. из Хакасии (Самохвал II, курган 11).³¹ Миниатюрные древнекакасские ножи (с лезвием в 3-5 см) — довольно обычная находка.³²

Историко-культурные выводы

Среди енисейских надписей, вырезанных или выбитых на скалах, камнях и металлических предметах, довольно много таких, чьи буквы образованы мягкими, плавно изогнутыми чертами. Эти данные явно свидетельствуют, что в древнекакасском обществе, как и в каждой другой средневековой стране, обычным было письмо чернилами или тушью по мягким писчим материалам, а камнеписная традиция принадлежала только к особым случаям обрядовой жизни.³³ Однако надпись на скале Кек хая — первый известный енисейский текст, написанный калямом. Как мы видели, подтверждая одну часть сообщения Абу Дулафа («есть тростниковые перья, которыми они пишут»), он позволяет выяснить многие конкретные особенности и писчих инструментов, и письменной практики, существовавшей на Енисее в дни пребывания там арабского путешественника. Но в этой же надписи — уже не в ее облике, а в ее содержании — мы встречаем подтверждение и других фактов, указанных странству-

ющим ученым: «У них имеется храм для поклонения ... Они обладают разумом и сообразительностью ... Они знают стихотворную речь, что произносят во время своей молитвы...».

Строки Кёк хай содержат высказывания, характерные для манихейства — одной из мировых религий раннего средневековья, для которой были присущи и храмы, и сложные философские поиски и поэтически составленные гимны. Основой этого учения была вера в Истину, существующую от начала мира, и в путь к спасению, ведущий сквозь противоборство двух вселенских начал: Добра (Света) и Зла (Тьмы).³⁴ В этих представлениях темная земля связывалась с образом царя Зла, в служении у которого пребывали мириады демонов, а Ум, Знание, Рассудок, Мысль, Осмотрительность сопутствовали божеству Добра. Все это, как мы видели, отражено в понятиях, содержащихся в наскальном тексте.

Пришедшее из сасанидского Ирана манихейство несло с собою каноническую литературу и в Южной Сибири поначалу распространялось согдийскими миссионерами. Отсюда в древнехакасской надписи согдийские и среднеперсидские языковые заимствования azun и jek. Однако изучаемый письменный памятник создал человек, уже знакомый с изложениями книг и проповедей Мани по-туркски, как, вероятно, и с оригинальными религиозными произведениями, созданными на тюркском языке. Их проявляют проникшие в наскальный текст характерные слова al, esiz, baſig и устойчивое словосочетание bu azun. Возвеличивающую разум манихейскую доктрину отличало стремление к постижению окружающего мира и к самопознанию человека (ради укрепления Света и уничтожения Тьмы). В реальности это вызвало активное распространение грамотности среди тюркоязычного населения Саяно-Алтая (для чего манихейцы восприняли и преподавали руническую письменность), традицию овладения книжной премудростью. Авторитет письменной культуры в обществе был очень высок. Неслучайно под большинством енисейских наскальных надписей стоят подписи с громкими титулами — знать считала образованность своим высоким достоинством.³⁵ Отражение таких представлений встречаем и в первой строке на скале Кек хая, где автор ставит письмо в ряд мужских доблестей (ег ergdm).

Изучаемая надпись — крайний юго-западный рунический памятник, ныне известный в Хакасско-Минусинской котловине. Скала Кек хая стоит на границе таежных зарослей Абаканского хребта, соединяющего Западный Саян и Кузнецкий Алатау. Другая, пока еще не разобранная надпись обнаружена на камне кургана в низовьях р. Есы. Эти данные свидетельствуют о повсеместном проникновении письменности в среду раннесредневековых обитателей бассейна Среднего Енисея.

Мы едва ли узнаем, чем занимался профессиональный писец и манихейский грамотей в межгорной долине Еси, но причины его писания на скале в общих чертах понятны. Енисейские надписи, нанесенные на утесы, выявляют особое почитание гор, присущее тюркоязычному населению Саяно-Алтая. В ряде текстов горы не только называются священными (*iduq tag*), но и прямо именуются божествами (*tähri*). Принадлежа вечности, эпохе сотворения мира, скалы (*behkü qaja*) служили местом общения верующего с высшим

божеством.³⁶ Судя по расположению на скалах надписей манихейского содержания, новая сибирская религия восприняла эту черту от предшествующего мировоззрения и культа. На это указывают надписи, прямо обращенные к божеству: t(ä)hr(i)m čök bizkä «Бог мой, снизойди до нас» (Е 36/2), ... t(ä)hr(i)m čök j(e)rk(?)[ä] «...Бог мой, снизойди на землю» (Е 116).³⁷ Еще более явный характер носит краткий текст новообращенного манихея на алтайской скале Ялбак-Таш (надпись V)³⁸ (рис.4): t(e)g(g)(ä)n (a)t(a)m (e)n(i)h «Обретенный мой Отец, снизойдите (до меня)».

Проблема взаимоотношения доманихейских и манихейских воззрений в Древнехакасском государстве, поднимаемая публикуемой надписью Кек хая, не ограничивается этим. Греховность, по пришлой доктрине отличающая земной мир (azun), уживалась со священным трепетом перед Темной землею (jaſz jeg), свойственным исконной вере. Наскальные надписи содержат недвусмысленные подтверждения этого: j(a)g(i)z (j)(e)g (i)d²uz (j)(e)r(i)m (a)tanigta «Бурая земля — та, что должна называться Священной моей Землею» (Ялбак-Таш IV, рис.5)³⁹; j(e)g b(e)hgü (e)rm(i)š... «Земля, вечно бывшая...» (начало надписи Ялбак-Таш I); id²(i)k (или id²uz? надо бы id'i(~u)q) j(e)r(i)m-ä b(e)hgü (надо бы b(e)hgü) b(o)l(u)h «О моя Священная Земля, будьте вечной» (Шалаболинская писаница в Хакасско-Минусинской котловине, Е 36/3).⁴⁰ Из большой надписи в часть Кюль-тегина (732 г., строка 1) мы понимаем, что это отношение к земле восходит к древним общетюркским представлениям об устройстве мира: üzä kök t(ä)hr(i) (a)sra j(a)g(i)z j(e)r qil(i)ntuqda (e)kin (a)ra kiši oğ' qil(i)nm(i)š «Когда возникли наверху голубое небо и внизу бурая земля, между (ними) обоими появились сыны человеческие».

Хотя некоторые енисейские наскальные строки отражают манихейские представления о присущей земле скверне — j(e)rd(ä)qii (надо бы j(e)rd(ä)ki) (i)g (i)t(i)r b(e)hkü j(e)rd(ä)ki (a)h(a)g «(Если) на земле находящиеся болезни исчезнут, на вечной земле находящиеся (существа) придут в замешательство (~ удивятся)» (Ялбак-Таш XXII, рис.6)⁴¹ — приведенный материал в целом убеждает, что в устах южносибирских приверженцев Отца Света произошло терминологическое размежевание: исконные слова jaſz jeg (или просто jeg) так и остались связаны с чистой частью земного, греховность же этого мира обозначалось чужим термином azun. Подтверждение сказанному находим в упоминавшейся эпитафийной надписи из урочища Тугутюп (Е 120). Как и другие подобные памятники, она по сути и стилистике текста восходит к языческому древнехакасскому обычью прославления умершего величественными словами специально слагаемого поэтического плача. С приходом манихейской грамотности обряд получил письменное воплощение, не расставшись с вертикально поставленными необработанными камнями, издревле символизировавшими мертвых. Религиозная принадлежность автора надписи Е 120 и посмертно прославляемого ею аристократа отразилась не только в заимствованном слове azun (в форме ašun), но, как мы теперь понимаем, в совмещении двух понятий, языческого и манихейского, в своего рода двоеверии. Фразу западной

стороны стелы ... : j(e)r(i)m-ä: (a)šun(i)m-a: bökm(ä)d(i)m: ... (знаки 6—23 на рис. 7, 1) следует понимать так: «о моей (священной) землею, о моей (греховной) земной жизнью я не насладился».

В Южной Сибири манихейство распространялось на родном языке местных жителей. На славянском примере мы знаем, что в таком случае для освященных новой религией понятий применяются старые, языческие слова, а для отвергаемых — термины чужой речи (ср. церковнославянское *бог* и *рай*, восходящие к индоевропейскому, но *сатана* и *ад* — к греческому; в противоположность этому в католичестве, проповедовавшем на латыни, священная языческая лексика оказалась низведенной).⁴² Как видим, положение в целом подобное тому, которое сложилось на Руси с принятием христианства, возникло и в Древнехакасском государстве. Другое важнейшее сходство двух стран, вызванное привнесением мировой религии на национальном языке, состоит во взлете грамотности и письменности, наблюдавшемся в Южной Сибири с момента официального признания манихейства в 60-х годах VIII в.

Абу Дулаф Мис'ар ибн Мухалхил ал-Йанбу'и ал-Хазраджи приобрел славу великого путешественника, «рассказывая, что он наблюдал и видел в стране тюрков» в своих писаниях. Через два с половиной столетия «прочитал о том ... в старой книге» Йакут ал-Хамави и сохранил для нас записи ученого предшественника.⁴³ В эпоху Абу Дулафа безымянный древнехакасский автор прикоснулся калямом к гладкой поверхности приречной скалы и тысячелетие спустя его начертания поведали нам о том, чего не отметил арабский странник. Истина древних писцов оказалась точна: письмо побеждает время. Сотни строк южно-сибирских грамотеев раннего средневековья, нанесенные на седые камни и горы, давно стали частью родной природы. Мудрость предков поныне окружает нас, дожидаясь своего часа.

Примечания:

¹ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избранные сочинения, т. IV. М.-Л., 1957, с.184—186, 188; Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-X вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с.15, 16; Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. Ташкент, 1988, с.79 сл.

² Крачковский И.Ю. Указ соч., с.186, 188; Кумеков Б.Е. Указ. соч., с.16.

³ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с.89, 116, 120, 122, 127, 128.

⁴ Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв., с.82.

⁵ Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1980, с.50; он же. Тюхтятская культура древних хакасов (IX—X вв.) // Там же, с.57; он же. История Южной Сибири в средние века. М., 1984, с.143, 144; он же. Население и культура // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993, с.106—108, 112.

⁶ Следует отметить, что при описании «страны тюрков» применение калама отмечено Абу Дулафом еще только у соседних прииртышских кимаков: «Есть там и тростниковые перья, которыми они пишут, но нет у них ни царя, ни храма для поклонения» (Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв., с.81).

⁷ Севостьянова Э.А. Работы в Хакасии // Археологические открытия

- 1983 года. М., 1985, с.240; *Капелько В.Ф., Севостянова Э.А.* Разведка в подтаежной Хакасии // Проблемы изучения Сибири в научной работе музеев. Тезисы докладов. Красноярск, 1989, с.156.
- ⁸ *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с.149, рис.14.
- ⁹ В транслитерации звездочкой * заменена несохранившаяся руническая буква, подчеркнутая пара букв соответствует одному знаку оригинала. В статье памятники енисейского письма обозначаются сокращенно: Е, порядковый номер по сводным работам, номер строки.
- ¹⁰ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с.176.
- ¹¹ Там же, с.104, 659.
- ¹² Там же, с.31, 32.
- ¹³ Там же, с.183.
- ¹⁴ *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV в.) // РА, 1994, №1, с.41.
- ¹⁵ Древнетюркский словарь, с.78; *Тугушева Л.Ю.* Уйгурская версия биографии Сюань-цзяна. М., 1991, с.318.
- ¹⁶ Древнетюркский словарь, с.73, 119.
- ¹⁷ *Кызласов И.Л.* Тугутюпская стела с древнекакасской эпитафией // Советская тюркология, 1979, №5, с.95. Попытка пересмотреть прочтение этого слова в надгробном тексте (*Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997, с.130—132, знак 26) при всем внешнем правдоподобии основана на абсолютизации похожей на штрих отдельно стоящей помехи, длиною 6,5 мм (см. далее рис.7, 1). В надписи, действительно, при начертании букв иногда допускаются прерывы линий, но они всюду бывают в местах соединения стволов и отводков, двух отводков, стволов и дуг (т.е. только при написании углов) — ни сами стволы, ни сами дуги не имеют ничего подобного. Весьма существенно также, что обсуждаемые разрывы нигде не превышают 2—3 мм, в то время как в нашем случае просвет составляет целых 9 мм. Характерно, что абсолютизация прерыва присуща И.В.Кормушину и при анализе знака b2 на восточной стороне стелы, совершенно неоправданно сопоставленного с характерным знаком таласской палочки (Указ.соч., с.130, знак 26), поскольку там наблюдается не случайный (индивидуальный) краткий разрыв угла, а систематически выписываемые два отводка от вершины широко разведенного косого креста.
- ¹⁸ Древнетюркский словарь, с.253.
- ¹⁹ *Ахметьянов Р.Г.* К методике сравнительного изучения тюркских языков // Лексикология и словообразование хакасского языка. Абакан, 1987, с.153; Хакасско-русский словарь. М., 1953, с.315.
- ²⁰ *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-тегина // ЗВОРАО, т.XII, вып.II-III, 1899, с.33; *Thomsen V. Dr. M.A.Stein's Manuscripts in Turkish «Runic» Script from Miran and Tun-huang* // Journal of the Royal Asiatic Society. London, 1912. January, p.220, 223, 225, 226; *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959, с.90, 95, 98, 104.
- ²¹ Прочтение и точную прорисовку памятника см.: *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА, 1998, №2, рис.4.
- ²² Древнетюркский словарь, с.173, 210.
- ²³ Там же, с.613.
- ²⁴ *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Указ. соч., с.46-48.
- ²⁵ *Thomsen V.* Op. cit., pl. III, b.
- ²⁶ *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей, рис.13, 2.
- ²⁷ *Акимушкин А.Ф.* Персидская рукописная книга // Рукописная книга в

- культуре народов Востока. Очерки. Книга первая. М., 1987, с.345, 346, рис.40, 48.
- ²⁸ Габен А. фон. Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. М., 1986, с.161.
- ²⁹ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века, с.99, табл.III, 8; он же. Курганы тюхтятской культуры в Туве. По материалам раскопок 1915—1929 гг. // СА, 1983, №3, с.153, 165, рис.1, 3.
- ³⁰ Ср., например: Ставиский Б.Я. Самарканские чернильные приборы IX—X вв. в собрании Эрмитажа // СА, 1960, №1.
- ³¹ Кызласов И.Л. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980, рис.12, 11; он же. Аскизская культура Южной Сибири. X—XIV вв. // САИ, вып. Е3-18, с.39, табл.XVIII, 11.
- ³² Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века, с.105. Минусинский музей, инв. №245, 271, 281, 284, 288, 290, 294, 333, 347, 348, 365, 366, 368, 369, 8272.
- ³³ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей, с.146—151.
- ³⁴ О манихействе и его восточной разновидности см.: Смагина Е.Б. Манихейство // Религии Древнего Востока. М., 1995; Топоров В.Н. Мани // Миры народов мира. Т.II. М., 1981; Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С открытием манихейских памятников Южной Сибири пришло время выделять и особую северную ветвь этой религии: Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. История, 1998, №3.
- ³⁵ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей, с.191—197.
- ³⁶ Там же, с.186-195, 199.
- ³⁷ Там же, с.188.
- ³⁸ Публикации предшественников представляют эту надпись неточно и прежние прочтения не отвечают реальности (Наделяев В.М. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Известия СО АН СССР, серия общественных наук, 1981, №11, вып.3, с.77, 78; он же. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984; Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du Sud 3: Kalbak-Tash I // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, fasc. 3 (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T.V, 3). Paris, 1996, section IV, fig.309). Оригинал изучался мною в 1994 г.
- ³⁹ Предшественники (см. примечание 37) считали надпись за две (№6 и 4) и ошибались в восприятии некоторых рунических знаков. При изучении подлинника удалось уточнить и начало строки Ялбак-Таш I, приводимое мною далее.
- ⁴⁰ Представленное прочтение этой необычной по орфографии надписи расходится с прежними, см.: Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М., 1952, с.66; Кляшторный С.Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири. Наскальные надписи Тепсея и Турана // Советская тюркология, 1976, №1, с.69.
- ⁴¹ Такова одна из строк на новой плоскости скалы, открытой В.Д.Кубаревым и изученной мною на месте, благодаря его доброжелательности. В публикации (Kubarev V.D., Jacobson E. Op. cit., section VI, fig.384 — над крупом большого оленя) она представлена в неточной копии.
- ⁴² Этую мысль я встретил в одной из недавних статей В.Н.Топорова, которую теперь не удалось отыскать для точной отсылки. См. также: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996, т.І, с.61, 181, 182; т.ІІІ, с.435, 436, 565.
- ⁴³ Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв., с.79.

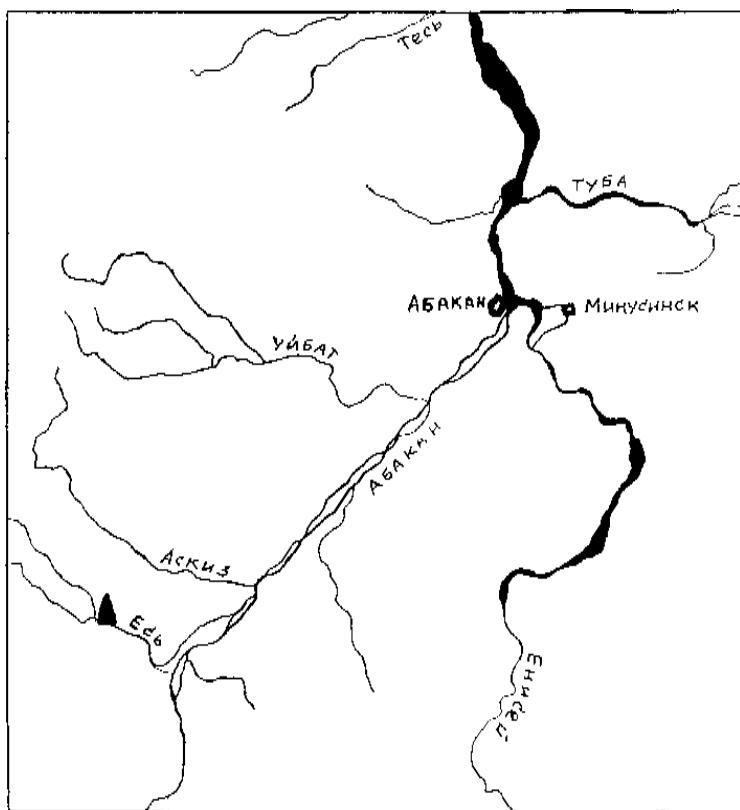

Рис.1. Местонахождение скалы Кёк хая. В 1 см 10 км.

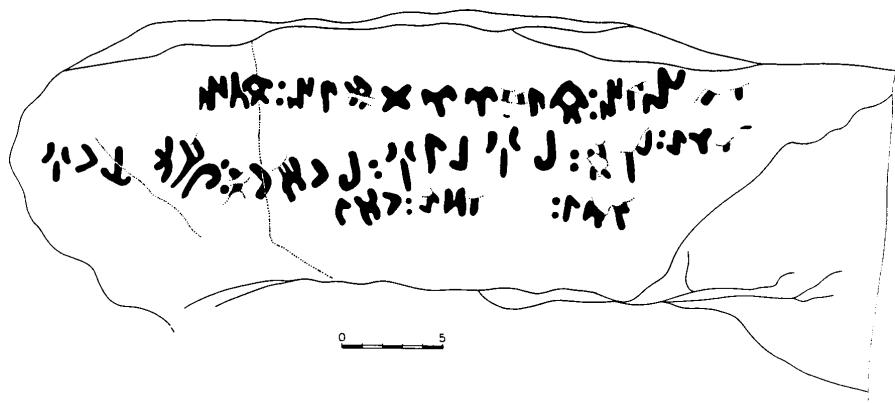

Рис.2. Надпись на скале Кёк хая. Прорисовка автора.

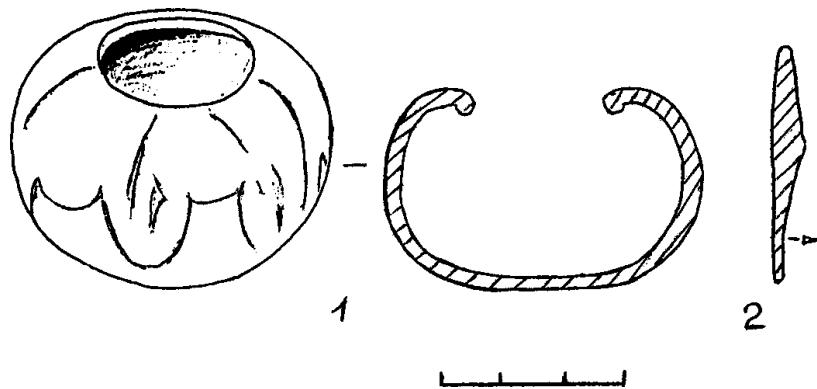

Рис.3. Фарфоровая чернильница (1) и стальной перочинный ножик (2), найденные в древнекакасских курганах.

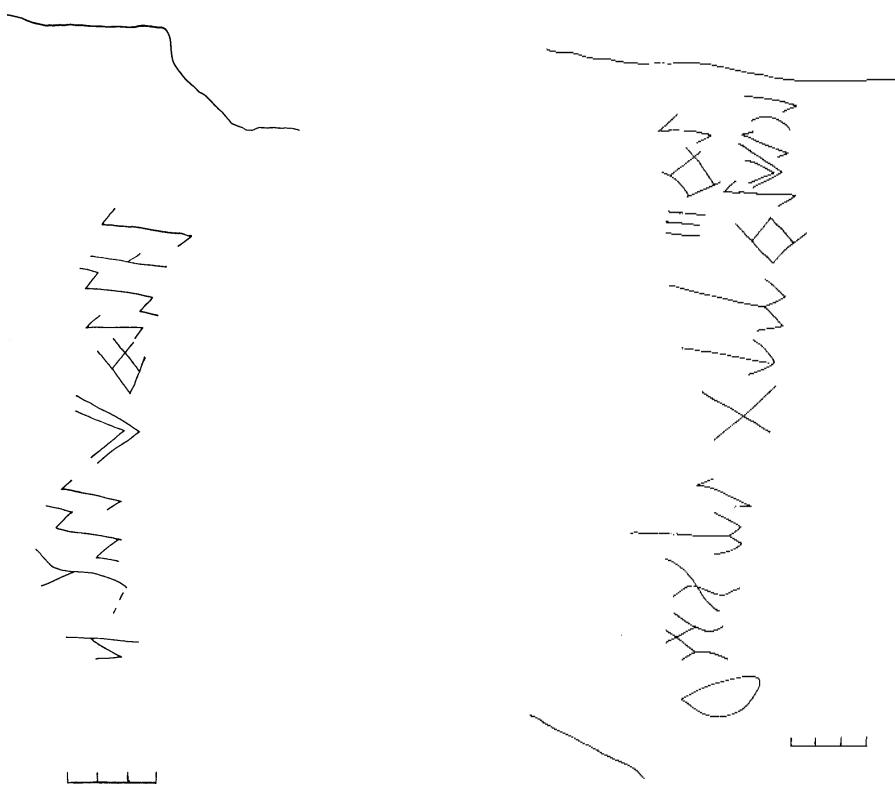

Рис.4. Наскальная надпись Ял-бак-Таш V. Прорисовка автора.

Рис.5. Наскальная надпись Ял-бак-Таш IV. Прорисовка автора.

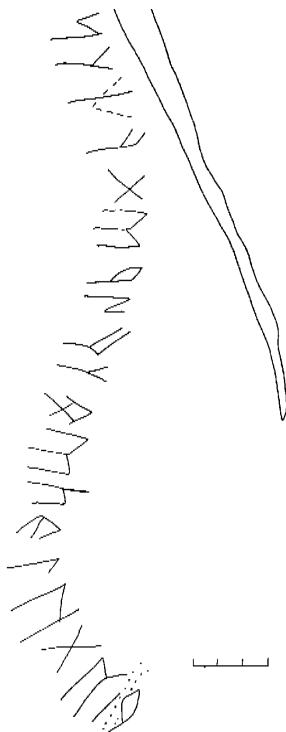

Рис.6. Наскальная надпись Ялбак-Таш XXII. Прорисовка автора.

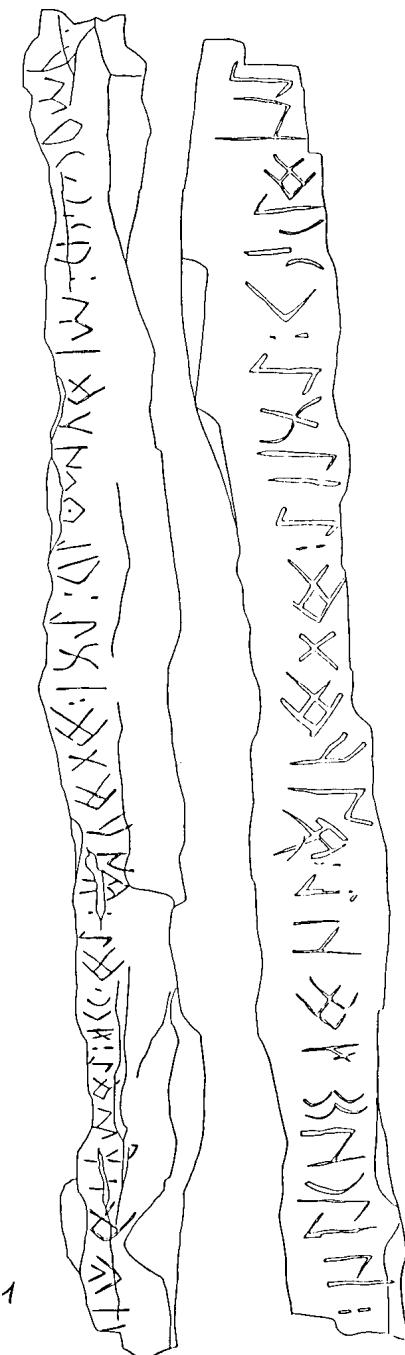

Рис.7. Надписи на западной (1) и восточной (2) сторонах сохранившейся части стелы из урочища Тугутюп (Е 120). Прорисовка автора.

Леонард Недашковский, Алексей Ракушин
Бронзовые зеркала второй половины X — XIV в. из музеев Саратовской области.

Средневековые металлические зеркала, описываемые в данной статье, происходят преимущественно из кочевнических захоронений Саратовской области и смежных с ней территорий. Хранятся они сейчас в Саратовском, Пугачевском, Хвалынском и Энгельсском краеведческих музеях. Поскольку бронзовым зеркалам с Увекского городища была посвящена специальная работа,¹ они не будут описываться в данной статье. Типология изделий дается по классификации увекских зеркал, с добавлением многих новых типов. Типы зеркал, встреченные как на Увекском городище, так и на других памятниках, помечены звездочкой.

Отдел А. С узким высоким бортиком (рис.3, 1—4, 7—8, 10; рис.4, 1—2).

Тип 2* (2 экз.). С цветочным орнаментом в виде распустившихся бутона, «вырастающих» поочередно от края и от центра зеркала, который занимает 6-лепестковая розетка в виде правильного 6-угольника с вогнутыми гранями; один из предметов имеет в центре держатель в виде скобки (рис.3, 8). Диаметр изделий 7,7—7,8 см; оба они были найдены в курганах у с. Зауморье (к.1, п.1; к.14, п.1) и уже опубликованы ранее.² Сейчас стоит лишь отметить, что погребения с этими зеркалами довольно четко датируются: в указанных курганах были найдены монеты довольно узкого хронологического диапазона — ханов Узбека и Джанибека — что позволяет уверенно определить время захоронений 40-ми — началом 60-х гг. XIV в. Этот тип бытовал в Поволжье в золотоордынский период,³ особенно много таких зеркал найдено на Болгарском городище,⁴ по одному экземпляру происходит из окрестностей села Билярск,⁵ со Старокуйбышевского городища и с селища Дамба I, датируемого монетами 40—60-х гг. XIV в., в Алексеевском районе Татарстана,⁶ место находки еще одного фрагмента из Казанского музея не ясно. Помимо Поволжья находки таких зеркал известны на Северном Кавказе,⁷ в Подонье,⁸ в курганах Южного Урала⁹ и в слоях Оттара XIII—XIV вв.¹⁰ По мнению Г.А.Федорова-Давыдова, этот тип является самым многочисленным типом золотоордынских зеркал.¹¹

Тип 3* (1 экз.). Зеркало (2 фр.) со схематичным изображением по окружности 4-х сидящих человеческих фигур (божеств), разделенных 4-мя драконами; диаметр 7,8 см (рис.3, 3). Аналогичные изделия были широко распространены на памятниках золотоордынского времени от Средней Вятки до Северного Кавказа и от Поднепровья до Западного Казахстана,¹² причем они были найдены и в двух погребениях с монетами середины XIV — начала XV в.¹³

Тип 5* (1 экз.). Зеркало диаметром 8,1 см с двумя окружностями в центре, поле занимает сложная плетенка, в которую включены изображения голов различных животных и головы человека в

короне. Такое же изображение коронованной головы известно на ближневосточных зеркалах, датируемых XIII в.¹⁴ близкое имеется на фрагменте штукатурки с Селилренного городища.¹⁵ Внутренняя поверхность бортика украшена пояском из выпуклых «жемчужин» и слегка выпуклой концентрической окружностью (рис.3, 10). Этот тип был широко распространен в степях Восточной Европы от Волго-Камья до Кавказа.¹⁶ К сводке этих зеркал, составленной М.Г.Крамаровским,¹⁷ стоит лишь добавить, что они хорошо представлены в материалах с Болгарского городища — 30 экз.,¹⁸ 2 экземпляра есть в коллекции Волгоградского музея¹⁹ и по одному изделию хранится в СОМК²⁰ и ЭКМ,²¹ один экземпляр найден в Калмыкии,²² а еще один происходит из окрестностей Билярска.²³ По М.Г.Крамаровскому, тип датируется 2-ой половиной XIII — началом XIV в.²⁴; однако в могильнике Бахтияровка II (курган 46, погребение 1) зеркало данного типа²⁵ было найдено вместе с гюлистанским дирхемом Бирдебека 759 г.х. (1357—58 гг.), что заставляет нас относить прекращение изготовления и использования таких изделий ко времени не ранее начала второй половины XIV в.

Тип 6* (1 экз.). Изделие с выпуклой концентрической окружностью в центре, поле заполнено ячеистым орнаментом (рис.4, 1); диаметр 6,8 см. Близкие аналогии этому типу найдены в Волжской Булгарии,²⁶ Нижнем Поволжье,²⁷ Калмыкии²⁸ и Средней Азии.²⁹

Тип 10 (1 экз.). Зеркало без орнамента с невысоким концентрическим валиком (рис.3, 1); диаметр 7 см. Известны аналогии в древностях восточноевропейских кочевников X—XIV вв.³⁰ и с Болгарского городища.³¹

Тип 11 (1 экз.). Изделие плохой сохранности, по виду близкое типу 10, но с изображением в центре в виде системы завитков (рис.3, 2). Диаметр предмета 7,2 см. Аналогичные зеркала встречались в Саратовской области, в кочевнических курганах золотоордынского времени у г.Петровска³² и у с.Лесное,³³ кроме того подобные изделия найдены в курганах могильников Быково III,³⁴ Солововка II³⁵ и Бахтияровка III (с дирхемами Хызыра 761 г.х. (1359—60 гг.) и Мирида 762 г.х. (1360—61 гг.): курган 85)³⁶ на Волге, а также близ х.Полякова ст.Нагавской на Дону.³⁷ Небольшой фрагмент такого же зеркала, но с низким валикообразным бортиком, был найден у д.Бабино в бассейне Вятки³⁸; целое изделие с невысоким бортиком известно из Ирана (Кирман).³⁹ Сходные с нашим орнаментом мотивы солнечного знака известны на бубнах среднеазиатских шаманов.⁴⁰

Тип 12 (1 экз.). Изделие с небольшой концентрической окружностью в центре; поле занимают два идущих по кругу (по часовой стрелке) зверя, разделенные цветочными виньетками (рис.3, 4). Диаметр 7,6 см. Данное изделие было опубликовано ранее.⁴¹ Близкие зеркала известны в материалах восточноевропейских кочевников и из находок в Новом Сарае.⁴²

Тип 13 (1 экз.). Зеркало с небольшой концентрической окружностью в центре; поле занимают 4 хищных животных, движущихся

против часовой стрелки (рис.3, 7); диаметр 7,3 см. Подобные изделия с Ближнего Востока хранятся в Британском Музее.⁴³

Тип 14 (1 экз.). Диск зеркала неполный, состоит из 7 фрагментов; изображение расплывчатое в виде растительных завитков; диаметр 10,5 см (рис.4, 2). Аналогичное целое изделие хранится в ВОКМ и происходит из золотоордынского кургана 5 Глазуновского могильника на р.Медведице.⁴⁴ Известны аналогии с Болгарского городища и из Минусинской котловины.⁴⁵

Отдел Б. С широким массивным бортиком (рис.1, 2, рис.3, 11, рис.4, 4—5).

Тип 3* (1 экз.). Орнаментация предмета очень близка типу А2; на периферии изображены спиралевидно изогнутые побеги (рис.3, 11). Диаметр 10,8 см. Данный тип зеркал был распространен в Поволжье⁴⁶; на Селитренном городище была найдена даже литейная форма для изготовления зеркал этого типа.⁴⁷ Подобные изделия происходят из Калмыкии⁴⁸ и Ирана или Турции.⁴⁹

Тип 10 (1 экз.). Выпуклое (с отражающей стороны) неорнаментированное (?) зеркало с центральной полуширной ручкой-петлей диаметром 14,6 см (рис.1, 2). Поверхность бугристая, вероятно, из-за плохой сохранности. Близкие неорнаментированные зеркала вдвое меньшего размера известны в древностях кочевников Восточной Европы и в материалах Царевского городища.⁵⁰ Не исключено, что данное зеркало, происходящее из золотоордынского погребения,⁵¹ судя по форме и размерам диска, бортика и полуширного держателя, может быть очень неудачной репликой с дальневосточного изделия.

Тип 11 (1 экз.). В центре слегка вогнутого (с орнаментированной стороны) диска расположен держатель в виде мощного полуширного выступа диаметром 1,7—2,0 см. Центральное орнаментальное поле занимает пара извивающихся драконов (возможно, дополненная изображением тигра) с открытыми пастью и четко проработанной чешуей. Вокруг располагаются два орнаментальных пояса из насечек, расходящихся к краю (рис.4, 4); диаметр 9,6 см. Данный тип зеркал был распространен в Китае начиная с эпохи Хань, активно он копировался и в средневековье.⁵²

Тип 12 (1 экз.). Изделие с высоким округлым выступом в центре. Орнамент состоит из двух плавно изогнутых тел рыб, плывущих среди водорослей (рис.4, 5); диаметр 9,6 см. Данный тип зеркал имеет аналогии на Дальнем Востоке России⁵³ и в Корее⁵⁴ в материалах XII—XIII вв.

Отдел В. С широким подтреугольным в сечении бортиком (рис.4, 3, 6).

Тип 3 (1 экз.). Изделие с небольшой концентрической окружностью, от которой расходятся 16 пальметок, очевидно, схематически изображающих виноградные гроздья. В центре припаян медный держатель в виде скобы (рис.4, 3); диаметр 7,5 см. Подобные зеркала известны с Болгарского городища⁵⁵ и III Семеновского селища.⁵⁶

Тип 4 (1 экз.). Зеркало с многолепестковой розеткой в центре, вокруг которой попарно располагаются 8 медальонов двух видов. По краю идет косая «лесенка» (рис.4, 6); диаметр 7,8 см. Аналогии известны с Болгарского городища, из курганной группы Бахтияровка III и в Прииртышье.⁵⁷

Отдел Г. С низким валикообразным бортиком (рис.1, 4—7; рис.2, 1—11; рис.3, 5—6, 9; рис.4, 8—9).

Тип 8 (1 экз.). Зеркало диаметром 9,8 см с крестовидным орнаментом; каждый из четырех образованных секторов украшен полушарным выступом и двумя выпуклыми линиями (рис.1, 4).⁵⁸ Точных аналогов данному типу нам не известно. Зеркала с крестовидной орнаментацией и аркой внутри каждого сектора зафиксированы в Волго-Камье в материалах золотоордынского времени,⁵⁹ у восточноевропейских кочевников⁶⁰ и в Минусинской котловине⁶¹; появляются же они впервые еще на рубеже нашей эры.⁶²

Тип 9 (2 экз.). С орнаментом в виде нескольких равноудаленных концентрических окружностей (рис.1, 5—6). Диаметр хорошо сохранившегося изделия из Усть-Курдюма — 8,7 см. Сходные зеркала известны с Болгарского и Билярского городищ,⁶³ близкие изделия происходят из древностей восточноевропейских кочевников.⁶⁴ Прототипами таких зеркал явились, очевидно, раннесредневековые изделия.⁶⁵

Тип 10 (1 экз.). С орнаментом в виде двух концентрических окружностей и точкой в центре (рис.1, 7); диаметр 7,6 см. Близкая аналогия этому зеркалу хранится в Новочеркасском музее.⁶⁶ Подобные изделия известны из Пенджикента VI—VIII вв.,⁶⁷ а также из материалов Прибайкалья и Минусинской котловины XII—XIV вв.⁶⁸

Тип 11 (1 экз.). С орнаментом в виде концентрической окружности и боковой высокой ручкой трапециевидной формы (рис.2, 1). Диаметр изделия 6,1 см. Аналогии известны на Нижнем Дону⁶⁹ и в Среднем Поволжье.⁷⁰

Тип 12 (2 экз.). Без дополнительной орнаментации (помимо невысокого бортика), с боковой подтрапециевидной ручкой-петелькой. Два варианта: с высокой шишечкой в центре диска (рис.2, 2) и с отверстием в широкой боковой ручке (рис.2, 4). Диаметр 6 и 6,1 см. Известны 6 аналогий этому типу из золотоордынских напластований Болгарского городища,⁷¹ 4 — из кочевнических материалов Восточной Европы,⁷² 2 — с золотоордынского поселения у с. Подгорное в Саратовской области⁷³; единичные аналогии происходят из окрестностей села Билярск,⁷⁴ с Лайшевского,⁷⁵ IV Старокуйбышевского⁷⁶ селищ и из бассейна Средней Вятки.⁷⁷ Полной аналогией первому варианту являются зеркала из погребения 2 у с.Басы (Северный Прикаспий),⁷⁸ а также из кургана 26 могильника Бахтияровка II, датированного серебряным дирхемом XIV века.⁷⁹ Аналогичные изделия второго варианта встречены в грабленом погребении кургана 14 Покровского могильника,⁸⁰ кроме того, очень близки этому типу зеркала не имеющие ручки из курганных могильников Бахтияровка⁸¹ и Первомайский VII.⁸² Дата бытования этого типа, судя по монетным

находкам в кургане 40 Сусловского могильника⁸³ и в кургане 26 могильника Бахтияровка II — XIV век.

Тип 13 (1 экз.). Крупный фрагмент изделия с выпуклой точкой в центре и небольшой концентрической окружностью (рис.2, 3). Диаметр 6 см; на одном участке бортик размыкается и спускается к краю зеркала — это позволяет предполагать наличие на противоположной стороне подтрапециевидной боковой ручки.

Тип 14 (4 экз.). С орнаментацией в виде нескольких расположенных одна в другой арок. Все зеркала имеют высокую центральную округлую в сечении ручку. Выделяются четыре варианта: 1 — диаметром 9,7 см с двумя концентрическими окружностями (рис.2, 5)⁸⁴; 2 — такое же, но с сетчатой ленточкой по краю зеркала (рис.2, 8), диаметр 7,7 см; 3 — с орнаментацией в виде лесенки по краю изделия (рис.2, 10), диаметр 8,2 см; 4 — орнамент является несколько упрощенной копией варианта 1, держатель конусовидных пропорций, края диска несколько вогнуты (рис.4, 9), диаметр 6,6 см. Близкие аналогии данному типу известны с Болгарского городища,⁸⁵ схожие с первым и четвертым вариантами изделия происходят с Царевского и Селитренного городищ,⁸⁶ из Подонья,⁸⁷ а также из кочевнических погребений Калмыкии,⁸⁸ Нижнего⁸⁹ и Среднего⁹⁰ Поволжья XIII—XIV вв. Арочный орнамент близких форм (несколько мелких арок в одной более крупной) и композиции (4-5 крупных арок в поле) хорошо известен на зеркалах Болгарского,⁹¹ Царевского и Увекского городищ, Семеновских⁹² и IV Старокуйбышевского⁹³ селищ, а также бассейна Дона⁹⁴; присутствует он и на фрагменте из Кировской области.⁹⁵

Сходная арочная орнаментация появляется на зеркалах еще во II—VI вв. н.э. на Северном Кавказе и в Приазовье⁹⁶; присутствует она и на клейме днища горшка из кургана Зеленки-342 в Поросье.⁹⁷ Изделия с концентрической окружностью и четырьмя арками известны по материалам Змейского катакомбного могильника XI—XII вв.⁹⁸ Позднее подобная орнаментация хорошо известна на зеркалах XII—XIV вв.⁹⁹

Тип 15 (1 экз.). В центре предмет украшен двумя маленькими концентрическими окружностями, поле — арочным орнаментом (рис.2, 6). Имеется массивная подпрямоугольная боковая ручка; диаметр диска 7,3 см. Предмет происходит из подкурганного захоронения второй половины XIII — XIV в.¹⁰⁰ Аналогичные изделия зафиксированы в золотоординском кочевническом погребении из Нижнего Поволжья¹⁰¹ и в слоях Ургенча XIII—XIV вв.¹⁰² Также определенное сходство в орнаментации присутствует на зеркалах с Болгарского¹⁰³ и Селитренного¹⁰⁴ городищ, из кургана 29 Аткарского могильника¹⁰⁵ и кургана 10 могильника Бахтияровка I.¹⁰⁶

Тип 16 (1 экз.). Крестовидный орнамент разделяет поле изделия (диаметр 7,6 см) на сектора, в каждом из которых имеется идентичное изображение — сильно стилизованный распускающийся цветок (рис.2, 7).¹⁰⁷ В центре диска прослеживаются следы от

выступающего держателя, в виде припаянной скобки. Имеются аналогии в кочевнических древностях 2-ой половины XIII — XIV вв.,¹⁰⁸ в материалах Царевского¹⁰⁹ и Болгарского¹¹⁰ городищ; один депаспортизированный экземпляр хранится в фондах Волгоградского областного краеведческого музея¹¹¹ и еще два в собрании Новочеркасского музея.¹¹² Зеркала с орнаментом в четырех равных секторах, образованных пересекающимися линиями и низким плавно снижающимся от края бортиком, по мнению Э.В.Шавкунова, имеют среднеазиатское происхождение.¹¹³

Тип 17 (1 экз.). По внешнему краю изделия — две равноудаленных концентрических окружности. Поле занимает стилизованное изображение распустившегося шестилепесткового цветка; в промежутках между лепестками — опирающиеся на край поля арки (рис.2, 9). Диск диаметром 6,9 см, имел боковую ручку; предмет происходит из золотоордынского погребения.¹¹⁴ Точных аналогий изделию не найдено. Однако, близкие орнаменты прослеживаются на зеркалах из золотоордынских курганов могильников Ленинск,¹¹⁵ Жутово¹¹⁶ и х.Демочкин,¹¹⁷ а также на изделиях золотоордынского времени с Болгарского городища.¹¹⁸

Тип 18 (1 экз.). Внутри валикообразного бортика расположен точечный ободок, в центре — восьмилепестковая розетка внутри окружности; поле изделия занимает мотив растительного побега (рис.2, 11). Зеркало диаметром 7,2 см имеет боковую ручку в форме прямоугольника с вогнутыми длинными сторонами. Незначительный фрагмент аналогичного зеркала был найден в золотоордынском кургане у с.Верхний Колышлей Саратовской области.¹¹⁹ Подобный орнамент в виде побега имеется на зеркалах из Волжской Булгарии: с Болгарского городища и Лайшевского (?) селища,¹²⁰ а также из Астраханской области.¹²¹ Отдельные элементы орнамента присутствуют на зеркалах из кургана 20 могильника Бахтияровка I¹²² и 42 могильника Бахтияровка II.¹²³

Сходные изображения растительных побегов появляются еще в I тыс. до н.э. на Дальнем Востоке¹²⁴; затем, уже в эпоху средневековья, мотив получает более широкое распространение: он имеется на золотом византийском медальоне конца VI в.,¹²⁵ в искусстве Ближнего и Среднего Востока VIII-XV вв.,¹²⁶ на стенке триумфальной арки Остераской божницы XI-XII вв. в Переяславской земле,¹²⁷ на гравированной окантовке шлема конца XII — начала XIII в. из кургана у д.Бабичи Черкасского уезда,¹²⁸ на керамике Дербента, Таманского городища и Тырново X—XIII вв.,¹²⁹ на металлической посуде чингизидских государств,¹³⁰ на различных изделиях золотоордынского времени из Поволжья,¹³¹ на железных изделиях с серебряной инкрустацией из одного комплекса, относящегося к каменному этапу ассиизской культуры (XIII—XIV вв.),¹³² на серебряной чаше из Забайкалья, найденной в кладе вместе с пайцзе юаньской эпохи (1269—1368 гг.),¹³³ на китайских ассигнациях «чжиюань» (обращались в 1287—1368 гг.) достоинством в 30 монет¹³⁴ и на монгольских

эпиграфических памятниках с 1348 г. до XVII—XVIII вв.¹³⁵ Подобные мотивы широко бытовали в европейском и искусстве XII—XVI вв.¹³⁶; в целом данный орнамент был очень широко распространен у народов Евразии на протяжении всего II тыс. н.э.¹³⁷

Большой интерес представляют и другие вещи, обнаруженные вместе с рассматриваемым зеркалом в захоронении богатой кочевницы у с. Визенмиллер в Заволжье.¹³⁸ Речь идет о наносном султане узды, застежке Т-образной формы с ромбической пластиной плавных очертаний и паре восьмилепестковых медных блях с круглыми сквозными отверстиями.¹³⁹ Подобные вещи являются типичными для каменского этапа аскизской культуры (XIII—XIV вв.) Южной Сибири.

Тип 19 (1 экз.). С дополнительным орнаментом в виде двух концентрических окружностей, в широком поле между которыми располагались фигуры зайцев, преследуемых собаками, расположенные попарно (рис.3, 5). Подобный экземпляр гораздо лучшей сохранности был обнаружен в кургане 49 могильника Бахтияровка II; среди погребального инвентаря данного кургана имелась монета Узбека 722 г.х. (1322 г.), чеканенная в Сарае ал-Махруса.¹⁴⁰ Подобный сюжет есть и на зеркалах с Болгарского городища.¹⁴¹

Тип 20 (2 экз.). С довольно схематичными изображениями двух плывущих друг за другом рыб (рис.3, 6, 9). Изделия сохранились фрагментарно, но их тип хорошо восстанавливается по аналогиям. Зеркала с изображением двух рыб были распространены в золотоордынское время на территории Евразии от Поволжья и Северного Кавказа до Приморья. Очень схематичные изображения двух рыб, сходные с данными, имеются на зеркалах из Болгары, с золотоордынского городища Шехрлик в Хорезме и из кургана 2 (XIII—XIV вв.) группы №3 у с. Советское Саратовской области.¹⁴²

Тип 21 (1 экз.) Зеркало с орнаментом в виде концентрической окружности по краю, внутри которой расположена 8-лепестковая розетка (рис.4, 8). Ручка — небольшая, высокая, подпрямоугольная, с ребром жесткости. Диаметр 6,1 см; в верхней части диска просверлено отверстие для подвешивания. Восьмилепестковая розетка присутствует в орнаментации центральной части некоторых типов зеркал с Болгарского городища.¹⁴³

Отдел Д. Без выраженного бортика (рис.1, 1, 3, рис.4, 7).

Тип 1*? (1 экз.). Фрагмент зеркала большого диаметра с узкой центральной ручкой-петелькой (рис.1, 3). Скорее всего изделие было украшено крестовидным орнаментом. Сходные изделия с крестовидным орнаментом были распространены в половецких степях в XII—XIV вв., однако наиболее широко — лишь в золотоордынский период¹⁴⁴; зеркала данного типа были найдены на булгарских IV и V Старокуйбышевских селищах,¹⁴⁵ датируемых XII—XIV и 2-й половиной X — XIII вв. соответственно, на селище «Песчаный остров» в Алексеевском районе Татарстана в слое, датируемом первой третью XIV в.,¹⁴⁶ на Болгарском городище в слое XIV в.,¹⁴⁷ а еще 10 изделий (8 из них — с Болгарского городища) хранятся в

Казанском музее.¹⁴⁸ Очевидно, одной из наиболее поздних аналогий является изделие из кургана 70 могильника Бахтияровка II,¹⁴⁹ где погребенная захоронена в подбое, с соблюдением кыблы, с мусульманской амулетницей и с дирхемами Джанибека (Сарай ал-Джедид 747 г.х. — 1) и Бирдигека (Гюлистан 759 г.х. — 2). Вероятно, тип формировался еще во второй половине VIII — IX вв.¹⁵⁰

Тип 2 (1 экз.). Без четких следов орнамента (рис.1, 1).

Тип 3 (1 экз.). С высоким конусовидным держателем, диск слегка вогнутый, вероятно, благодаря проковке, следы которой четко видны (рис.4, 7). Сплав желто-красного цвета (медь?); диаметр 9,8 см. Погребальный обряд и инвентарь захоронения позволяют вполне определенно датировать зеркало X—XI вв. и отнести его к кругу огузских (печенежских) памятников.

Проведем сравнение распространенности типов и экземпляров того или иного отдела в двух совершенно независимых выборках (табл.1). Первая выборка представлена коллекцией зеркал с Увекского городища,¹⁵¹ вторая — зеркалами из кочевнических погребений,¹⁵² описанными в настоящей работе.

Зеркала с узким высоким бортиком (отдел А) встречаются на городище и в кочевнических курганах, если судить по разнообразию типов, примерно одинаково. Однако, у населения золотоордынского Укека изделия этой группы пользовались гораздо большей популярностью (они составляют 52,5% всех найденных на Увекском городище зеркал), чем у степныхnomадов (25,6%). Изделия отдела Б (преимущественно имеющие дальневосточные прототипы) больше распространены на городище, чем в погребениях кочевников, как по числу типов, так и по числу экземпляров. Зеркала отделов В, Г и Д (возможно, их следует рассматривать как один отдел — по классификации Г.Ф.Поляковой, отдел В-I), бытовавшие в Восточной Европе еще в домонгольское время, были гораздо более популярны у кочевников, чем у горожан Укека¹⁵³: материалы подкурганных захоронений — 59,3% и 64,1% (по числу типов и экземпляров соответственно), Увекское городище — 35,8% и 20,4%. В целом, мы можем заключить, что зеркала были шире распространены в городах, однако там они отличались меньшим разнообразием типов, чем у nomадов.

В золотоордынских городах были весьма сильны дальневосточные, среднеазиатские и иранские традиции изготовления зеркал, оказавшие большое влияние на отделы А и Б (бытовавшие во второй половине XIII—XIV вв.), хотя сохраняются и зеркала половецкого типа — отделы В, Г и Д. В степи в золотоордынскую эпоху, несмотря на присутствие реплик с импортных зеркал, продолжают развиваться типы ярко выраженного кипчакского облика.

В представленной выборке средневековых зеркал отделов Г и Д, наряду с ранними типами (Д3) и типами бытовавшими как в золотоордынское, так и домонгольское время (Г8, Г9, Г14, Д1), можно выделить экземпляры, датирующиеся исключительно в рамках второй

половины XIII—XIV вв. К этой категории, вероятно, можно отнести типы 11—13 и 15—21 отдела Г.

Таблица распределения зеркал
из Саратовской области и смежных с ней территорий
по количеству типов и экземпляров.

отдел	Увекское городище				кочевнические погребения			
	количество типов		количество экземпляров		количество типов		количество экземпляров	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
А	9	32,1	31	52,5	9	28,2	10	25,6
Б	9	32,1	16	27,1	4	12,5	4	10,3
В	2	7,2	2	3,4	2	6,1	2	5,1
Г	7	25	7	11,9	14	43,8	20	51,3
Д	1	3,6	3	5,1	3	9,4	3	7,7
Итого	28	100	59	100	32	100	39	100

Примечания:

- ¹ Недашковский Леонард, Ракушин Алексей. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // ТА. — 1998. №1 (2). — С.32—51.
- ² Ляхов С.В. Новые золотоордынские погребения Саратовского Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. — 1992. — Вып.3. — С.164, рис.7Д; Ляхов С.В., Якубовский Г.Л. Зауморский курганный могильник золотоордынского времени // Археологические вести. — 1993. — Вып.1. — С.179, рис.2, 1.
- ³ Челинцев В.В. Химический анализ бронзовых зеркал из коллекции СУАК // Труды СУАК. — 1913. — Вып.30. — С.161—162, рис.12; Греков Б.Д., Калинин Н.Ф. Волжская Булгария IX—XIII веков // История Татарской АССР. — 1955. — Т.1. — С.54, таб.XIV; Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. — Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1975. — С.172—173, рис.74, б, 75, б; Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. — Куйбышев, 1979. — С.235, рис.17, 2; Ляхов С.В. Новые золотоордынские погребения Саратовского Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. — 1992. — Вып.3. — С.164, рис.7Д; Ляхов С.В., Якубовский Г.Л. Зауморский курганный могильник золотоордынского времени // Археологические вести. — 1993. — Вып.1. — С.179, рис.2, 1; Ракушин А.И. К вопросу о золотоордынских зеркалах с растительным орнаментом // Труды СОМК. — 1996. — Вып.4. — С.152, 154, 157-158; АМЗ без ин. №; ; БГИАЗ №/№127-43, 177-487 и эксп.; ГОМРТ №5363-15, AA6-2, ин. №6296; №5363-46, AA6-13, ин. №6299; AA7-4, ин.№/№6325, 6359-6360, 6364, 6373, 6381, 6446 + 1 фр. без ин. №; AA7-20, ин.№/№6378, 6386, 6391, 6409, 6414, 6448, 6460; AA7-?, ин.№6408; №5427-167, AA12-3, ин. №6357; №7719-11, AA7-25, ст. №20586; №7798, AA7-25, без ин. №; Государственный Эрмитаж, экспозиция; СОМК №СМК 62431.
- ⁴ Высоцкий Н.Ф. Несколько слов о древностях Волжской Болгарии. — Казань, 1908. — С.13, табл. IX, 10; Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Раскопки Великих Болгар // Краткие

- сообщения института истории материальной культуры. — 1950. — XXXIII. — С.78—79, рис.34; Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. — Казань, 1996. — С.230—231, рис.73, 1.
- ⁵ Tallgren A.-M. Collection Zaoussailov au Musee National de Finlande à Helsingfors. II. Monographie de la section de l'age du fer et l'époque dite de Bolgari. — Helsingfors: Commission des collections antell, 1918. — табл.IX, 5.
- ⁶ Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник («У дамбы») в Татарии // АЭМК. — 1994. — Вып.23 (Проблемы средневековой археологии волжских финнов). — С.137, рис.7, 9.
- ⁷ Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. — 1900. — Вып.VIII. — С.260, табл.CIX, 6.
- ⁸ Каталог археологических коллекций / Сост. Б.А.Раев. — Новочеркасск, 1979. — С.155, табл.30, 5.
- ⁹ Кригер В.А., Железчиков Б.Ф. Позднекочевые погребения у пос. Рубежка и Алебастрово Уральской области // СА. — 1980. — №1. — С.302, рис.2, 1; Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы Кыпчакского времени на Южном Урале (XII—XIV вв.). — М.: Наука, 1988. — С.17, рис.4, 15, ФII.
- ¹⁰ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Оттар в XIII—XV веках. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. — С.195, рис.85, 2; Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Оттарский оазис). — Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. — С.144, рис.2.
- ¹¹ Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С.203.
- ¹² Уварова П.С. Могильники... — С.354; Высоцкий Н.Ф. Ук. соч. — С.13, табл.IX, 3; Tallgren A.-M. Ук. соч. — табл.IX, 7, 14; Смирнов А.П. Волжские булгары // Труды ГИМ. — 1951. — Вып.XIX. — рис.46; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. — С.82, 116; Полякова Г.Ф. К вопросу о систематизации зеркал Волжской Болгарии // Древности Волго-Камья. — Казань, 1977. — С.81; Казаков Е.П. Памятники булгарского времени в восточных районах Татарии. — М.: Наука, 1978. — С.93—94, рис.47, 5; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.232—233, рис.74, 3; Кригер В.А. Отчет о раскопках в 1985 году в Среднеахтубинском (п. Рахинка) и Ленинском (Бахтияровка III) районах Волгоградской области // Архив ИА РАН, р.1, д.10773. — рис.59-60; АКУ-2/103-2; ВОКМ №24000/26, Бахтияровка; ГОМРТ №5363-15, АА6-6, ин. №6293; №5363-46, АА7-17 (1 фр. без ин. №); АА7-19, ин. №/№6291, 6295, 6297, 6326 и 26 экз. без ин. №/№; №5427-167, АА12-2, ин. №6356; АА12-4 (2 экз. без ин. №/№); АА12-5, ст. №20024; №5754-35; Государственный исторический музей ин. №54746; Государственный Эрмитаж, экспозиция, Царевское городище; КОМК №33363/70, д. Улус; СОМК №АО 1758, п. Джангла, к.1, №СМК 52033/A-2319 (АО 294); Скатовка, юго-восточная гр., к.1, п.1; БГИАЗ №/№39-143; 161-217; 176-708; эксп.; V Семеновское сел., сборы Е.А.Беговатова; Лайшевское сел., сборы К.А.Руденко.
- ¹³ Синицын И.В. Археологические памятники у с. Пролейки // Ученые записки Саратовского Государственного университета. — 1956. — Т.XLVII (исторический выпуск). — С.219, рис.9; Сымонович Э.А. Памятники позднекочевнического времени в Поднепровье // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. — 1960. —

81. — С.108—110, рис.49, 2.
- ¹⁴ *Melikian-Chirvani A.S. Islamic Metalwork from the Iranian World. 8th—18th Centuries.* — London: Her Majesty's Stationery Office, 1982. — С.229—230, рис.105—106; The British Museum №OA + 1344.
- ¹⁵ *Fedorov-Davydov G.A. Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga.* — München: Verlag C.H.Beck, 1984. — С.63, рис.31; *Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H.Bartlett Wells / BAR. International Series, 198.* — Oxford, 1984. — рис.81, 3.
- ¹⁶ Уварова П.С. Могильники... — С.95, табл.XLVIII, 2; Труды VIII Археологического съезда. — 1897. — Т.IV. — табл.LXXXVI, 39; Отчет Археологической комиссии за 1901 г. — СПб., 1903. — С.82, рис.161; Виноградов В.Б. Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии // СА. — 1987. — №1. — С.268, рис.2; Селитренное городище, ПАЭ-77: АМЗ, №АМЗ-33154/A-12140/131; АКУ-2/103-1.
- ¹⁷ Виноградов В.Б. Ук. соч. — С.268.
- ¹⁸ Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II Археологического съезда. — 1876. — Вып.1. — табл.IV, 11; Валеев Ф.Х. Ук. соч. — С.103, рис.39, 1; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.230-231, рис.73, 4; ГОМРТ №5363-46; АА6-5, ин. №6313; АА7-9, ин. №/№6365, 6367, 6387, 6392, 6442 + 3 фр. без ин. №/№; АА-?, ин. №/№6327, 6405; БГИАЗ эксп., №/№143-68, 238-183 (последнее изделие найдено в 1990 г. на раскопе CVII, датируемом монетами последней трети XIII — начала 60-х гг. XIV в. — сообщение автора раскопок В.С.Баранова).
- ¹⁹ ВОКМ №11993, Ленинск-66, 33-1/4, №25237/1, Бахтияровка II-83, 46-1/2.
- ²⁰ Без места и №.
- ²¹ Без ин. №, раскопки П.Д.Rau, из экспозиции.
- ²² Синицын И.В. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1962-63 гг. // Архив ИА РАН, р.1, д.2791. — рис.134. Архаринский могильник, к.14, п.1.
- ²³ Tallgren A.-M. Ук. соч. — табл.IX, 8.
- ²⁴ Виноградов В.Б. Ук. соч. — С.268.
- ²⁵ Кригер В.А. Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 году // Архив ИА РАН, р.1, д.10342. — рис.6, 8.
- ²⁶ Валеев Ф.Х. Ук. соч. — С.103, рис.39, 3; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.227-228, рис.71, 9.
- ²⁷ ВОКМ №27401/9, Бахтияровка-67, 11-1/2.
- ²⁸ СОМК №АО 1171, Белая Гора, к.8.
- ²⁹ Байпаков К.М. Ук. соч. — С.144, рис.1.
- ³⁰ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.78—79, рис.13, Б1.
- ³¹ ГОМРТ №5363-?, ин. №6459.
- ³² Максимов Е.К. Археологические исследования в Петровском районе Саратовской области // Труды СОМК. — 1959. — Вып.2. — С.91—92, рис.2.
- ³³ Цыбин М.В. Погребения средневековых кочевников X—XIV вв. в Среднем Подонье // СА. — 1986. — №3. — С.263, рис.3, 18.
- ³⁴ Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского отделения ВООПИК в 1976 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.6198. — С.27.; ВОКМ №14953.
- ³⁵ Мамонтов В.И. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солововка II // Древности Волго-Донских степей. — 1993. — Вып.3. — С.168, рис.9, 4; ВОКМ №27198.

- ³⁶ Кригер В.А. Отчет о раскопках в 1985 году... — С.49.
- ³⁷ Каталог археологических коллекций / Сост. Б.А.Раев. — Новочеркасск, 1979. — С.71, №3477, рис.30, 12.
- ³⁸ Советский р-н Кировской обл.; КОМК №33363-114.
- ³⁹ The British Museum, №1921/2-20/1, Gived by Brigadier General Sir Percy Sykes.
- ⁴⁰ Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. — С.59, рис.4.
- ⁴¹ Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. — 1959. — №60. — С.52—53, рис.8, 5.
- ⁴² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.82, рис.13, MI; Государственный Эрмитаж №30-27.
- ⁴³ The British Museum, №/№OA+1553, 1959/12-18/1, Brooke Sewell Fund.
- ⁴⁴ Мамонтов В.И., Ситников А.В. Памятники средневековья у станицы Глазуновской // ДВДС. — 1995. — Вып.5. — С.102, рис.6, 3; ВОКМ №23014.
- ⁴⁵ Полякова Г.Ф. Изделия... — С.232—233, 238, рис.74, 4.
- ⁴⁶ Лихачев А.Ф. Ук. соч. — табл.IV, 13; Tallgren A.-M. Ук. соч. — табл.IX, 3; Валеев Ф.Х. Ук. соч. — С.106, рис.40, 1; Fyodorov-Davydov G.A. The Culture... — рис.107, 1; Валеев Ф.Х., Валеева-Сулайманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. — рис.30, 5; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.234—235, 239, рис.75, 7; Rakushin A.I. Ук. соч. — С.152—154, 157; ГАСО, ф.407, оп.2, ед.х.883, л.87, ед.х.975, л.43; ВОКМ №10892; СОМК №СМК 54261.
- ⁴⁷ Fyodorov-Davydov G.A. The Culture... — рис.107, 2.
- ⁴⁸ Синицын И.В. Отчет об археологических раскопках... — рис.244.
- ⁴⁹ Melikian-Chirvani A.S. Ук. соч. — С.230, рис.107.
- ⁵⁰ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.79, рис.13, АII.
- ⁵¹ Ляхов С.В. Ук.соch. — Рис.5, 3A.
- ⁵² Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). — М.: Наука, 1975. — С.105-106, №/№289-291, рис.101; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.234—235, 239, рис.75, 3; Hirth F. Chinese metallic mirrors with notes on some ancient specimens of the Musee Guimet, Paris. — New York: G.E.Stechert & CO, 1907. — С.248—250, табл.XVI, 1; Swallow R.W. Ancient Chinese bronze mirrors. — Peiping: Henri Vetch, 1937. — С.29, рис.25.
- ⁵³ Шавкунов Э.В. Клад чжуурчженых зеркал // МИА. — 1960. — №86. — С.235, рис.6, 2; Шавкунов Э.В. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1981. — С.94, рис.5; Шавкунов Э.В. Культура чжуурчженей-удиге XII—XIII вв. и проблемы происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. — М.: Наука, 1990. — С.132, 279, табл.62, 2.
- ⁵⁴ The British Museum, №OA 1926.4-7.4 (94).
- ⁵⁵ Полякова Г.Ф. Изделия... — С.230—231, 234—235, рис.73, 3, 75, 6.
- ⁵⁶ Казаков Е.П. Булгарское село X—XIII веков низовий Камы. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. — С.90, рис.33, 37.
- ⁵⁷ Арсланова Ф.И. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.) / / Новое в археологии Казахстана. — Алма-Ата, 1968. — рис.1, 150; Кригер В.А. Отчет о раскопках в 1985 году... — рис.99—100; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.227—228, рис.71, 11.
- ⁵⁸ Архив ИИМК, ф.79, д.34, л.33, рис.6.

- ⁵⁹ Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. — Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1975. — рис.44, 3; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.216, 224, 237, рис.69, 18; ГОМРТ №5363-46, АА8-1, 3, 5 (7 фр.); №7798, АА8-3, ст. №20027; V Семеновское селище, сборы Е.А.Беговатова.
- ⁶⁰ Погребова Н.Н. Средневековые памятники на скифских городищах Нижнего Днепра // КСИА. — 1962. — 89. — С.16—19, рис.6, 1; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.81, рис.13, ЖП.
- ⁶¹ АКУ-81/31.
- ⁶² Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. — М.: Наука, 1993. — С.73, рис.29, 70.
- ⁶³ Полякова Г.Ф. Изделия... — С.224-226, рис.70, 3, 5; ГОМРТ №5363-46, АА1-20, ин. №6331, АА7-20, АА8-4 (2фр.); №5427-167, АА12-8, Бил.35.
- ⁶⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.78, рис.13, БIII.
- ⁶⁵ Кузнецов В.А. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.) // КСИА. — 1963. — 96. — С.91—92, рис.27, 2; Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). — М.: Наука, 1964. — Табл.XIV, 16; Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). — Воронеж, 1991. — С.17, 48, 87—88, рис.7, 20, 5, 38, 17, 39, 5; Абакаров А.И., Давудов О.М. Ук. соч. — С.87, 100, рис.36, 73, 48, 46.
- ⁶⁶ Каталог... — С.72, №170, рис.30, 17.
- ⁶⁷ Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. — Л.: «Наука», 1973. — С.87, рис.53.
- ⁶⁸ Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. III. / / Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Русского Географического Общества. — 1900. — Т.1. — Вып.3. — Рис.3; Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). — Новосибирск: «Наука», 1980. — С.131, 136, табл.XVI, 3, LIX, 35.
- ⁶⁹ Каталог... — С.72, №200-2, рис.30, 16.
- ⁷⁰ Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Научные труды Куйбышевского пединститута. — 1979. — Т.230. — С.235, рис.17; V Джукетауское селище, раскопки Ф.Ш.Хузина, 1994 г.
- ⁷¹ Полякова Г.Ф. Изделия... — С.216, 223, 237, рис.69, 14; ГОМРТ №5363-46, АА7-20, АА8-16 (4 фр.), №5363-?, ин. №6317.
- ⁷² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.78, рис.13, АIII.
- ⁷³ Касанкин Г.И. Золотоординское поселение у села Подгорное // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. — Саратов, 1994. — С.99, рис.1, 1—2.
- ⁷⁴ ГОМРТ №5427-167, ст. №20024.
- ⁷⁵ Сообщение К.А.Руденко.
- ⁷⁶ Казаков Е.П. Ук. соч. — С.90, рис.33, 39.
- ⁷⁷ КОМК №33363-113; сборы у д. Бабино Советского р-на Кировской обл.
- ⁷⁸ Синицын И.В. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия // Труды СОМК. — 1960. — Вып.3. — С.135—136.; СОМК №АО 2011.
- ⁷⁹ Кригер В.А. Отчет о раскопках в 1982 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.9241; ВОКМ без ин. №.
- ⁸⁰ Васильева И.Н. Ук. соч. — С.235, рис.17.
- ⁸¹ Лисицын И.П. Отчет о раскопках в 1967 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.3800.; ВОКМ №27401/8.

- ⁸² ВОКМ №27505/15.
- ⁸³ Найдена медная монета Джанибека, чеканенная в Сарае ал-Джедид. См.: *Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. — 1963. — Т. IV. — С.194, №410; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.264, №326.*
- ⁸⁴ Изделие опубликовано: *Синицын И.В. Археологические исследования... — С.53, 56, рис.8, 6.*
- ⁸⁵ ГОМРТ №5363-46, АА8-3 (3 фр.), АА7-20.
- ⁸⁶ *Fedorov-Davydov G.A. Stadte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. — Munchen: Verlag C.H.Beck, 1984. — С.90, рис.83; Fyodorov-Davydov G.A. The Culture... — Рис.107, 4; АКУ без ин. №.*
- ⁸⁷ Каталог... — Табл.30, 6, 9.
- ⁸⁸ *Васюткин С.М. Погребения золотоордынского времени могильника Джангар // Древности Калмыкии. — Элиста, 1985. — С.164. рис.2.*
- ⁸⁹ ВОКМ №6133/3.
- ⁹⁰ *Васильева И.Н. Ук. соч. — С.233, рис.17.*
- ⁹¹ *Валеев Ф.Х. Ук. соч. — рис.44, 1, 5, 9; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.216, 224, рис.69, 22; ГОМРТ №5363-46, АА8-2, АА8-3, ин. №6351 + 11 фр. без ин. №/№.*
- ⁹² *Беговатов Е.А. Отчет по разведочным работам в районе Камского Устья Куйбышевского водохранилища в 1989 г. // Архив АКУ, ф.3. — Рис.19, 6; Сборы Е.П.Казакова, 1981 г.*
- ⁹³ *Казаков Е.П. Ук. соч. — С.90, рис.33, 30.*
- ⁹⁴ Каталог... — Табл.30, 2.
- ⁹⁵ КОМК №33363-118; сборы у д.Бабино.
- ⁹⁶ *Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. — 1962. — №106. — С.78—79, рис.25, 10; Беспалый Е.И. Погребения позднесарматского времени у г.Азова // СА. — 1990. — №1. — С.214, рис.1, 26.*
- ⁹⁷ *Плетнева С.А. Ук. соч. — С.62, табл.14, 10.*
- ⁹⁸ *Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточно-азиатский этнографический сборник. — 1961. — Вып.2. — С.60, рис.4; Кузнецов В.А. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // МИА. — 1963. — №114. — С.42, табл.IV, 6.*
- ⁹⁹ *Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.81, 116, рис.13, ЖI.*
- ¹⁰⁰ *Ляхов С.В. Ук.соч. — Рис.9, А.*
- ¹⁰¹ *Мамонтов В.И. Погребения поздних кочевников... — С.160, рис.5, 3; ВОКМ №27189/9.*
- ¹⁰² *Кдырниязов М.Ш. Ремесло Хорезма в XIII—XIV вв. // Археологические исследования в Каракалпакии. — Ташкент, 1981. — С.128, рис.3, 4.*
- ¹⁰³ *Полякова Г.Ф. Изделия... — С.224—227, рис.70, 1, 71, 2.*
- ¹⁰⁴ *Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские... — С.201, рис.46, 4.*
- ¹⁰⁵ *Арзютов Н.К. Отчет за 1930 г. // Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1930, №144. — С.21.*
- ¹⁰⁶ *Лисицын И.П. Ук. соч.; ВОКМ №27401/8.*
- ¹⁰⁷ Архив ИИМК, ф.79, д.34, л.8, рис.3.
- ¹⁰⁸ *Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.80-81, 116, рис. 14, 1, ИI.*
- ¹⁰⁹ *Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. // СА. — 1964. — №1. — С.262, рис.10, 1; Fedorov-Davydov G.A. Stadte... — рис.85; Fyodorov-Davydov G.A. The Culture... — Рис.108, 1.*
- ¹¹⁰ *Полякова Г.Ф. Изделия... — С.228—229, рис.72, 2.*
- ¹¹¹ ВОКМ №1571.
- ¹¹² Каталог... — С.71, №200, рис.30, 11; С.72, №3476, рис.30, 15.

- ¹¹³ Шавкунов Э.В. О происхождении двух бронзовых зеркал из случайных находок в Приморье // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. — Владивосток, 1988. — С.59, рис.1, С.65.
- ¹¹⁴ Ляхов С.В. Ук. соч. — Рис.8, А.
- ¹¹⁵ ВОКМ №5834/3.
- ¹¹⁶ ВОКМ №12172.
- ¹¹⁷ ВОКМ №25220/3.
- ¹¹⁸ Полякова Г.Ф. Изделия... — С.216, 224-226, 237, рис.69, 19, 70, 12.
- ¹¹⁹ СОМК №НВСП 30348.
- ¹²⁰ Полякова Г.Ф. Изделия... — С.225-226, рис.70, 10; ГОМРТ №5363-46, АА8-7; еще один фрагмент из АКУ депаспортизован.
- ¹²¹ АМЗ, без ин. №.
- ¹²² Лисицын И.П. Ук. соч.; ВОКМ №27401/10.
- ¹²³ Кригер В.А. Отчет о раскопках в 1982 г.; ВОКМ без ин. №.
- ¹²⁴ Гусева Л.Н. Об истоках некоторых орнаментальных мотивов в искусстве чжурчженей // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1978. — С.91, рис.5—8.
- ¹²⁵ Культура Византии. IV — первая половина VII в. — М.: Наука, 1984. — С.659.
- ¹²⁶ Сокровища Приобья. — СПб.: Формика, 1996. — С.128—131, рис.61.
- ¹²⁷ Коринный Н.Н. Переяславская земля. X — первая половина XIII века. — Киев: Наукова думка, 1992. — С.229—230.
- ¹²⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.33—34, рис.5, 1, IV; Плетнева С.А. Древности... — С.95, табл.47, 1.
- ¹²⁹ Финогенова С.И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // СА. — 1987. — №2. — С.196, рис.3, 1; Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. Пути и закономерности развития города в VI — середине XIII в. — М.: Наука, 1993. — С.208, 222, 226, рис.40, 8, 54, 2, 4, 7, 58; Крамаровский М.Г. Три группы поливной керамики XIII—XIV вв. из Северного Причерноморья // Византия и византийские традиции. — СПб., 1996. — С.109—110, рис.5, 3.
- ¹³⁰ Левашева В.П. Белореченские курганы // Труды Государственного исторического музея. — 1953. — Вып.ХХII. — С.172, рис.2, 1; Fedorov-Davydov G.A. Stadte... — рис.140; Крамаровский М.Г. Серебряный ковш периода Юань (1279—1368) из коллекции Халили // Эрмитажные чтения. Памяти В.Г.Луконина. 1986—1994. — СПб., 1994. — С.238—241, рис.а-б; Сокровища Приобья... — С.200—202, рис.76.
- ¹³¹ Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 году // Труды СУАК. — 1915. — Вып.32. — С.124, сн. №13; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Рис.13; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.48, рис.8, 1; Моржерин К.Ю., Недашковский Л.Ф. Детали поясных наборов из Укека // Труды СОМК. — 1996. — Вып.4. — С.125—127, рис.1, 1. Fedorov-Davydov G.A. Stadte... — рис.39, 41; Fyodorov-Davydov G.A. The Culture... — рис.54, 4, 82.
- ¹³² Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время) // СА. — 1978. — №1. — С.133, рис.8, 1—3, 7.
- ¹³³ Савельев П.С. Монгольское пайзе, найденное в Забайкальской области / / Труды Восточного отделения Русского археологического общества. — 1856. — Ч.II. — С.161.
- ¹³⁴ Лубо-Лесниченко Е.И. Ассигнации монгольского времени (по материалам

- Хара-Хото) // Народы Азии и Африки. — 1968. — №3. — С.140—144, рис.7.
- ¹³⁵ Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). — М.: Наука, 1972. — С.131, рис.1, 3—7, 11.
- ¹³⁶ Янин В.Л. Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. — М., 1973. — С.525; Смирнова И.А. Искусство Италии конца XIII — XV веков. — М.: «Искусство», 1988. — рис.5, 18а, 169а-б, 344, 359в-г; Age of Chivalry: Art in Plantagenet England, 1200—1400. — London: Royal Academy of Arts, 1987. — Р.174—175, 455, 528—529, fig.118—120, 575, 732—733; Сокровища Приобья... — С.26—27, 98—99, рис.39, 69.
- ¹³⁷ См. напр. Масленицына С.П. Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. — Л.: «Аврора», 1975. — рис.47; Дебиров П.М. Истоки орнамента растительного стиля (по материалам архитектурного и ювелирного орнамента Дагестана средневекового периода) // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. — Махачкала, 1979. — С.38—39, 48, 50—51, рис.1, 1—2, 2, 1—4, 10, 1—5, 12, 1—6, 13, 5—8; Зыков Ф.М. Старинные якутские украшения из цветных металлов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. — Новосибирск, 1993. — С.135, рис.3.
- ¹³⁸ Рыков П.С. Отчет о раскопках в Республике немцев Поволжья и Нижнем Поволжье // Архив ИИМК, ф-2, оп.1. 1925, №204.
- ¹³⁹ СОМК №/№СМК 46594, НВСП 21197, НВСП 21198.
- ¹⁴⁰ Кригер В.А. Отчет о раскопках Бахтияровского могильника... — рис.57—58, 77, 1; ВОКМ №25237.
- ¹⁴¹ Полякова Г.Ф. Изделия... — С.228—231, рис.72, 6—7, 73, 8.
- ¹⁴² Армарчук Е.А. Семантика зооморфной орнаментации поливной керамики Хорезма // Археологические исследования в Туркменистане. — Ашгабат, 1992. — С.150, рис.3; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.228—229, рис.72, 5; Баринов Д.Г. Отчет об археологических раскопках курганов в Советском районе Саратовской области в 1988 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.12861. — С.23—24, рис.73—75.
- ¹⁴³ Полякова Г.Ф. Изделия... — С.226—227, рис.71, 3—5.
- ¹⁴⁴ Алихова А.Е. Мурзанский могильник и селище // МИА. — 1954. — №42. — С.275, рис.17, 11; Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южно-русских степях // МИА. — 1956. — №62. — С.160; Кузнецов В.А. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. — 1963. — 96. — С.87—88, рис.26, 7; Кузнецов В.А. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // МИА. — 1963. — №114. — С.42, табл.IV, 5; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.81; Плетнева С.А. Древности черных клобуков. — М.: Наука, 1973. — С.54, таб.6, 3; Каталог... — С.155, таб.30, 10; Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР / Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С.261, рис.84, 21; Васильева И.Н. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области // Древности Среднего Поволжья. — Куйбышев, 1985. — С.227, рис.15, 27; Косиков В.А., Гриб В.К. Парное кочевническое погребение из кургана у с.Каменка в Донецкой области // СА. — 1985. — №2. — С.261, рис.4, 23; Ильюков Л.С., Казакова Л.М. Курганы Миусского полуострова. — Ростов, 1988. — С.123, рис.26, 11—12; Бойко А.Л.

Спасательные раскопки в г. Азове в 1989 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. — 1990. — Вып.9. — С.6, рис.1, 5; *Плетнева С.А.* Половцы. — М.: Наука, 1990. — С.125; *Ларенок В.А.* Позднекочевнический могильник на р. Сал // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. — 1991. — Вып.10. — рис.35, 1—2; *Касанкин Г.И.* Золотоордынское поселение у села Подгорное // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. — Саратов, 1994. — С.99, рис.1, 3; *Полякова Г.Ф.* Изделия... — С.216, 223—224, 237—238, рис.69, 15—16; ВОКМ №23980/21, Бахтияровка-II-84, 70-1/11; ЭКМ №241.

¹⁴⁵ *Казаков Е.П.* Булгарское село X—XIII веков низовий Камы. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. — С.90, рис.33, 36; *Казаков Е.П.* Описание вещевого материала IV Старокуйбышевского селища // Архив Археологического музея Казанского государственного университета, ф.3, д.14. — С.40, табл.V; БГИАЗ №/№176—623; 176—833.

¹⁴⁶ Сообщение К.А.Руденко, производившего раскопки памятника.

¹⁴⁷ БГИАЗ №248-194; р. CXII, 1992 г., раскопки В.С.Баранова.

¹⁴⁸ ГОМРТ №5363-46, AA8-1, AA8-16; №7798, AA8-1, ст. №20027.

¹⁴⁹ *Кригер В.А.* Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1984 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.10555. — рис.105, 108, 10; ВОКМ №23980/21.

¹⁵⁰ *Флеров В.С.* Маяцкий могильник // Маяцкое городище. — М., 1984. — С.179, рис.20, 17.

¹⁵¹ *Недашковский Л.Ф.* Ук. соч.

¹⁵² В данный раздел включены все изделия, описываемые в настоящей работе, в том числе и те, обстоятельства находки которых неясны.

¹⁵³ Для Болгара зафиксировано противоположное: зеркала этой группы, по количеству экземпляров, абсолютно преобладают. См. *Полякова Г.Ф.* Изделия... — С.236.

Nedashkovsky L., Rakushin A.

Bronze mirrors from the second half of Xth to the XIVth century from the Saratov region museums.

Medieval metallic mirrors, described in this article, were mostly found in nomadic graves of the Saratov region and adjacent territories. Now this wares are kept in Saratov, Pugachyov, Khvalinsk and Engels museums of regional ethnography.

After typological analysis of 39 mirrors authors compared proportion of types and quantity of finds of certain type in two completely independent assemblages. The first was represented by the described in the article collection of mirrors from nomadic graves, second — by mirrors from Uvek site.

The mirrors with narrow high rim represented on Uvek site and in nomadic graves under burial mounds (Pl.3, fig.1—4, 7—8, 10, Pl.4, fig.1—2) appeared approximately equal proportion if judge upon the variety of types. However, the population of the Golden Horde Ukek city used

wares of this group much more (they appeared to be 52,5% of all mirrors, found on Uvek site), than steppe nomads (25,6% of all mirrors from burial mounds). The wares with wide massive rim (mainly having Far Eastern prototypes) are more widespread on Uvek site, than in graves of nomads (Pl.1, fig.2, Pl.3, fig.11, Pl.4, fig.4—5), considering both number of types and number of finds. Mirrors with low rim and without expressed rim, existed in Eastern Europe since the premongolian times, were much more popular between nomads, than between the townspeople of Ukek. Materials of graves under burial mounds (Pl.1—2, Pl.3, fig.5—6, 9, Pl.4, fig.3, 6—9) — 59,3% and 64,1% (on number of types and finds accordingly), Uvek site — 35,8% and 20,4%. In whole, we can conclude, that the mirrors were widespread wider in cities, than in nomadic steppes. However in cities they differed by a smaller variety of types.

In Golden Horde cities Far Eastern, Middle Asian and Iranian traditions of manufacture of mirrors were rather strong, rendering large influence on local wares with wide massive and narrow high rim (produced in the second half of XIIIth — XIVth centuries), though the mirrors of a polovtsian type — with low rim and without expressed rim — still continued to manufacture. In steppe in the Golden Horde epoch, despite of the presence of copies from import mirrors, continued to develop types of brightly expressed polovtsian shapes.

Between the mirrors with low rim and without expressed rim together with the early types (Pl.4, fig.7) and types, used as in the Golden Horde as in premongolian times (Pl.1, fig.3—6, Pl.2, fig.5, 8, 10, Pl.4, fig.3, 6, 9), we can distinguish wares (Pl.2, fig.1—4, 6—7, 9, 11, Pl.3, fig.5—6, 9, Pl.4, fig.8), dated only in borders between the second half of XIIIth and the end of XIVth century.

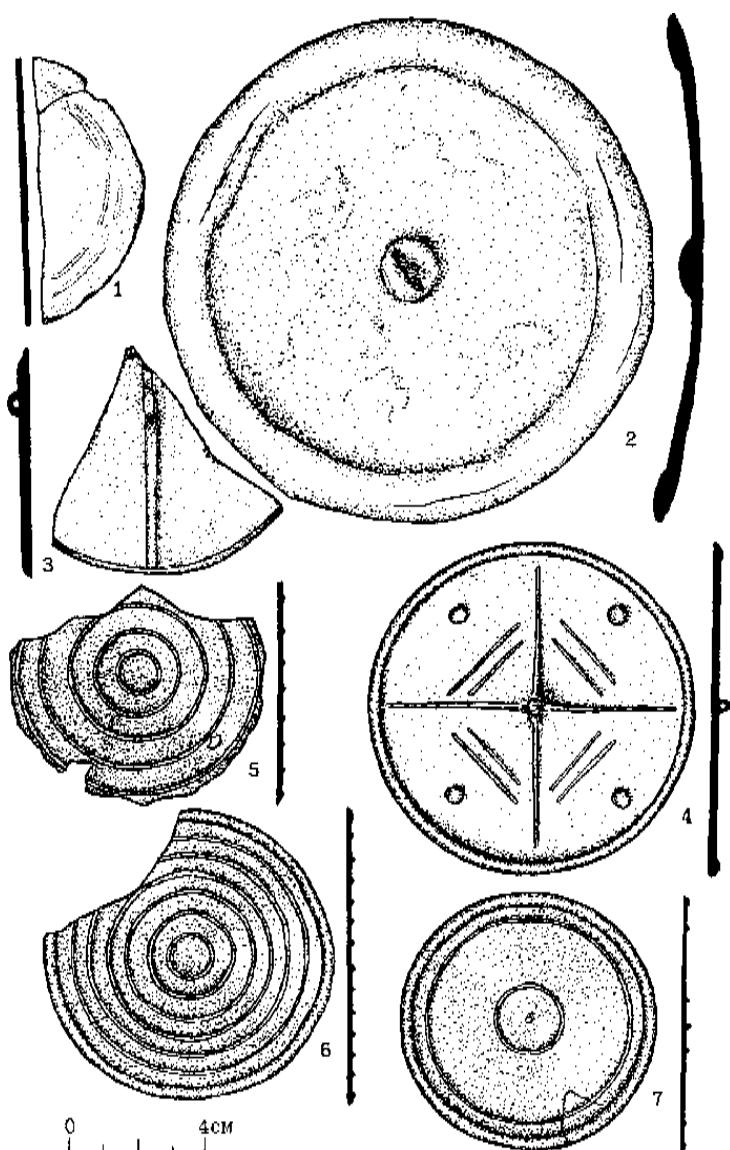

Рис.1. Бронзовые зеркала. 1 — Зауморье, Сар. обл., раскопки Ляхова С.В., курган (далее к.) 10, погребение (далее п.) 2, 1989. СОМК №СМК 62482. 2 — Зауморье, Сар. обл., раскопки Ляхова С.В., к.12, п.2, СОМК №СМК 62497. 3 — «Три брата», Калмыкия, Рыков П.С., группа (далее гр.) II, к.8, 1934 г. СОМК №АО 1489. 4 — с.Штрасбург, республика Немцев Поволжья, Рау П.Д., к.1, 1925 г. Энгельсский музей, №ЭКМ 241. 5 — «Три брата», Рыков П.С., 2 гр., к.11, 1934 г. СОМК №АО 491. 6 — Усть-Курдюм, Сар. обл., Зайковский Б.В., 1920 г. СОМК №СМК 54731. 7 — Усть-Курдюм, Сар. обл., Синицын И.В., 1963 г., к.1. СОМК №СМК 40867.

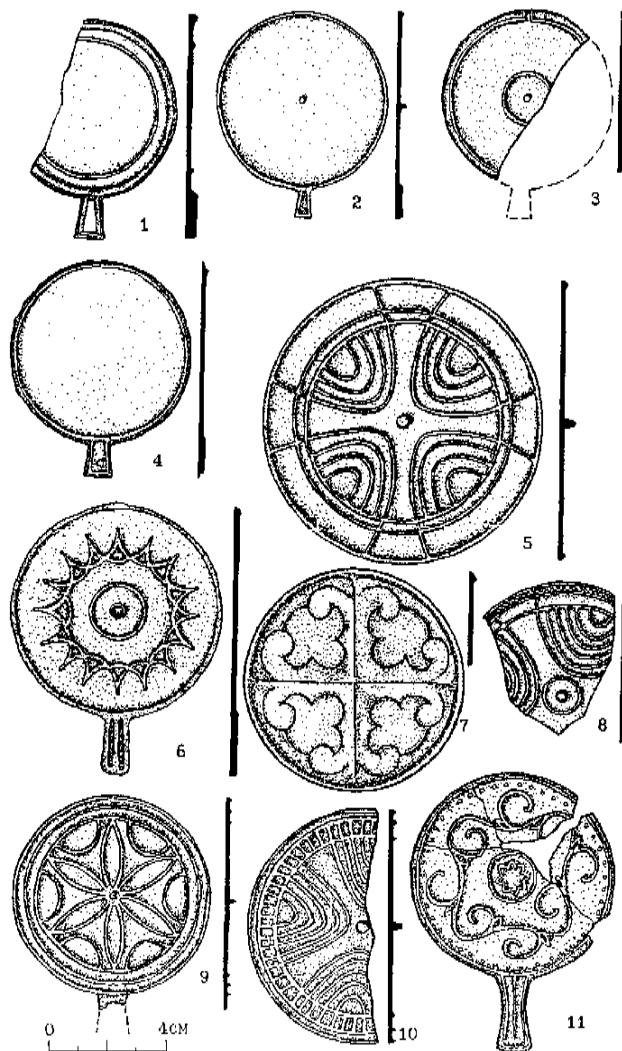

Рис.2. Бронзовые зеркала. 1 — Пугачев, Сар. обл., Журавлев К.И., 1921 г. Пугачевский музей №ПМК 136. 2 — с.Суслы, Сар. обл., Рыков П.С., к.40, 1924. СОМК №СМК 46324. 3 — г.Покровск (Энгельс), Шишкун П.Н., к.5, 1919 г. СОМК №НВСП 30834. 4 — с.Яшкуль, Калмыкия, Рыков П.С., 1929 г., к.1. СОМК №СМК 54506. 5 — с.Потемкино, Волгогр. обл., Синицын И.В., к.10, 1951 г. СОМК №АО 1858. 6 — п.Мирный (Фридленберг), Сар. обл., Лопатин В.А., к.3, 1982 г. СОМК №СМК 60026. 7 — с.Казицкое, Сар. обл., Рау П.Д., 1925 г., к.1, п.1. Энгельсский музей №ЭКМ 293. 8 — г.Покровск, Сар. обл., Шишкун П.Н., 1921 г., к.8. СОМК №НВСП 30841. 9 — п.Мирный (Фридленберг), Сар. обл., Лопатин В.А., к.4, 1982 г. СОМК №СМК 60012. 10 — с.Молчановка, Волгогр. обл., Синицын И.В., 3 гр., к.3, 1955 г. СОМК №НВСП 42736. 11 — с.Визенмиллер, Сар. обл., Рыков П.С., к.5, 3 гр., 1925 г. СОМК №НВСП 21201.

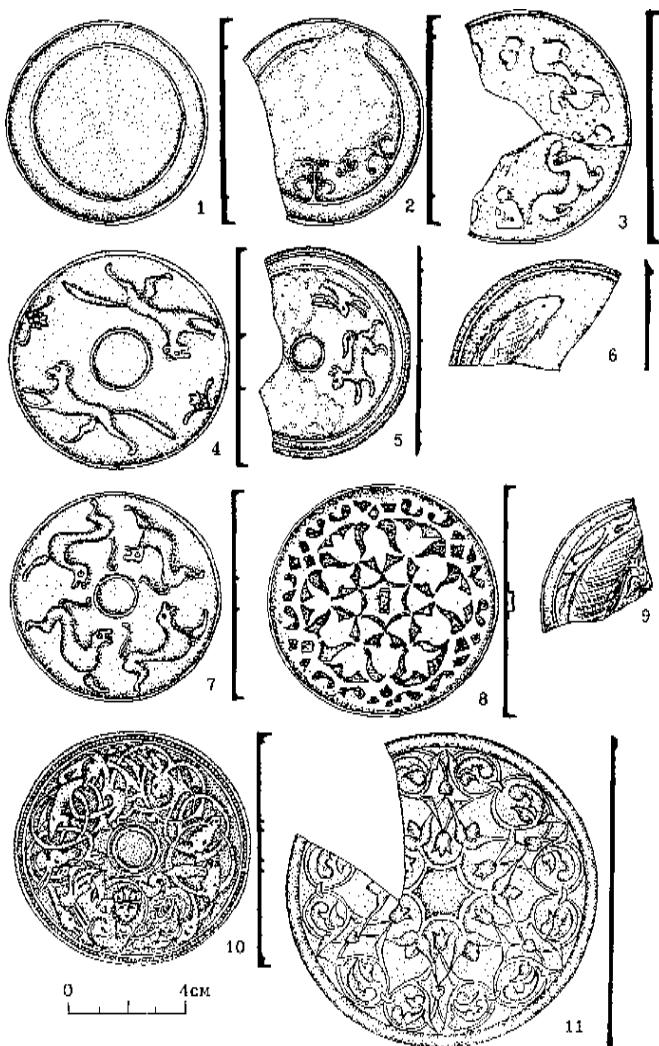

Рис.3. Бронзовые зеркала. 1 — с.Потемкино, Волгогр. обл., Синицын И.В., к.8, 1951 г. СОМК №АО 1856. 2 — с.Сайхин, Волгогр. обл., Синицын И.В., к.2, 1952 г. СОМК №СМК 44366. 3 — п.Джангала, Казахстан, Синицын И.В., к.1, 1948. СОМК №АО 1758. 4 — с.Потемкино, Волгогр. обл., Синицын И.В., к.2, 1951 г. СОМК №СМК 46744. 5 — г.Покровск, Сар. обл., Чернов А., к.2, 1914 г. СОМК №НВСП 30845. 6 — г.Аткарск, Сар. обл., Глазов В.Н., к.13, 1909 г. СОМК №НВСП 30391. 7 — п.Лысые горы, Сар. обл., Рыков П.С., к.1, 1924 г. СОМК №НВСП 30849. 8 — с.Зауморье, Сар. обл., Ляхов С.В., к.14, п.1, 1989 г. СОМК №СМК 62504. То же: с.Зауморье, Сар. обл., Якубовский Г.Л., к.1, п.1, 1988. СОМК №СМК 62431. 9 — устье р.Черемшан, Сар. обл., Орехов В.Ф., 1925 г. Хвалынский музей, №ХМК 357. 10 — Энгельсский музей без номера. Раскопки Рау П.Д. 11 — г.Аткарск, Сар. обл., Коновалов Ф.Н., к.1, 1909. СОМК №54261.

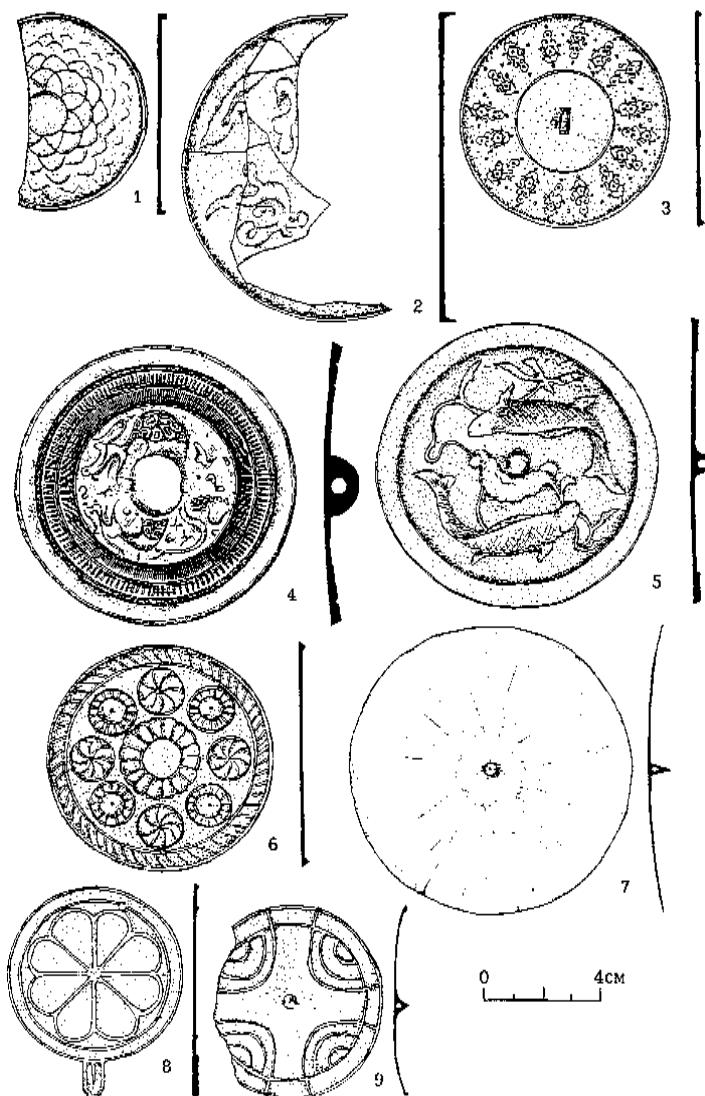

Рис. 4. Бронзовые зеркала. 1 — с.Белая гора (Станция 8), Калмыкия., Рыков П.С., 1929 г. СОМК №АО 1171. 2 — с.Большая Дмитриевка, Сар., обл., случайная находка Юренко И.И. 1960-е годы. СОМК №НВСП 33923. 3 — с.Чардым, обстоятельства находки неизвестны, СОМК №АО 1272/2. 4 — Передано из Саратовского музея изобразительных искусств им. А.Н.Радищева. СОМК №СУАК 2733. 5 — Место и время находки неизвестно, хранится в СОМК без ин. №. 6 — с.Чардым, обстоятельства находки неизвестны, СОМК №АО 1272/1. 7 — р.Сухая Саратовка, Сар., обл., Галкин Л.Л. к.1, п.5., 1975. СОМК №СМК 39878. 8 — г.Покровск, Сар., обл., Рыков П.С. к.5, 1927. СОМК №АО 941/2. 9 — г.Покровск, Сар., обл., Рыков П.С. к.10, 1927. СОМК №АО 945/2.

Франс Баллод

Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (Результаты археологических работ летом 1922 года)*

Глава III.

Развалины Старого Сарая

В село Селитренное, на поездку куда средства были ассигнованы Татнаркомпросом через Татпредставительство в Москве, мы отправились вдвоем с Б.В.Зайковским 9 сентября. Ночью с 11 на 12 сентября мы приехали в Астрахань. 12 сентября знакомились с золотоордынскими древностями Астраханского Музея и посетили Калмыцкий Архив, откуда благодаря содействию профессора Н.Н.Пальмова получили ряд выписок из архивных дел, касающихся с.Селитренного. 13 сентября произвели осмотр Шаренных бугров. 14 сентября, после повторной работы в Астраханском Музее, в 2 часа дня выехали в с. Селитренное, куда прибыли 15 сентября на рассвете. 15 сентября же мы приступили к работам по изучению Селитренского городища, которые закончили 7 октября, когда выехали в Саратов — Б.В.Зайковский с археологическим грузом через пристань Сероглазки, я через Астрахань, т.к. оказалось необходимым получить еще дополнительные сведения у местных деятелей о ранее произведенных в с.Селитренном работах. В Саратов мы оба приехали 13 октября. Для раскопок нанимались рабочие из местных крестьян, от 8 до 25 человек в день, в зависимости от условий погоды и производившихся обследований. Кроме того на площади городища было наложено порайонное собирание монет через пастухов и местную крестьянскую детьвору.

Наша работа началась с съемки плана и вообще детального изучения площади городища, причем изучались не только следы древней жизни на поверхности городища, но было проложено также несколько пробных траншей для установления мощности культурного слоя и щебня и выяснения сохранности и содержания этого слоя. Так, напр., траншея, проложенная у подножия «Черепяного поля», дала возможность убедиться в правильности наблюдений путем изучения самой поверхности, что это «промышленной район»: траншея обнаружила следы кирпичного завода. Другая траншея, на самом «Черепяном поле», подтвердила, что плато это действительно было занято керамическими мастерскими. Все подобные траншеи производились без нарушения сохранности сооружений, на которые мы натыкались, как вообще были вновь зарыты все архитектурные памятники золотоордынской культуры, которые нами были откопаны полностью.

* Окончание. Начало см.: Татарская археология, №1 (2), 1998.

В настоящую публикацию не вошли некоторые маловыразительные иллюстрации (трудно читаемый план городища, отдельные образцы керамики) первоначального издания одноименной книги Баллода (Казань, 1923), по которой печатается эта статья.

Особенности орфографии оставлены в авторском варианте. — Ред.

Площадь Селитренского городища равняется всего приблизительно 36 кв. верстам; она тянется на 12 верст вдоль Ахтубы и версты на 3 в глубь от реки. Волга протекает всего в 6—7 верстах от Селитренного; ее отделяет от Ахтубы низкий остров лугов и бахч, во время весеннего разлива скрывающийся под водою. В древние времена, когда уровень воды был выше, городище, т.о., вероятно, стояло на самом берегу Волги.

Район I

Середину городища, площадь около 3 кв. верст, ныне занимает село (район №1); это как бы центральный бугор системы кряжей и холмов, на которых когда-то раскинулся древний город: вокруг этого бугра образуют почти правильные полукруги все остальные холмы и кряжи. Судя по рассказам о случайных находках и характеру сохранившихся стен и бугров щебня, район №1, по-видимому, наиболее древняя и богатая часть городища, ныне, пожалуй, наиболее уцелевшая. На улицах села видны следы кирпичных стен, облицованных изразцами. На Коммерческой улице (2-ой от Ахтубы) как бы сохранились следы ряда домов, примыкавших к одной улице, параллельной реке. Под домом Погожева (угол Набережной улицы и Третьего переулка, считая от Кучугур) сохранился кибиткообразный погреб — зернохранилище: такое же зернохранилище (ныне вовсе разрушенное) было обнаружено ранее, в 1888 году, К.Н.Малиновским¹ на той же улице под домом Гончарова. На Набережной улице рядом с домом Погожева видны следы стен каких-то подобных же сооружений. На Коммерческой улице, на северо-западном ее конце, крестьянин И.С.Кондаков указал нам двор, откуда адмирал Балашов увез в Петербург изразцовую новую мозаичную надпись из стены стоявшего строения²; приезжавшие в Селитренное татары мусульмане будто бы совершали перед этой стеной молитвы; ныне сохранилась лишь груда щебня, покрытого землею заросшего травою. Небезинтересно отметить, что в «Отчете» Малиновского о поездке его в Селитренное в 1888 году³ сообщается, что в начале XIX ст. «у села Селитренного находились остатки древнего ханского замка и татарской мечети», которые однако уже в 1827 году «ничего другого не представляли кроме разрытых ям и бугров из кирпичного щебня». Ввиду того, что согласно «Отчета» Малиновского⁴ бугры эти находились вблизи башен Селитренного завода, явно речь идет и в рассказе Кондакова, и в отчете Малиновского, об одной и той же мечети; развалины дворца («замка»), возможно, скрываются под теми громадными буграми щебня, рядом, которые еще ныне, хотя изъезженные и частью застроенные, столь внушительно замыкают северо-западную горную часть села. Если здесь действительно сохранились следы «ханского замка», то приходится сказать, что место для «замка» было выбрано идеально: дворец поднимался над самым берегом Ахтубы, на самом высоком из Селитренских холмов.

В XVIII столетии в самом селе или подле него безусловно возвышались еще некоторые древние строения; это явствует из

выписок из дел Астраханского Калмыцкого Архива (предоставленных мне проф. Н.Н.Пальмовым): 1) Дело 1717 года №5, Л.80, от 17 июля 1717 года, Чакдоржан пишет Чирикову: «И я с милостью твою об урочище Бълой Мечети ниже, или выше хочу видеть и словесно переговорить»; 2) Л.110, от 19 августа 1717, Чакдоржан пишет Чирикову: «Хочу с тобой видетьца у Зеленої Мечети, где новую селитру варять»; 3) Дело 1719 г. №6, Л.70, от 1 марта 1719 г., Чакдоржан пишет астраханскому боярину: «Которые на Ахтубе в урочище у Зеленої Мечети, і варят великого государя селитру, і тот де городокъ, которые наши люди уйдут, и они нам не выдаются».

Селитренный завод, от которого село получило свое название (и от которого сохранилась лишь одна стражевая башня), стоял рядом с предполагаемой мечетью, частью на тех громадных грудах щебня, о которых говорилось выше; вполне возможно, что основатель селитренского золотоордынского города и строитель русского завода времени Петра I в одинаковой мере считали целесообразным для большой безопасности от возможных нападений избрать для «замка» (цитадели?) и для укрепленного завода наиболее высокий холм. Нами в этом районе из одной из стен был вынут кусок извести с мозаикой и найдены: несколько изразцов с рельефным орнаментом в виде растительных мотивов, кусок прекрасного целадона с рельефным орнаментом, фрагмент витого браслета из темно-красного стекла, золотоордынский замочек и несколько бусин. Один из крестьян принес позднюю металлическую печать, найденную у него на дворе. Монет в этом районе ни нами, ни нашими собирателями не было найдено вовсе. Однако на берегу Ахтубы, напротив села, после бури выбросило 2 медные римские монеты IV в., серебряный диргем, 2 монеты Токтогу 710 года Ст.-Сарайского чекана, 10 монет времени Узбека. По рассказам крестьян, ранее встречались монеты серебряные и медные «мамайские», редко золотые — всего 8,⁵ много было откопано всяких золотых вещей, напр., блюдечко надписью, серьги, фигурки людей, перстни (два перстня сохранились) и браслеты (один спиралевидный браслет со «змеиными головками» был продан недавно). Малиновский сообщает, что около села на берегу реки был найден кожаный кошелек с 2^{1/2} или 3 сотнями серебр. монет, которые были отправлены в Археологическую Комиссию в Петербург. Часто встречаются водопроводные трубы; напротив дома почтаря сохранился колодезь (см. ниже). В общем создается впечатление, что одна из наиболее благоустроенных частей города, притом состоявшая исключительно или почти исключительно из кирпичных построек, примыкавших к крупнейшим сооружениям на самом высоком месте этого центрального бугра, и сохранилась наиболее хорошо (ибо из-за крестьянских изб здесь было нельзя добывать кирпич), и содержит наиболее древние, богатые и ценные остатки былой жизни. Этот район описан Палласом⁶: «Небольшая для прикрытия селитренной работы построенная, но ныне со всеми находящимися в ней строениями в крайний упадок пришедшая крепость, лежит на том

холму, на котором вероятно главнейшее строение города и, как кажется, большою стеною окруженный замок находился. Там видны еще великие остатки двух зданий, из коих великолепнейшее... от развалин, в коих оно находилось, очищено было; другое же, судя по оставшимся следам, кажется, было жилым домом со многими небольшими отделениями. Первое строение по оголившимся стенам основания и по сводам могил, из коих доселе великие богатства и гробы совершенно серебром обитые выкапывали, ни за что иное почитать можно, как за могилу, в которой погребен какой-нибудь Хан, или за памятник с часовнею построенный. Все здание представляет вид продолговатого четырехугольника от северо-востока к юго-западу в длину на 12 сажень, а по фасаду, в южную сторону простирающемуся, по-видимому, почти девять сажень с половиною в ширину имеет. В нем ясно приметны два почти равные отделения, и к северу лежащее заключало в себе настоящую могилу, где еще видны скрытые гробы. Напротив того, южное отделение, особенно по фасаду, которого стены в вышину почти девять сажен, а основание толщину более двух локтей имеет, было украшено готическими пилистрами, столбами и сводами, коих остатки еще доныне видны. На всех еще поныне оставшихся стенах, кои из прекрасных кирпичных плит весьма правильно построены, видно великолепие и красота, кокой я еще нигде при Татарских развалинах не видал. Внешняя сторона стен не только по некоторым пространствам, во всех уступах с муравленными украшениями из глины зеленого, желтого, белого и синяго цвета треугольниками и другими фигурами украшена, но также на главнейшем фасаде сего строения приметны остатки готической щекатуры, которая такими же муравленными фигурами, представляющими цветы улиткового изображения, даже целыми изразцами на подобие мозаики украшена была... Еще и поныне слышно о могилах и драгоценностях, кои прежде сего здесь собираемы и выкапываемы были»...

И с юго-востока площадь села замыкается бугром — «Маячным», некогда также покрытым, судя по рассказам крестьян, богатыми развалинами⁷; ныне бугор частью застроен, частью изрыт, частью представляет площадь почти без всяких следов древнего жилья (особенно вокруг ветр. мельницы). Также здесь более монет не находят.

Возможно, что центр города (ныне село) был окружен стеною и бугры Селилренный и Маячный являлись одновременно и чем-то вроде фортов, и были застроены лучшими дворцами и зданиями общественного характера. По Крайней мере Паллас определенно говорит о «большою стеною окруженному замку» на холме «Селилренном», а о мощных стенах, откопанных на бугре «Маячном», рассказывают крестьяне.

Район II

К северу от села лежит район II, в своей северной, более отдаленной от села части ныне находящийся под влиянием окрестных

дюнных песков и в настоящем году частью засеянный камарчуком. В этом районе следов кирпичных строений не сохранилось вовсе; за день до нашего отъезда из Селитренного бурею раздуло дюну, в результате чего выявился ряд саманных построек, окруженных общею оградою. Весьма значительно количество черепков, попадающихся в этом районе; реже встречаются образцы керамики поливной, зато керамика простая из обыкновенной красной гончарной глины представлена в виде обломков больших и малых горшков, кувшинов, мисок и бутылок.

По-видимому, район II был заселен преимущественно городскою беднотой, частью же просто представлял площадь, где разбивались шатры, когда в город наезжали кочевники. Монет в этом районе было собрано 108, из них 31 времени Узбека, 47 — Джанибека, 11 — смутного времени, 19 — нечетких.

Район III

Район III, к востоку от села, частью на низине за Маячным бугром, частью на холмах первого кряжа, полукольцом охватывающего село, поражает правильными кургановидными контурами тех бугров, которыми усеян. Высокие места этого районам ближние к садам Киселевки (Селитренских выселок) и известные под названием Черепяного поля, совершенно покрыты битой посудой; попадаются даже цельные экземпляры кувшинов, чаш и горшков. Иногда встречается брак или посуда недоделанная, например, лишь приготовленная для поливы (найдена почти цельная чаша). Проложенная нами траншея №1 (3 x 1 арш.) дала сплошной слой (толщиной в $\frac{1}{2}$ аршина) безусловного брака, в том числе кувшин без носика, корчагу без днища, чашу со следами ангоба и разбитую бутылку из красной глины; другая траншея №2 (6 x 1 арш.) — мусорную яму (1 x 1 арш.), в которой были обнаружены 2 костяных черенка, бронзовый замочек, цельный светильник из красной глины, большая корчага без днища, некоторое количество черепков посуды, бывшей в употреблении, 2 монеты времени Узбека и, наконец, большое количество просяной шелухи.

Около самого села, на дворе предпоследней усадьбы Киселевки, оказался значительно разрытым для добычи кирпича один из курганных бугров; оставшуюся часть бугра детально обследовать путем раскопок, к сожалению, было нельзя. Тем не менее удалось выяснить, что бугор содержит остатки сводчатой печи, сложенной из золотоордынского самана и частью кирпича; печь, по-видимому, служила для добычи поташа из золы травянистых степных растений, т.к. в развалинах печи было обнаружено громадное количество золы, небезынтересно, что еще ныне крестьяне с. Селитренного жгут траву «поташник» для этой цели.

Дальше к северо-востоку, на склоне кряжа, проведенные через один из бугров 2 траншеи №3 (2 x 7 арш. и 1 x 3 арш.) дали следы кирпичного завода; под таким же кургановидным бугром была обнаружена громадная груда сильно обожженных кирпичей и шлаки; но

т.к. завод, по-видимому, служил каменоломней для добычи кирпича, весь пригодный для постройки материал оказался вынутым из стен, стены поэтому оказались совершенно разрушенными и дальнейшие раскопки совершенно бесцельными.

Еще далее к северо-востоку, на поверхности бугров, также со следами сильного огня и с большим количеством кирпича, потемневшего от огня, были обнаружены шлаки железные и медные, а также отдельные слитки меди, что позволяет предполагать здесь литейные заводы. Весь район III занимает площадь не менее 3 квадратных верст; сравнительно хорошо заметных кургановидных бугров насчитывается всего до 90. Монет было найдено всего 11, из них 7 временем Узбека, 4 времени Джанибека.

Район IV

Район IV, не менее 5 кв. верст, к западу и северо-западу от села, по-видимому, был застроен сравнительно более богатыми кирпичными строениями, облицованными изразцами и украшенными мозаикой и мрамором; район занимает низину к северо-западу от Селитренного завода и кряж, известный у крестьян под названием «Кучугуры». Наиболее северная часть «Кучугур» достигает высоты, почти равной «замковому» холму и была окружена валом (или стеною), следы которого сохранились. Здесь строения, вероятно, отличались совершенно исключительно роскошью, т.к. изразцы встречаются наряднее, с узорами, мозаики больше, голубых поливных кирпичей даже теперь осталось много. Попадается мрамор белый и пестрый с коричневатыми или серыми жилками. Черепками поливной и простой керамики весь район IV буквально усеян, но поливных особенно целадона больше на «богатом бугре Кучугур» (см. рис.9); встречается много обломков каменных котлов, часто со следами огня; были найдены поделки из кости и металла. Район безусловно производит впечатление квартала населенного, с богатым (торговым?) центром на «Кучугурах».

Районы V и VI

Район V, между Кучугурами и Красным бугром, более 3 кв. верст, иного характера. Следы вала (?) и площадь (?) отделяют от него приахтубинскую (южную) часть со следами богатых строений, украшенных мозаикой и изразцами; здесь нами была откопана группа строений: №3, 4, 5. Северная часть района выявляет несколько широких улиц и площадей; сохранились следы прудов и рвов; местами поверхность района усеяна шлаками и кусками сплавившихся фрагментов поливной керамики, поливы и стекла; местами встречаются черепки посуды, бывшей в употреблении, вообще много поливной и простой керамики, иногда целадон, часто куски каменных котлов. Нами было здесь откопано, строение №2, оказавшееся мастерской ремесленника.

На площади района VI между «Красными буграми» и «Змеиными», сохранились следы вала, отделяющего приахтубинскую часть, одноха-

рактерную с приахтубинской района V, от северной, однохарактерной с северою частью того же района V.

Монет собрано: золотоордынских в районах IV и V всего 1042 шт., из них Токтогу — 6, Узбека 259, Джанибека 115, времени смут 537, времени распада З. Орды 119; около группы строений №3, 4, 5 (район V) был найден клад из 122 серебряных монет периода распада Золотой Орды, астраханских самого конца XIV века и первой половины XV, но также Сарайского чекана того же времени. Кроме того, вблизи Селилренного завода 20 коп. Екатерины II (1780 г.), в низине между селом и Кучугурами и на Кучугурах — литовская Сигизмунда I (1548), медная тверская Михаила Борисовича (1461—1485), 2 серебр. копеечки Михаила Федоровича и полушка Петра I (1722).

Некрополь

Змеиные бугры и цепь дюнных холмов к северу от районов III, II, IV, V и VI, а также Каменный бугор к востоку от Черепянного поля, представляют собою древний некрополь. На Каменном бугре, в 6 верстах от села, крестьяне при добыче кирпича не один раз «открывали могилы, выложенные им (т.е. кирпичом), выходы со сводами и дерев. гробы» — говорит Малиновский⁸; в настоящем году была откопана «кибитка» (см. ниже). На дюнных холмах ветер выдувает из-под песка целые строения (турбы), иногда ряды скелетов. Несколько лет тому назад ветром выдуло костики всадника и коня. Мы обнаружили после бури стену саманного здания; часто встречаются изразцы и кусочки мозаики, местами черепки поливной и простой керамики, редко обломки железных топоров и стрелы. Встречается и керамика архаическая. На одном из дюнных холмов мы обнаружили глиняную площадку (3 арш. 9 вер. х 6 арш.), осью с востока на запад, на ней лежало значительное количество архаических черепков. Под площадкой ничего не оказалось. На другом холме мы нашли кремневую и бронзовую стрелу, 2 терки даниловского типа и часть бронзового ножа. Найденные монеты относятся: одна с Змеиного бугра к концу XIV ст., с песков — одна ольвийская монета и золотоордынские, относящиеся ко времени Узбека — 2, к началу XV ст. — 1. Но холмы некрополя и после золотоордынского периода служили кладбищем, об этом свидетельствуют саманные саркофагообразные могилки на песчаном холме к северо-западу от села у «Солончатого озера» и киргизская мазарка на другом холме, к северо-востоку от села.

В районе некрополя, к северу от села, как раз против сельской церкви, за дюнными холмами выделяется бугор, на котором груд кирпича или щебня не сохранилось вовсе, но все же встречаются отдельные обломки изразцов и кирпича. Холм этот невольно сопоставляется со словами Палласа: «Около полуторы версты от Селилренного городка к северу, достопамятен большой ныне совершенно разрытый курган, к которому Кундуровские и другие татары, когда только близ оного бывают, суеверием побуждаемые ходят по обещанию для отправления при оном их молитв; ибо по их преданию

погребен там один святой из их веры. По той причине, называют они сие место Джигит-Хаджи, от чего происходит также и то, что Селитренный Городок называют многие вообще именем Джигит». Как раз в поисках этого «кургана» мы обследовали весь район к северу от села и обнаружили только указанный выше холм, стоящий совершенно отдельно, действительно напоминающий громадный курган и отстоящий от села верстах в $2-2\frac{1}{2}$. Обследуя холм, мы на южном краю его увидели площадку, осью с севера на юг, из 4 рядов самана, положенного елочкой; вокруг площадки оказался заливной слой глины. Под этой площадкой мы обнаружили мозаичный пол строения №1, откопанного нами. Вблизи этого холма, ближе к селу, ветром раздуло 5 горнов, один из которых был полностью нами откопан. В районе строения №1 и горнов найдены 2 монеты времени Узбека и 1 — начала XV в.

* * *

В общем на территории древнего городища и некрополя найдено 2300 монет, из них 150 оказались вовсе негодными, 630 неопределенные в виду разъеденной поверхности; остальные оказались — античных 4, серебр. диргем Х в. — 1, Токтогу 1310 г. — 8, Узбека — 421, Джанибека — 169, Бирдигека — 3, времени смут, от Кульна до Тохтамыша (1360—1400) — 727, времени распада З. Орды (от Тимура до образования Казанского, Астраханского и Крымского Царств) — 191, поздних второй половины XV или начала XVI ст. — 28; кроме того: западноевропейских средневековых — 1, «тверское пурло» XV в. — 1, литовская Сигизмунда I — 1, Михаила Федоровича — 2, Петра I — 1, Екатерины II — 1.

Как мы видели, наиболее древние монеты — римские, арабский диргем, 2 монеты Токтогу — были обнаружены на берегу Ахтубы, вблизи I района, свидетельствуя о большей древности центра города; район III (промышленный) дал монеты исключительно времени Узбека (64%) и Джанибека (36%); предполагаемый «Хаджи Джигит» — 2 монеты Узбека, 1 — XV ст.; район бедноты и шатровый (II) — времени Узбека — 35%, Джанибека — 53%, времени смут — 12%; районы IV и V — Токтогу $1\frac{1}{2}$ %, Узбека старо-сарайского чекана — 14%, ново-сар. чекана — 8%, Джанибека — 9%, времени смут — 58%, времени распада З. Орды (XV — нач. XVI в.) — 10%, русских (1461—1780) — $1\frac{1}{2}$ %, а кроме того клад, о котором говорилось. Если сопоставить эти данные, бросается в глаза наибольшая древность, явное существование еще до золотоордынского города, центра, расцвет промышленного (III) и торгового и ремесленного и обывательского (IV и V) районов при Узбеке (первая половина ханствования), заметное сокращение их при Джанибеке; потом замирание района III после Джанибека и новый расцвет IV и V районов — в период смут и продолжение здесь жизни после Тамерлана. Лишь II район показывает больший наплыв монет при Джанибеке, чем до и после него, а вообще существование лишь со времени Узбека. Итак, город как бы развивается до первой половины

ханствования Узбека (включительно), потом наступает в жизни города перемена к худшему, хотя город и остается промышленным центром; чаще наведываются кочевники. Лишь в период смут в город вновь стекаются золотоордынские богатства и в небывалом ранее количестве; найденные монеты свидетельствуют об оживленных сношениях в эпоху 1361—1400 с другими городами орды: Булгаром, Гюлистаном, Тарджином, Харезмом, Азаком, Хаджи Тарханом и Мухши. Со времени второй половины ханствования Узбека новосарайские монеты вытесняют ранее преобладающие старосарайские, которые вновь появляются в значительном количестве в конце XIV столетия и в XV, вообще составляя 52% всех собранных; невольно бросается в глаза, если сопоставить с монетным материалом других городищ, сравнительно небольшой процент монет времени Джанибека (обычно подавляющих количественно остальные), как будто в жизни города при Узбеке произошла перемена, которая отразилась на благосостоянии города именно в ханствование Джанибека.

Собранные нами керамика отличается совершенно исключительным богатством. Не говоря уже о том, что городище дало совершенно цельные сосуды, разнообразие фрагментов по характеру орнамента и самой выделке столь велико, что, по-видимому, нет непредставленного вида. Керамика красная из обыкновенной гончарной глины без поливы представлена в виде больших корчаг, горшков, кухонных и цветочных, больших и малых кувшинов, сосудов с коническим дном, сосудов бутылкообразных, кумганов, блюд, чаш и светильников, с орнаментом обычного рисунка резным, лепным и без него. Керамика из гончарной же глины, но поливная — желтая, зеленая, голубая и синяя (без орнамента или с орнаментом резным в виде спирали, розеток или вообще мотивов растительных и рельефным в виде розеток и шнурков) — судя по черепкам — преимущественно выделялась в виде блюд, тарелок, чаш и кувшинов (найдено много ручек): фрагмент с «Богатого бугра» позволяет предположить подносы. Несколько черепков грубой отделки позволяют утверждать, что золотоордынский мастер (в более позднюю пору?) решался покрывать керамику из обыкновенной гончарной глины орнаментом и поливой обычными для керамики из глины бело-желтой. Керамика из бело-желтой глины (с орнаментом рельефным или кистевым, реже без орнамента, сине-белая, сине-черная (см. рис.10) одноцветная белая, голубая, синяя — дает чаши, миски, чернильницы. Керамика из целадона, найденная в громадном количестве, по-видимому, была представлена чашами, мисками и вазами (?); один кусок (от вазы?) оказался украшенным рельефным орнаментом в виде стилизованных растительных мотивов; фрагмент чаши снаружи оказался покрытым рельефным рисунком стилизованных лепестков. Сверлины на некоторых фрагментах позволяют предполагать металлические ручки (такая ручка из меди была найдена). Несколько кусков было собрано белого фарфора, в небольшом количестве мелкие фрагменты керамики из серой глины с белой поливой и пестрыми и кистевыми

растительными мотивами. Обломков котлов из камня (чугуна? — ред.), орнаментированных и без орнамента, иногда с дырочкой близ днища, иногда закопченных сажей, на городище оказалось чрезвычайно много. Кучугуры дали медный ковшик, район IV и V — по куску чугунного котла. В процентном отношении собранные фрагменты керамики поливной и без поливы, а также из целадона и кам. котлов распределяются след. образом:

Для районов	II	III	IV	V
без поливы	85	90	40	35
с поливой	10	5	40	45
целадон	—	—	5	5
котлы	5	5	15	15

для «Богатого бугра»: без поливы — 25%, поливных — 50%, целадона — 20%, котлов — 5%.

Таким образом, судя по этому материалу, после района I, наиболее богатым являлся «Богатый бугор», затем район IV, бедным — район II; обилие прекрасных поливных черепков в районе V, б.м., объясняется присутствием здесь соответствующих мастерских.

Поливные кирпичи, почти исключительно голубые, были найдены во всех районах, кроме II и III; изразцы с белой или бело-серой исподкой, одноцветные, белые, голубые, синие, черные (редко) и желтые, редко с кистевым рисунком или позолотой после обжига, часто с орнаментом кистевым и рельефным в виде растительных мотивов и арабесок, выполненным до обжига, изобиловали преимущественно в районах IV и V (также I), но встречаются и в VI и VII в достаточно значительном количестве. Можно с уверенностью сказать, что в районе II не было вовсе строений облицованных поливными кирпичами или изразцами.

Описывая в дальнейшем откопанные и детально обследованные нами строения городища, я размещаю эти описания в порядке нумерации районов; намечены для раскопок были те бугры городища, которые по нашему мнению могли способствовать выяснению значения районов и их датировке.

Глава IV.

Описание обследованных в Старом Сарае строений

Район I

Строение №8

Сводчатое золотоордынское строение под домом Погожева (см. рис.11), ныне служащее погребом, представляет в плане правильный круг, 6 арш. диаметром; четыре ниши, 1 арш. 6 вершков глубины, 2 арш. ширины и 1 арш. вышины, с килевидною аркою, выступают крест на крест за пределы круга. Стены строения в своей нижней части (первые 16 кладок кирпича) образуют цилиндр, над которым сооружен куполообразный свод, частью (22 кладки кирпича) сохранившийся. Ныне устроен досчатый потолок, отстоящий от пола строения на 2 арш. 7 верш. С северо-запада в строение ведет

сводчатая дверь, 2 арш. 1 верш, вышины, 2 арш. ширины. Все строение напоминает форму кибитки и вместе с другими подобными же строениями известно у местных крестьян под названием «кибитки». По рассказам крестьян, в настоящем 1922 году «кибитка» была откопана на Каменном бугре, кирпич использован для хозяйственных нужд копавшим владельцем соседней бахчи и сада. Малиновский рассказывает⁹ о подобном же строении следующее: «Я отправился... для осмотра случайно открытого (кузнецом Гончаровым)... странного подземного сооружения.., имеющего форму шатра или кибитки, хотя в общем круглого, но удлиненного несколько в одну сторону, с потолком в виде приподнимающегося к центру свода... Стены помещения из широкого, но не толстого старинного жженого кирпича, плотно уложенного; стены у подъема к своду и самый свод тщательно выровнены, сглажены, пол земляной, только по краям видны отдельно наложенные кирпичи; в передней и задней стороне удлинения постройки (идущего от входа к противоположной стене) находятся неглубокие выемки, как бы ниши, имеющие форму очка червонной масти или сердца, как обыкновенно изображают, поставленные острым концом вверх, от основания пола на $\frac{3}{4}$ арш. высоты. Высота внутренности помещения от пола до высшей средней точки куполообразного потолка оказалось равною... 2 арш. $6\frac{1}{2}$ вершкам... и диаметр пола... 7 арш. 6 вершк...»

Ныне «кибитка» Гончарова разрушена, т. к. кирпич был разобран при постройке нового дома. По рассказам крестьян, вообще «кибиток» было открыто более 10 в районе Набережной улицы и около Каменного бугра. В «кибитках» находят иногда «закромы с остатками проса», иногда «погребения с богатыми украшениями возле костяков и сосудами».

Кирпич всех «кибиток» типичный золотоордынский; кладка — на известии. Пол земляной; стены иногда бывают оштукатурены. Штукатурка частично сохранилась и на стенах «кибитки» под домом Погожева.

Колодезь (строительство №7)

На Почтовой улице села, напротив дома почтаря, сохранился колодезь, сложенный из золотоордынского кирпича, на глине (см. рис.12). Ныне колодезь загрязнен и без воды; дно его затянуло песком. Тем не менее, он достигает глубины 10 арш. 12 вершк. В 1911 г., по распоряжению Енотаевского исправника, будто бы была произведена чистка колодца, давшая глубину для выложенной кирпичом шахты в 21 арш., а под шихтой оказалось деревянная рама. Вода была прозрачная, хорошая, без привкуса соли; среди щебня и мусора в колодце оказалось много «мамайского кирпича и игрушек» (т.е. поливных черепков). Диаметр шахты 1 арш. 4 верш., стены сложены из обычного квадратного кирпича, размером $4\frac{3}{4} \times 4\frac{3}{4} \times 1$ верш., в первом сверху, третьем и следующих рядах кирпичи положены плашмя, по $13\frac{1}{2}$ кирпичей в ряду, в 2-ом сверху ряду — 56 кирпичей, установленных на ребро (см. рис.13.)

Район II**Группа строений №9**

Под дюнными песками в $\frac{1}{4}$ версты к северу от третьей мельницы (считая с запада) ветром раздуло группу строений из самана (правильнее — сырца), расположенных осью с севера на юг (см. рис.14). Большее из строений (наиболее восточное), 12 арш. длины и 7 арш. ширины, состояло из двух комнат. Следующее, среднее, 6 арш. длины и 5 ширины, по-видимому, сохранило следы входной двери в восточной стене; его отделяла от первого строения ограда в один саман, отстоящая от первого строения на 1 арш., от второго на 7 арш. В 3 арш. от второго, среднего, строения выявилась часть третьего, лишь на 6 арш. (с запада на восток) выступающего из-под холма песка; восточная стена его оказалась 10 арш. длины. С востока и севера от этих 3 строений раздуло толстую ограду (12 верш.), которая явно окружала всю усадьбу; вход в усадьбу оказался с севера. Саманы, составлявшие стены домов и ограды, были обычного типа, квадратные, 6 x 6 x 1 или 5 x 5 x 1 верш. К стенам среднего строения были проложены 4 подходные траншеи; обнаружилось, что сохранились 5 рядов кладки; с востока перед входом оказалась площадка глино-земляная, заливная. Внутри дома был обнаружен такой же пол. Никаких следов очага, а также поделок найдено внутри дома не было. Вблизи усадьбы было собрано несколько черепков неполивной золотоордынской керамики из обыкновенной гончарной глины.

Район III**Строение №10**

Строение №10, построенное из самана (сырца) и глины, частью кирпича, было нельзя обследовать детально, т.к. две трети кургана, содержавшего строение, оказалось скрытыми и превращенными в мусорную яму; одна треть, составляющая часть крестьянской усадьбы, оказалась недоступной для работ. Было видно, что в средине кургана, диаметром 37 арш., сохранились остатки круглой, сводчатой громадной печи, сложенной из самана, более 2 арш. высоты; с юга к печи примыкала сплошная масса самана, покрытого глинобитным насыпом; в этой массе была видна уходящая вглубь кургана камера, заполненная золою, 1 арш. высоты и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины у основания. В печи оказалась в громадном количестве поташная зола.

Район VII**Строения №6 (горн)**

Приблизительно в 2 верстах от села, на северном склоне дюнного холма, ветром частично обнажило 5 горнов из самана (сырца), образующих острый угол с вершиною к востоку, диаметром — первый северный — 3 арш., второй, в 9 арш. от первого, — 3 арш., третий угольный, восточный, в 4 арш. от второго, — 5 арш., четвертый, в 7 арш. от угольного, — $4\frac{1}{2}$ арш., наконец, пятый, южный, в 10 арш. от четвертого, — 4 арш.

Нами был обследован четвертый горн, который оказался сложенным из саманной лещатки 7 вершк. длины, 2 в. толщины, 5 вершк. ширины на узком конце, 6 в. на широком. Сохранились 22 ряда кладки на глине (см. рис.15). Горн образует цилиндр с диаметром основания в 5 арш. и высотою 4 арш. 12 вершков; 5 верхних рядов кладки самана, снаружи значительно выветрившиеся, выявляют стремление путем постепенного напуска образовать свод. Над срединою дна горна лежала громадная куча сильно обожженного самана, такой же окраски и твердости, как стены горна: по-видимому, груда эта представляла остатки рухнувшего свода и трубы. На глубине 3 арш. 10 вершков, а именно над 4 рядом самана снизу (см. план), внутри горна, в сев.-зап. части цилиндра выдавались из стены на 3 вершка 2 самана (= 11 вершков), а по ту и другую сторону от этого выступа оказались в стене отверстия 8 вершков длины и 2 вершков высоты. Стены горна внутри были совершенно черные, покрыты копотью, под копотью черно-фиолетовые, а снаружи красные; окраска самана, безусловно, являлась результатом сильного огня, разводимого в горне. На дне горна, среди угля и золы (слой в 1 в.) лежал совершенно цельный кирпич (5 x 5 x 1 в.) и половинка синего изразца.

Строение №1

Приблизительно в 100 саженях от горнов возвышается песчаный холм, напоминающий правильные круглые очертания насыпного кургана (см. рис.16). На поверхности этого холма кое-где валяются отдельные кусочки поливного кирпича и изразцов; черепков глин. Посуды не встречается вовсе. Диаметр холма 92 арш. (окружность 277 арш.). На поверхности холма, в ее юго-восточной части, мы увидели посередине саманной заливки неправильной формы (прибл. 6 x 9 арш.) площадку (2 ар. 8 в. x 1 ар. 6 в.), осью с севера на юг, сложенную из четырех рядов самана (8 x 3 x 1 в.), расположенных в две елочки.

Убедившись, что вокруг всей заливной площади, а также площадки, нет никаких стен, мы сняли саманную площадку, обнаружили под нею слой белой заливки, толщиною в 1 верш., а в 10 вершках под этой последней — пол, устланный 6-угольными плитами из известняка и треугольными изразцами. Пол, оказалось, принадлежал зданию, которое и было нами откопано.

Здание состояло из двух частей — южной, более богато отделанной, и северной, более скромной. Южная часть, 5 ар. 14 в. ширины и 8 арш. 7 в. длины, состояла из выступа к югу с полом из 36 шестиконечных звезд (3 арш. 15 в. x 3 арш. 15 в.), окруженных кирпичной дорожкой (к югу в 2 кирпича, к востоку и западу в 3 кирпича и к северу в 5 кирпичей — $4\frac{3}{4}$ x $4\frac{3}{4}$ x 1 в.). Шестиугольные плиты и изразцовые треугольники, составлявшие звезды,¹⁰ и кирпичи дорожек, оказались: первые — уложенными в цементную заливку, вторые — скрепленными тою же массою. Красивые белые швы резко выделялись между ярко-красными кирпичами. К северу от пола, на 5 вершков выше уровня его, возвышалась площадка, с юга

обмазанная цементом, оштукатуренная тонким слоем гипса и выкрашенная в темно-красный цвет. Сверху площадка, по-видимому, была устлана кирпичом или изразцами, от которых однако сохранились лишь отдельные куски; сама площадка являлась насыпной из темной земли. В эту более богато отделанную половину строения вели двери с востока, по-видимому, двойные; сохранились части деревянного порога 1 арш. 8 в. длины и 3 вер. ширины. С запада к северной кирпичной части пола и к возвышению примыкал кирпичный же, частью саманный, пол коридора (сперва $1\frac{1}{2}$ арш., потом 3 арш. ширины), имеющего особую входную дверь с запада и ведущего в другую половину дома, в жилую комнату, 4 арш. х 4 арш., отделенную от остальных помещений стеной из самана (5 х 5 х 1 в.). К востоку от пола жилой комнаты и возвышения в другой половине дома (за саманной стеной) оказалась устроенной площадка $5\frac{1}{2}$ арш. длины и 14 вершков ширины; на этой площадке была построена горизонтальная печь, 4 арш. длины, со сводчатою топкою и топочным отверстием 8 вершков ширины. Горизонтальный дымоход, $5\frac{1}{2}$ в. ширины и $8\frac{1}{2}$ в. вышины, как и вся печка, оказался сложенным из самана; он выходил в вертикальную трубу около восточного входа в дом. Стены дома были из еловых бревен и лишь восточная и северная в частях, примыкающих к жилой комнате, оказались сложенными из самана (5 х 5 х 1 в.). Пол жилой комнаты кирпичный. В печке было найдено незначительное количество бараньих костей, несколько белых изразцов и черепков простой керамики из обыкновенной гончарной глины. В сохранившейся части вертикального дымохода лежали куски гончарной дымоходной трубы и синий изразец с кусочком кожи, к нему прилипшим. На полу жилой комнаты был найден гвоздь и черепок с остатками ярко-красной краски; среди мусора и щебня было обнаружено несколько голубых и белых изразцов. Вообще, щебень и строительный мусор покрывали только жилую комнату и возвышение в другой; над узорчатым полом лежал чистый дюнний песок; казалось, что наблюдается какое-то особо бережное отношение к богатой части строения, даже после его разрушения, в частности, выразившееся в удалении щебня и устроении саманной площадки. Под всем строением был обнаружен заливной саманно-земляной ватерпасный слой в 1 вершок толщиной.

Т.к. строение построено на песчаном дюнном холме, то золотоордынский зодчий предварительно решил укрепить пески холма; с этой целью оказалась вырытой траншея 1 арш. 12 в. глубины и 1 арш. ширины, как раз под наружными стенами жилой половины дома и пятикирпичной дорожной пола парадной половины. В траншее была сложена саманная стена из 8 рядов кладки по два самана (6 х 6 х 1 в.) в ряду и с засыпкой между ними; стена — держала 7 еловых бревен 1 арш. 10 в. длины и 3 вершков толщины. На уровне верхушек этих бревен была сложена саманная дорожка в 2 ряда кладки из саманов, по очереди, 10 в. длины и 5 в. ширины, или 2 саманов, 5 х 5 в. (при толщине в том и другом случае в 1 верш.).

Район V**Строение №2**

В районе V, севернее прудов, явственно выступают контуры широкой улицы, идущей с запада на восток; к северу от этой улицы выделялся большой бугор 63 аршина длины, 49 арш. ширины, и до 2 арш. высоты; напротив — заметны следы горна, судя по значительному количеству шлаков. Этот бугор было решено обследовать, т.к. предполагалось, что он содержит одну из мастерских V района, и с этой целью были проложены 4 подходных траншеи. Траншеи вскоре обнаружили большое здание, деревянные (дубовые) стены которого истлели, частью, по-видимому, сгорели. Очищенное из-под трехаршинного слоя мусора и щебня, здание, в плане в виде трапеции, со стенами юго-востоко-восточной и северо-западо-западной в 30 арш. 8 в., юго-западо-южной в 26 арш. 5 в., северно-северо-восточной в 28 арш. 11 в., дало 6 комнат (см. рис.17.). Комната I (10 арш. длины и 6 арш. 10 в. ширины) с отдельным входом с юго-юго-запада, имела около северо-западо-западной стены лежанку (3 арш. 8 в. ширины и 6 арш. 10 в. длины и 12 в. высоты), оказавшуюся горизонтальною печью, с «каном», с двумя горизонтальными дымоходами, сложенною из самана и с топкою из соседней комнаты II. Пол комнаты заливной саманно-земляной, стены оштукатурены и выкрашены в серый цвет. В западном углу комнаты поднимался вертикальный дымоход, в плане снаружи четырехугольный, внутри круглый, диаметром в 1 арш., с чугунною задвижкою у основания, совершенно проржавевшою. На полу комнаты было найдено много черепков простой и поливной керамики — цельный бутылковидный сосуд. Комната II, 8 аршин 10 вершков ширины и 12 аршин 8 вершков длины, с топкою в западном углу (до 3 арш. 8 в. глубины и 2 арш. 5 в. ширины), значительно разрушенной, также была снабжена «каном», 12 вершков высоты; сохранилась часть кана 6 арш. длины и 3 арш. 8 в. ширины из самана, но с кирпичным настилом, с горизонтальным дымоходом около саманной перегородки, отделяющей комнату II от комнаты I. В южном углу комнаты II кан расширялся до 5 арш. 8 вершков, здесь поднимался вертикальный дымоход, почти вовсе разрушенный, как и весь выступ каны; однако сохранилось достаточно следов вертикального и горизонтальных ходов, чтобы установить, что дымоход вертикальный с упомянутым ходом горизонтальным (т.е. с ходом около перегородки между комнатами I и II) соединен непосредственно не был: в него выходил другой горизонтальный дымоход, проходящий через кан комнаты VI, далее кан комнаты V и только таким образом соединенный с дымоходом кана комнаты II (см. рис.18). В топке разрушенной части кана лежала глиняная, сильно обгоревшая продувная трубка. Пол комнаты II был устлан квадратным кирпичом (5 х 5 в.) и залит цементом. В полу комнаты сохранились следы деревянного бруса:казалось, что около саманной перегородки, отделяющей комнату II от комнаты III, могли быть устроены деревянные нары. Вблизи кана лежало несколько

фрагментов алебастровых карнизов и разных плиток, а вообще в этой комнате было найдено большое количество черепков простой и поливной посуды, изразцов, а также каменных котлов. Комнату II соединял с комнатой VI узкий коридорообразный выступ, 20 вершков ширины и 3 аршина 8 верш. длины, между выступом каны и деревянной переборкой, отделяющей комнату II от комнаты IV. Выступ этот имел пол, залитый цементом. Комната III (3 арш. 8 в. ширины и 13 арш. 10 в. длины), северный угол которой был совершенно разрушен, имела саманно-земляной заливной пол; в закроме в ее западном углу оказалось около $2\frac{1}{2}$ кубич. аршин известия. Деревянная переборка, следы которой сохранились в полу, отделяла ее от комнаты IV (5 арш. шир., 16 арш. 4 в. длины), с полом кирпичными залитым цементом. В восточном углу комнаты сохранилась груда (около 1 куб. арш.) изразцовых выпилок, приготовленных для мозаичных узоров, но не бывших в употреблении. Вблизи лежало несколько костей, бараньих и лошадиных, и челюсть коровы. Посредине комнаты, на полу, лежала сильно поржавевшая железная стрела. Комнату IV (а равно и II) отделяла от комнаты VI бревенчатая стена, судя по сохранившемуся сильно истлевшему нижнему дубовому бревну, до 7—8 вершков толщины. Комната VI (22 арш. 6 в. длины и 14 арш. 8 в. ширины) имела кирпичный, залитый цементом пол. Почти вся северо-восточная часть комнаты оказалась совершенно разрушенной. В северном углу, по-видимому, был кан, с топкой из комнаты IV (прибл. в 6 аршинах от северо-северо-восточной наружной стены). Кан (2 арш. 8 в. х 5 арш. 8 в.) занимал и западный угол комнаты, как об этом уже говорилось. На полу, вблизи этого, второго каны, была найдена костяная палочка, украшенная кружковым орнаментом, и совершенно цельный изразец с богатыми растительными мотивами, по-видимому, служивший для облицовки каны (рис.19); вблизи южного угла — медный наперсток и свинцовая гирька для отвеса. Среди строительного мусора, заполнявшего комнату, было отыскано несколько изразцовых синих многоугольников с орнаментом в виде звезд, пяти- и шестиконечных кистевых, после обжига. Дверь (1 арш. 8 в. ширины), пробитая в саманной перегородке (3 в. ширины), соединяла комнату VI с комнатой V. Комната V (14 арш. 8 в. длины и 6 арш. 10 в. ширины) имела саманно-земляной заливной пол; о саманном кане (6 арш. 10 в. х 2 арш. 8 в.) этой комнаты уже говорилось; он был залит белым цементом; в белый цвет была выкрашена и саманная, оштукатуренная перегородка над каном, между комнатами V и I. Вход снаружи, по-видимому, был в юго-востоко-восточной стене. На полу комнаты V и в строительном мусоре над ним были найдены алебастровые резные плитки, изразцы (в том числе белые с позолотой), два глиняных шарика, замочек, два колечка, малахитовый черенок ножика, кусочки стекла, одноцветного и узорчатого, и большое количество черепков простой и поливной посуды и целадона. В комнате II и V было найдено также несколько монет, а именно: 14 монет времени

Узбека, чеканенных между 1320 и 1337 годами, и одна монета времени Джанибека (1352). Снаружи дома, вдоль всей юго-юго-западной стены, по-видимому, был устроен навес, естественно, совершенно разрушенный: около южного угла дома сохранились нижние ряды кладок (т.е. фундамент) для громадного кирпичного столба (в плане — 2 х 2 арш.), напротив перегородки между комнатами I и II несколько рядов кладок для стены, доходившей до заливного ватерпасного слоя под домом. Терраса под навесом могла быть около 2 арш. 8 в. ширины. В пользу существования навеса говорит и то обстоятельство, что вне дома, но около самой стены его было найдено значительное количество кусочков отбитой штукатурки, расписанной по белому фону kleевыми красками, синею, красною, желтою и черною, а также золотом, частью геометрическими, частью растительными мотивами (см. рис.20). Если живопись была на наружной стене дома, то над ней, конечно, должен был быть устроен навес. Около юго-западно-западной стены дома тоже сохранились следы пола на искусственной насыпи, значительно (12 верш.) выше пола дома и уровня пола времени существования города; думается, что здесь могла быть устроена терраса, подобно уже упомянутой.

Группа строений №3, 4 и 5

На высоком приахтубинском берегу заметно выделяются несколько холмов, один из которых (диаметром $36\frac{1}{2}$ арш. и высотою 2 арш. 12 в.), ближний к Кучугурам, был нами раскопан (см. рис.21). Вершина холма представляла плоскую гладкую поверхность без ямин или видимых следов щебня, а именно круг, диаметром в $12\frac{1}{2}$ арш.:казалось, что холм содержит круглое башнеобразное сооружение. Отсутствие шлаков не позволяло предполагать горн. Были проложены 4 подходных траншеи, из которых южная и восточная привели нас к стенам строения №3, западная к строению №4, северная к строению №5. Все строения лежали осью с северо-северо-востока к юго-юго-западу.

Пол строения №3 оказался лежащим на 10 вершков ниже уровня поля к северу от бугра. Стены строения, сложенные в 2 кирпича ($4\frac{3}{4} \times 4\frac{3}{4} \times 1$ в.) и сохранившие 14 рядов кладки, имели 10 в. толщины: все здание достигало 7 арш. 10 в. длины и 5 арш. ширины. В юго-востоко-восточной стене дома, посередине ее, в 2 арш. 11 в. от северной стены, оказалась устроенной нишебразная скамья (20 в. длины, 7 в. глубины и 10 в. высоты) со стенкой из 13 кирпичей, поставленных на ребро (см. рис.21). Напротив скамьи, в 2 арш. 5 в. от угла здания, стена выступообразно (12 в. х 3 арш. 6 в.) расширяясь, сохранилась лучше, выше (всего в 1 арш. 9 верш.) и образовала по направлению к середине здания свод, надвигающийся над полом на $4\frac{1}{4}$ в., далее обрушенный. Рядом с этим выступом, к юго-юго-западу от него, между ним и углом здания была устроена дверь (шир. 1 арш. 5 в.) с трехвершковым деревянным порогом снаружи строения. К юго-юго-западной стене строения примыкал кирпичный же выступ (сохранились 3 ряда кладки), 2 арш. 14 в. длины и 1 арш. 12 в. ширины.

Пол строения, выложенный кирпичом, и порог были залиты цементом, белым цементом же были оштукатурены и стены, и скамья. Под полом и вообще всем строением глиняный ватерпасный слой был 3 вершков толщины. Среди строительного мусора, заполнившего строение, было найдено большое количество голубых поливных кирпичей разной величины, несколько голубых изразцов с тонким кистевым орнаментом в виде листьев аканфа, нанесенным поверх поливы после обжига, кусок мозаики из таких же голубых и белых изразцов, клавиш (?) от музыкального инструмента, половинка перстня из позолоченной меди и 5 монет: 3 времен Узбека (1332—34 гг.), 2 времени Джанибека (1352 г.). Около северного угла дома в строительном мусоре лежал костяк взрослого человека как бы небрежно брошенного сюда головою на юг; вблизи лежала медная золотоордынская серьга. Найдено было несколько черепков посуды поливной и без поливы. В общем казалось, что строительный мусор, содержавший большое количество кирпича, содержит остатки (поливные кирпичи) более богато отделанного второго этажа этого строения, возвышавшегося над откопанным нами подвалом и разрушенного во время одной из бурь, пронесшихся над древним городом.

В 2 аршинах от строения №3, на 8 вершков выше его порога, лежала сохранившаяся часть юго-востоко-восточной стены строения №4 (6 арш. 5 в. длины, $9\frac{1}{2}$ в. ширины), сложенная на глине из кирпичного лома. Остальные стены строения (пл. 6 арш. 1 в. х 7 арш. 8 в.) — деревянные, сохранились лишь плохо, местами. Стена 3 арш. 10 в. длины, сложенная из кирпича (5 х 5 в.) разделяла строение №4 на две половины. Одним концом эта стена (сохранилось 10 рядов кладки) упиралась в кан (2 арш. 12 в. длины, 1 арш. 1 в. ширины, 12 в. вышины) из самана (3 х 3 х 1 в.) на кирпичной площадке и сверху устланный кирпичом, с двумя горизонтальными дымоходами (4 вершка ширины каждый)¹¹; следов вертикального дымохода не сохранилось вовсе. Пол комнаты был глино-земляной заливной. При обследовании его мы обнаружили непосредственно под ним истлевшие два детских костяка, лежавших с севера на юг, а рядом с внутр. кирпичной перегородкой — костяк взрослого человека без левой руки и ноги, лежавший с запада на восток, с приподнятой правой ногой и рукой.¹² На 14 вершков выше над уровнем пола этого строения сохранилась стена другого позднейшего строения, сооруженного из самана и, за исключением этой стены, вовсе разрушенного. Входные двери (около 1 арш. 3 в. ширины) были, по-видимому, в восточному углу строения №4.

Строение №5 лежало на одном уровне со строением №4. Также оно имело 3 стены деревянные и одну северо-северо-западную (6 верш. толщины) из кирпичного лома на глине. Пол строения (7 арш. 6 в. х 6 арш. 7 в.) был заливной, глино-земляной (3 верш. толщины); саманная перегородка (из самана в 3 х 2 х 1 в., сохранилось 10 рядов кладки), образуя ломаную линию, разделяла строение как бы на три части: коридор и две комнаты. Обе комнаты согревались саманным

каном (с одним горизонтальным дымоходом) около северно-северо-западной стены (4 арш. 9 в. длины, 12 в. ширины, в южной комнате 1 арш. ширины, в северной 10 в. ширины). Топка на широком конце кана сохранилась превосходно; сохранились также следы вертикального дымохода на другом конце (внутри 9 в. диаметром). Около широкой половины кана была устроена приступка из битого кирпича. Рядом, под полом, оказалась потайная камера 2 арш. 10 в. длины, на верху 5 в., а на дне 11 в. ширины, заложенная громадными саманами ($9 \times 4 \frac{1}{2} \times 1$ в.), всего 22 шт., поставленными наискось на угол. Думаю, что костяк, который мы обнаружили в этом хранилище принадлежал покойнику,енному сюда позднее, когда дом был брошен, костяк лежал с запада на восток (таково направление и хранилища), с руками вдоль туловища, и достигал 2 арш. 6 в. длины. На груди костяка лежала монета конца XIV столетия (такая же была найдена в топке кана, среди угля и золы). В топке было найдено несколько черепков простой керамики, кости птицы и травоядных животных; черепки поливные, найденные выше пола строения №5 (также №4) производили впечатление заносных.

В общем казалось, что первоначально существовало лишь строение №3, что потом, когда это последнее было разрушено, возникли строения №4 и 5, причем частью в качестве строительного материала для них был использован кирпич от строения №3. Позднее были разрушены также строения №4 и 5, и возникло новое саманное строение, ныне не поддающееся изучению, т.к. сохранилась лишь одна стена. Строение №3, если верить монетам, по-видимому, разрушено в конце XIV столетия, строения №4 и 5 — в начале XV столетия. Строение, от которого сохранилась одна стена, могло быть построено, судя по слою щебня и строительного мусора под ним, лишь после «каменной ломки» на территории городища (т.е. в XVII столетии или даже позднее).

Вблизи описанных строений, на обрыве приахтубинского склона холма был найден в почти вовсе истлевшем шелковом мешочке (?) клад в 132 серебр. монеты конца XIV и первой половины XV столетия, Сарайского и Хаджи-Тарханского чекана; среди монет оказалась одна, чеканенная в «Великой Орде» (Урду Эль-Азам, сравн. «Большая Орда» русских летописей) ханом Джелаль-Эддином (начало XV ст.)

Район IV

К сожалению, в «Отчете» об археологических работах в районе с.Селитренного А.А.Спицына¹³ нет точных указаний, где именно на площади городища были обследованы им «жилые здания». А.А.Спицын пишет: «Жилые здания (Селитренного — Старого Сарая) вообще невелики: они имеют не более 4 арш. ширины и длины. Дверь с западной стороны, в левом углу, а не посередине. Пол кирпичный, иногда подбеленный. Печка в правом углу, низкая с глиняною трубою. Окон в стенах не заметно, но все же небольшие волоковые окошки встречаются. Стены кирпичные, иногда сырцовые,

сложенные попеременно из целого и половинчатого кирпича». По-видимому, речь идет о районе IV (не включая «Богатый бугор»): приезд Спицына остался в памяти крестьян, которые и рассказывают о раскопках в районе самого села и «Кучугур». Да и бугры на низине между селом и первым кряжем («Кучугурами»), к западу от села, в большинстве менее значительны и действительно могут дать небольшие строения. Тем не менее я не решился бы утверждать, что в районе IV не могут быть откопаны дома более внушительных размеров, или хотя бы типа тех, которые откопаны нами. Но как бы то не было, авторитетное заявление А.А.Спицына должно служить дополнением к нашим изысканиям, и — если оно действительно характеризует дома района IV (или 1) — то заполняет изъян в наших работах, а именно, отсутствие разведки в упомянутых районах (I и IV), и вообще, по-видимому, дает описание более древних строений в более древних частях города.

* * *

Таким образом, кольцо наших разведок, замыкаясь работами А.А.Спицына, коснулось всех тех частей города, где более детальное изучение бугров было необходимо для подтверждения наблюдений на основании изучения бугров и находок на поверхности городища.

Имея центр в районе села, город сперва стал расширяться по направлению к Кучугурам, потом при Узбеке значительно разросся, украсился богатыми строениями и стал городом промышленным по преимуществу; строение №2 — безусловно мастерская, строение №6 — горн для обжигания изразцов, судя по аналогии с Укеком и найденному на дне горна изразцу; заводы установлены вообще в районе III, и голубые изразцы с тонким золотым рисунком найдены в богатом строении №3. Стенопись и изразцы строения №2 свидетельствуют о совершенно исключительном подъеме художественной промышленности при Узбеке, датировка которым значительной части строений, благодаря монетным находкам, не может быть отвергнута. Хочется верить, что также строение №1 относится к этому же времени; по-видимому, перед нами теккие на холме, который содержит какую-то национальную святыню. Упадок при Джанибеке и новое возрождение города потом, существование его после разрушений Тамерлана, мне кажется, также вполне подтверждается и монетными находками в строениях №2, 3, 4 и 5, и, особенно последнее, т.е. существование после Тамерлана, — строениями №4 и 5, частично построенным из материала, взятого из строения №3. Вообще же откопанные нами памятники архитектуры еще раз подтверждают, как технически хорошо оборудованы и благоустроены были жилые дома золотоордынского города; прекрасные полы и любопытная система отопления свидетельствуют о чистоте, тепле и уюте.

Какой дивный вид должны были иметь дома и дворцы, облицованные изразцами и расписанные пестрыми узорами по оштукатуренным стенам; нужно поражаться странными рассказами недавнего прошлого о золотоордынской культуре: как мог д. член Военно-Исторического

О-ва Нечволовов в своих «Сказаниях о русской земле»¹⁴ преподнести народу басни об «астраханских мечетях, сооруженных из черепов новгородских ушкуйников»?! Правильное освещение золотоордынской культуры и обследования сохранившихся памятников золотоордынского зодчества — есть долг науки, притом насущный и срочный.

Раскопки на древних золотоордынских городищах могут дать и ценные памятники искусства (изразцы, стенопись) и образцы инженерного искусства (укрепления дюн), принадлежавшие народу, чья культура мало известна и явно неправильно освещалось.

Итоги

Итак, обследованы два золотоордынских городища: дают ли результаты произведенных работ ответ на вопрос о «Старом» и «Новом Сарае»? — Мне думается — да.

Мы видели, как превосходно согласуются летописные сведения о Сарае Узбека и его ближайших преемников с теми данными, которые выявляет изучение царевских развалин. 86% монет новосарайского чекана как нельзя лучше подтверждают идентификацию развалин с «Новым Сараем», который — если и стал столицею З.Орды при Узбеке, то все же, возможно, существовал и ранее, основанный Берке.

Развалины Селитренские — вовсе не исключительно некрополь, как полагал Григорьев; это — громадный город, ядро которого существовало еще до татар. Нет данных, которые противоречили бы руководящей роли этого города со времени Батыя и до Узбека. Если не найдены монеты Батыя и Берке, то все же собрано несколько монет еще более древних, и центр города застроен: здесь собирались монеты более не приходится.

А самое главное, 52% монет «сарайского» чекана, т. е. старосарайского, позволяют видеть в развалинах Селитренских, развалины древней, первой столицы З.Орды, Сарайа («Старого Сарайа»), который — при Узбеке замененный «Новым Сараем» и при Джанибеке переживший невеселую годину, — к концу XIV века стал вновь играть видную роль¹⁵ и по справедливости мог быть назван «Большими Салями».

Сарай с.Селитренного, явно, — крупнейший культурный центр З.Орды, заводы и мастерские которого поистине могли снабжать все государство всем, что было нужно народу, решившему сбросить с себя облик дикаря и варвара.

Сложная система орошения Нового Сарайа и заводы и мастерские Старого Сарайа заставляют смотреть на золотоордынскую культуру и золотоордынские города совершенно иначе, чем это делалось ранее. Обе столицы З.Орды были безусловно благоустроены и являлись значительными культурными очагами.

Примечания

¹ Отчет о поездке в село Селитреное, стр.14.

² См. также «Отчет» Малиновского, стр.11.

³ Стр.6.

⁴ Стр.6 и 7.

⁵ См. также «Отчет» Малиновского, стр. 13.

⁶ «Путешествие по разн. провинциям Росс. Гос.», 1788, ч.III, полов. II, стр.143.

⁷ Сравн: Спицын, Отчет 1893, стр. 84: «Наверху Маячного бугра были находимы дерев. срубы».

⁸ Стр.11.

⁹ «Отчет», стр.14.

¹⁰ Сравн. «Четырехлет. Арх. поиски в разв. Сарай» — Терещенко, изд. Григорьева, стр.7: по-видимому, подобный же пол был откопан в Цареве.

¹¹ Сравн. Спицын. Отчет 1893 г., стр.88: — «расположена топка, состоящая из двух рядов узких проходов дыма, в которых всегда следы сажи».

¹² Сравн. Терещенко-Григорьев, стр.11: — «остовы находили не редко даже под полом зданий и около стен жилья» (в Цареве).

¹³ 1893 г., стр. 85.

¹⁴ СПБ., 1911, стр.337.

¹⁵ Нами найдено более 100 монет сарайского чекана времени Тохтамыша.

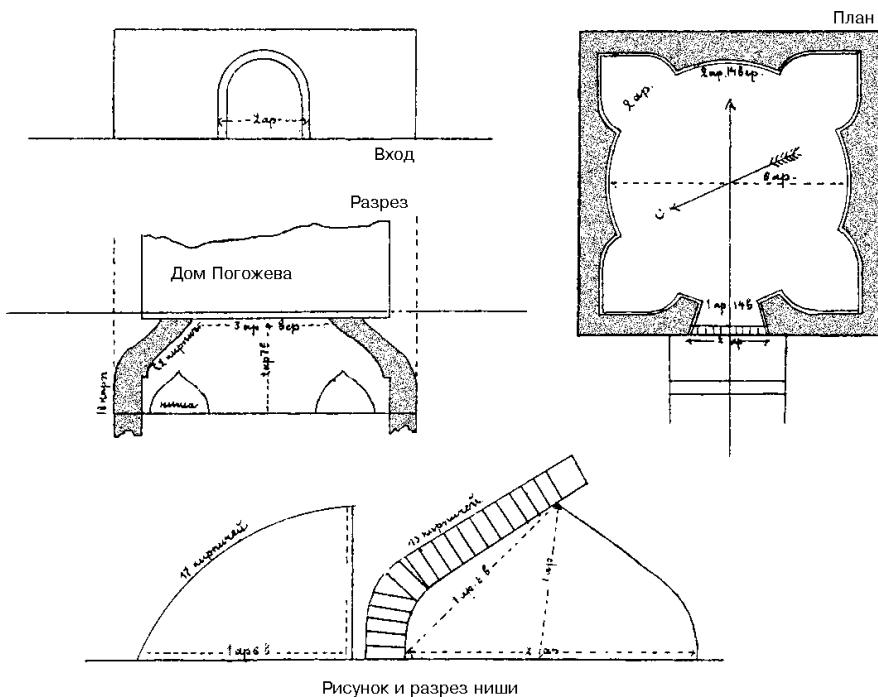

Рис.11. Строение №8.

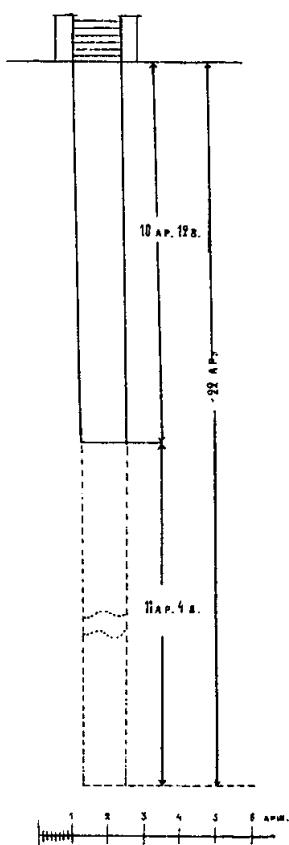

Рис.12. Колодезь (кодоц, строение №7).

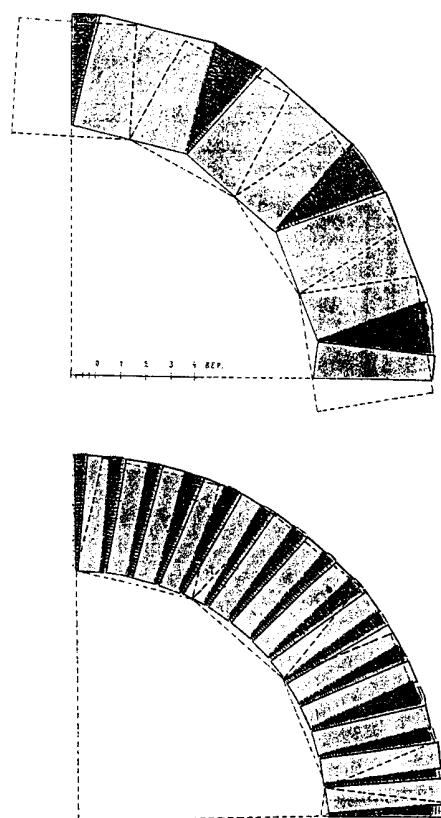

Рис.13. Кладка стенок колодца.

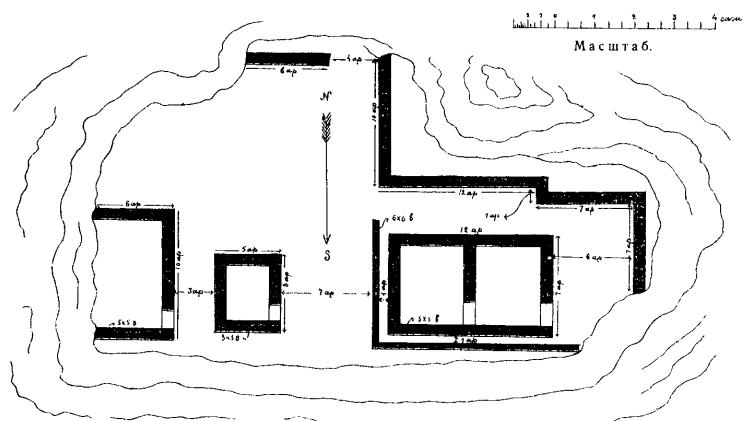

Рис.14. План саманных строений №9 района II.

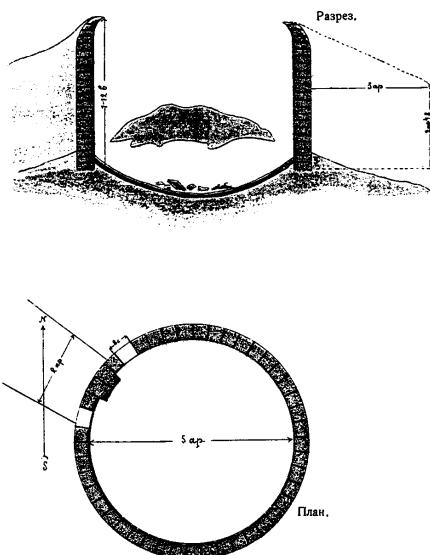

Рис.15. Строение №6 (Горн).

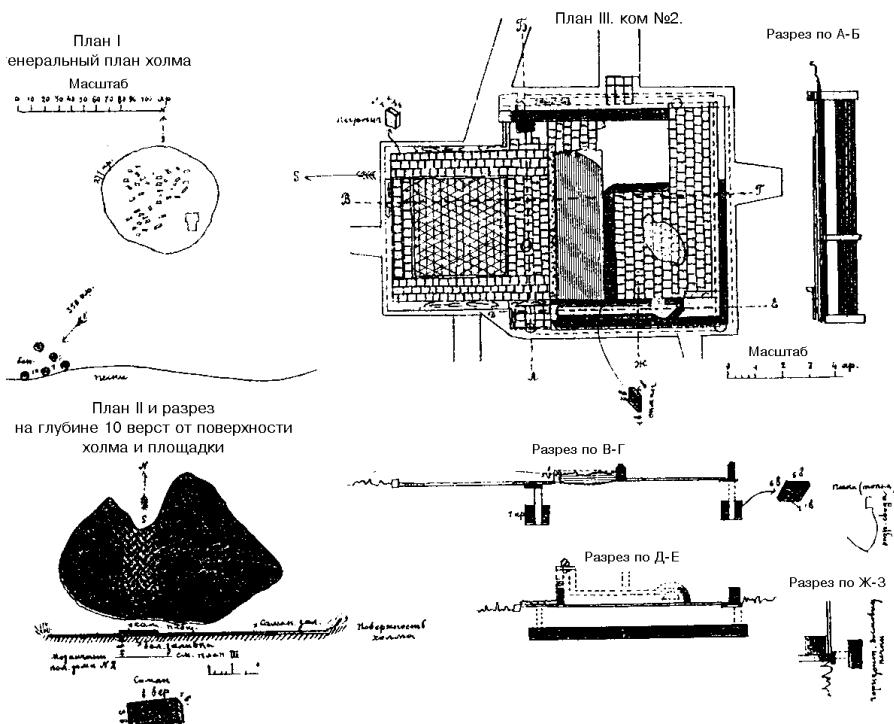

Рис.16. Строение №1.

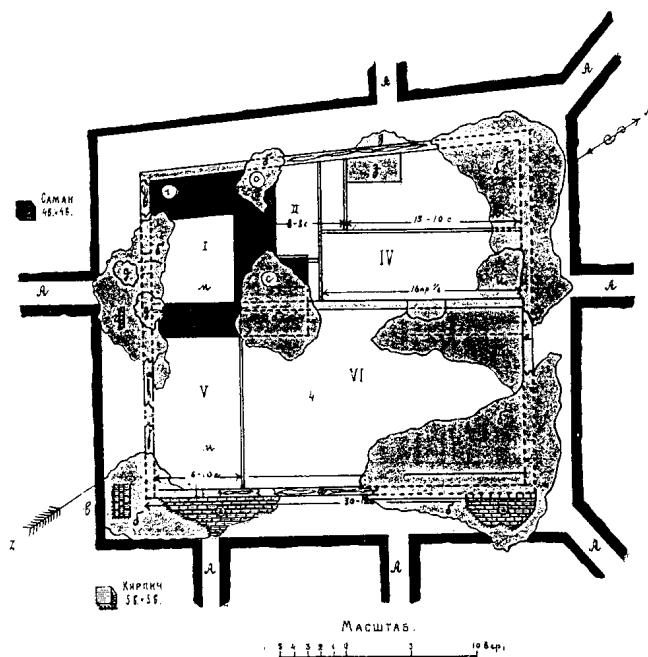

Рис.17. Строение №2. А. Подходные траншеи. а. Следы бревенчатой дерев. стены. б. Места где здание разрушено до основания. в. Основание кирпичного столба вне здания. г. Остатки внешней кирпичной площадки. д. Место скопления штукатурки с фресками. е. Остатки разрушенной топки. и. Склад небывших в деле мозаичных фигурных выпилок. л. Деревянные брусы в полу. м. Земляной, залитой саманом пол. н. Кирпичная настилка, щтукатуренная. 1. Вертикальный дымоход. 2, 3, 4. Печи, типа канов, сильно разрушенные. з. Закром с известью.

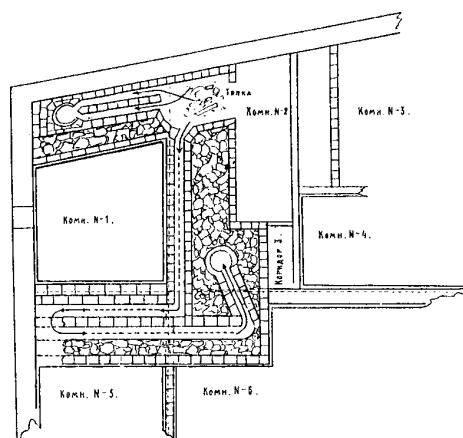

Рис.18. Система отопления в строении №2.

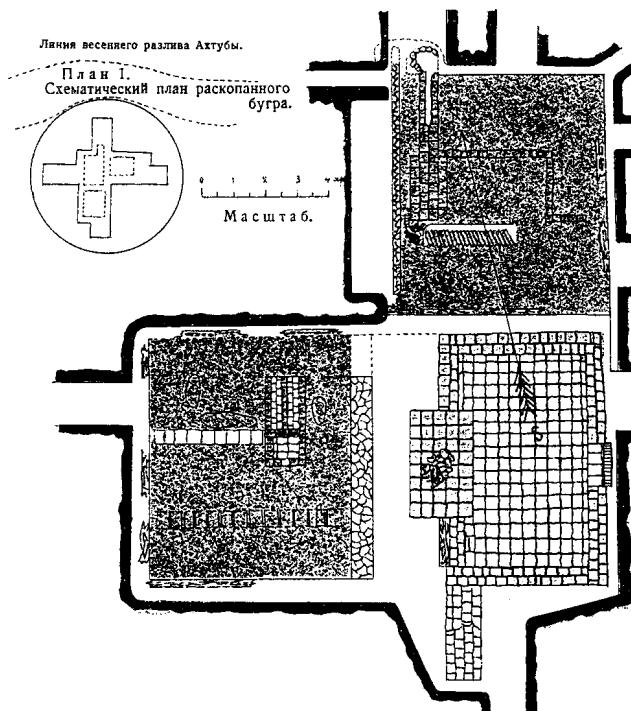

Рис.21. Группы строений №3, 4, 5.

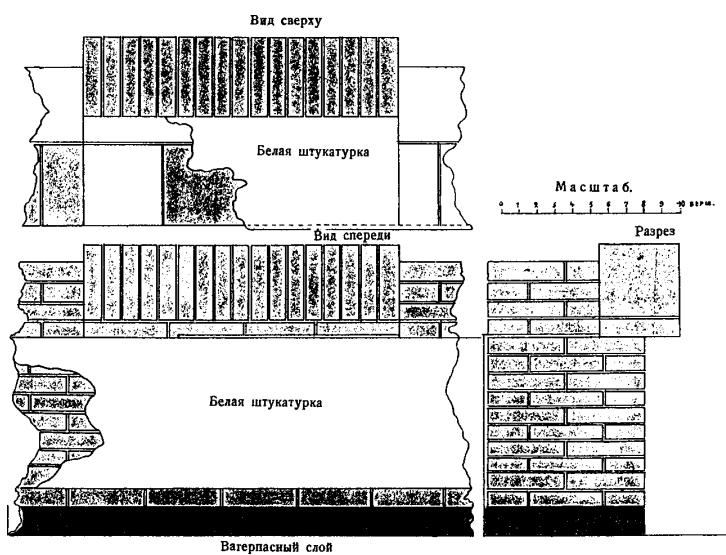

Рис.22. Ниша в юго-восточной стене дома №3.

ХРОНИКА

110-летию Н.Ф.Калинина

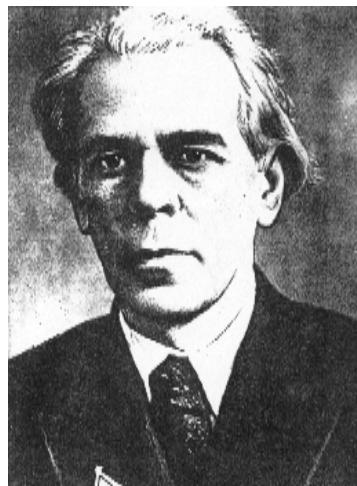
Николай Филиппович Калинин родился 6 июня 1888 г. в г.Саратове в семье ветврача. По службе его отец переводился в несколько городов. Поэтому Николаю пришлось учиться в гимназиях Нижнего Новгорода, Симферополя, а с 1902 г. в первой Казанской гимназии, которую он окончил с серебряной медалью. С 1906 по 1910 гг. он учился на историко-филологическом факультете Казанского университета. После окончания учебы с 1910 г. Н.Ф.Калинин учителствовал в гимназиях и школах Цареволокшайска, Симбирска, Тетюш, Мариуполя, Казани. С 1921 по 1959 гг. он жил в Казани. С 1924 г. по 1944 гг. работал заведующим историко-археологическим отделом Государственного музея Татарской АССР; в 1941—1957 гг. преподавал в Казанском университете; в 1942—1959 гг. работал в Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР.

Археологическая деятельность Н.Ф.Калинина в двадцатые и тридцатые годы была довольно ограниченной. Это, на наш взгляд, было связано с тяжелой обстановкой, связанной с царившей в исторической науке тех лет. Н.Ф.Калинину в те годы удалось совершать лишь отдельные эпизодические выезды. В качестве примера можно привести его разведки на правом берегу р.Волги между с.Сюкеево и с.Камское Устье, а также небольшие раскопки на Сюкеевском могильнике Чачлы Кул, на котором были обнаружены вещи азелинской культуры. Кроме того, Н.Ф.Калинин предпринимал попытки дополнительного изучения могильника этой же культуры в г.Казани, около Старого стекольного завода.

В 1938 г. Н.Ф.Калинин работал в археологической экспедиции на территории Болгарского городища, руководимой А.П.Смирновым.

В сороковые годы Н.Ф.Калинин принимал непосредственное участие в подготовке и составлении трех альбомов булгаро-татарской эпиграфики. Трудно переоценить значение и ценность данных материалов, представляющих источник по истории, языку, искусству татарского народа.

Еще шла война, но в марте месяце 1945 г. на первом Всесоюзном археологическом совещании в г.Москве перед археологами была поставлена задача: за период с 1945 по 1950 год обследовать территорию Татарстана в археологическом отношении и составить научно-документированную археологическую карту республики. С

этой целью с 1995 года Казанским филиалом АН СССР совместно с другими заинтересованными учреждениями были организованы и стали проводиться археологические экспедиции. Они вели обследования в Закамье на территории современных районов (Спасского, Алексеевского): в Предкамье (Зеленодольского, Рыбно-Слободского, Лайшевского, Пестречинского, Высокогорского, Арского); в Предволжье (Верхнеуслонского, Камско-Устьинского, Апастовского, Кайбицкого, Буйинского, Тетюшского). С 1945 по 1952 гг. экспедициями было обследовано 447 памятников, датируемых от эпохи палеолита до позднего средневековья.

К сожалению, составление археологической карты по республике Татарстан оказалось в намеченные сроки не завершенным. Причины этого состоят прежде всего в том, что не было достаточного количества специалистов-археологов. Кроме того, исследователи тех лет не представляли насыщенности археологическими памятниками территории Татарстана. Обследование территории Татарстана в основном завершено лишь в семидесятые годы. В результате этих работ было зафиксировано около пяти тысяч археологических объектов, датируемых от эпохи среднего палеолита до позднего средневековья. Археологическая карта Татарстана опубликована в шести книгах. В обследовании территории Татарстана в археологическом отношении после Н.Ф.Калинина принимала активное участие А.Х.Халиков, Т.А.Хлебникова, В.Ф.Генинг, П.Н.Старостин, Р.Г.Фахрутдинов, Е.П.Казаков, Р.С.Габяшев.

В начале пятидесятых годов археологи г.Казани были вынуждены заниматься изучением памятников в зоне строящейся Куйбышевской ГЭС. Общее руководство Куйбышевской археологической экспедицией осуществлялось А.П.Смирновым. Пятый отряд Куйбышевской археологической экспедиции возглавлял Н.Ф.Калинин. За относительно небольшой промежуток времени Казанский отряд провел солидные исследования на памятниках первобытности. Под руководством Н.Ф.Калинина и А.Х.Халикова раскапывались памятники эпохи камня и бронзы в районе пос.Обсерватория, Займище, сс.Б.Отары, Атабаево, Карташиха и др. Материалы данных памятников были оперативно опубликованы в трудах Куйбышевской археологической экспедиции и практически стали доступными всем специалистам. После Н.Ф.Калинина изучению памятников эпохи камня и бронзы много внимания уделяли А.Х.Халиков, Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков, М.Ш.Галимова и другие исследователи. Наши представления об этих эпохах серьезно изменились. Но материалы, полученные Н.Ф.Калининым, являются своеобразным этапом в изучении данных проблем.

Выше уже говорилось о том, что Н.Ф.Калинин занимался также памятниками раннего железного века (ананьинской и пьяноборской культур). К ним он обращался при подготовке музейных выставок, создании экспозиций, при подготовке разделов по истории Татарстана. Н.Ф.Калинин сохранил традиционные представление о пьяноборской культуре (ее территории, своеобразии, хронологических рамках).

Данные вопросы были серьезно развиты его аспирантом В.Ф.Генингом, выделившим своеобразную азелинскую культуру III—VII вв. н.э. Много памятников азелинского типа открыто и изучено в последние годы П.Н.Старостиным и В.Н.Марковым.

Большая заслуга Н.Ф.Калинина в выявлении и исследовании памятников середины I тыс. по Волге, Каме, Свияге и их притокам. Под его руководством раскапывался один из опорных памятников этого времени — Именьковское I городище, давшее название своеобразной именьковской культуре. Н.Ф.Калининым был открыт II Рождественский могильник с обрядом кремации, долгое время считавшийся единственным могильником именьковской культуры. Н.Ф.Калинин, как и другие исследователи того времени, считал, что происхождение рассматриваемого круга памятников связано с проникновением на левый берег р.Волги носителей городецкой культуры. Этническую принадлежность их Н.Ф.Калинин определял как восточно-буртасскую. Признание именьковской культуры как явления самостоятельного сдерживалось долгие годы из-за отсутствия могильников с обрядом кремации, аналогичного Рождественскому II. Предпринимаемая углубленная разведка последних лет позволила открыть пятнадцать новых именьковских могильников. На них вскрыто более пятисот погребений. Основная их часть совершена по обряду кремации, но зафиксированы также погребения с обрядом трупоположения. В выявлении именьковских могильников большая работа проделана П.Н.Старостиным, Е.П.Казаковым, Е.А.Беговатовым.

Основной круг интересов Н.Ф.Калинина (что отмечено в его автобиографии) был связан с историей и культурой Волжской Булгарии и г.Казани. С 1945 по 1952 гг. под руководством Н.Ф.Калинина было обследовано свыше 160 булгарских памятников. В результате этих работ, как справедливо подчеркивал Н.Ф.Калинин, «получен большой материал, который позволяет решать заново многие исторические вопросы, как-то: о системе обороны булгарских городов, об исторической топографии, о размещении городов и сел по территории края, о культурных остатках, дающих возможность определять дату селений, охарактеризовывать социально-экономическую природу этих памятников» (Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1954. с.62). В данной же работе Н.Ф.Калинин все известные к тому времени булгарские городища подразделил на четыре типа. К первому типу он отнес небольшие городища, считая их замками. Ко второму — обширные крепости со слабым культурным слоем, что свидетельствует об отсутствии в них торгово-ремесленного населения; к третьему типу, по Н.Ф.Калинину, относятся укрепления, делящиеся на две части — кремль и посад. В четвертый тип, полагал исследователь, нужно включать торгово-ремесленные поселения, имеющие вокруг себя единую линию обороны, но без крепостей. Н.Ф.Калинин считал, что такие города в хозяйственной жизни не полностью отделились от сельскохозяйственного производства. В находках с этих памятников

много признаков сельскохозяйственной деятельности (жернова, серпы, кости домашних животных и т.д.).

Н.Ф.Калининым были сделаны интересные выводы о постепенном освоении булгарами территории Нижней Камы и прилегающих частей Волги. На основании проведенного картографирования булгарских памятников, он выделил группы поселений, представляющие, по мнению исследователя, отдельные феодальные землевладения (Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков. Итоги.., с.125).

В последние годы исследователей истории Нижнего Прикамья часто упрекают в неверных оценках периода второй половины XIII—XV вв. — принижении уровня развития, пренебрежении к периоду Золотой Орды. Думаю, что эти оценки зачастую не по адресу. В цитируемой мною работе Н.Ф.Калинин писал: «Получены данные, что эти земли переживали во II половине XIII в. и в XIV в., несмотря на военные удары, период экономического развития» (Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков. Итоги.., с.117). Возможно, что многие забыли, что в 1938 г. под руководством А.П.Смирнова начались работы на Булгарском городище. В экспедиции на этот памятник он выезжал до начала 70 годов почти ежегодно. Основные материалы с Булгара относятся к золотоордынскому времени. Ныне в России можно назвать немного памятников, которые как Булгар исследовались целеустремленно и последовательно.

Разведочные обследования и выявление булгарских памятников после Н.Ф.Калинина проводилось многими исследователями (Т.А.Хлебниковой, Р.Г.Фахрутдиновым, Р.С.Габышевым, Е.П.Казаковым и другими археологами). Но наибольший вклад в это внесен Р.Г.Фахрутдиновым, составившим корпус всех известных булгарских памятников, а также проводившим в течение многих лет широкие археологические разведки.

Н.Ф.Калинин занимался исследованиями Урматского селища и Камаевского городища на р.Казанке. Последнее он считал остатками крепости, защищавшей поселение с севера. Исследователь также предполагал, что Урматское поселение дополнительно укреплялось. Исследованиями, проводимыми в последние годы на Камаевском городище и Урматском селище, удалось получить новые дополнительные интересные материалы. К сожалению, они остаются не опубликованными. Но судя по предварительным публикациям находок, Урматское поселение представлено находками не только золотоордынского периода, но и домонгольского времени.

Много сил и энергии Н.Ф.Калинин отдал изучению истории города Казани. Исследование истории Казани, проводимое Н.Ф.Калининым, базировалось на археологических материалах, письменных источниках, архивных данных. Николая Филипповича волновали не только материалы древностей города, но и новейших его периодов. Известный историк, бывший директор ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова М.К.Мухаряров, вспоминая об увлеченности ученого, говорил, что он в деталях знал историю многих улиц города Казани и даже зданий.

Перу Н.Ф.Калинина принадлежат две книги по истории города Казани (Казань. Исторический очерк. Казань, 1952; Казань. Исторический очерк (второе дополненное издание). Казань, 1955). Прошло почти полвека, многое переменилось в нашем представлении о Казани, появились новые источники и материалы, но многие положения этих книг не утратили своей ценности. Н.Ф.Калинин завершил монографию «История Казани с древнейших времен до XVI века», подготовленную в качестве докторской диссертации.

В течение многих лет Н.Ф.Калинин вел археологические наблюдения на территории города Казани. С 1925 года Н.Ф.Калинин предпринимал археологические поиски на территории Казанского кремля. Следует отметить, что эти исследования в основном были связаны с проведением в зоне кремля различных коммуникаций, ремонтными и строительными работами, проводимыми в разные годы. Основные территории кремля были при жизни Н.Ф.Калинина почти недоступными для проведения широких раскопок. Но уже в 1925 году — первом году археологических изысканий на территории Казанского кремля — Н.Ф.Калинин получил ценные данные по стратиграфии, собрал интересный вещевой материал, особенно из нижних горизонтов слоя, включающий керамику булгарского облика. К сожалению, материалы Н.Ф.Калинина по археологии Казанского кремля остались почти не опубликованными.

Н.Ф.Калинину принадлежат интересные, оригинальные работы о пребывании в Казани Пугачева, Пушкина, Горького. Им были созданы первые научные экспозиции по истории Татарстана и города Казани в музеях.

Н.Ф.Калинин впервые в Казанском университете организовал археологический кружок. Его учениками являются известные ученые Ю.В.Откупщиков, А.Х.Халиков, В.Ф.Генинг, Т.А.Хлебникова, Б.К.Лебедев и др.

В архивах г.Казани (при Академии наук Татарстана, Казанского научного центра РАН, Казанского университета, Государственного объединенного музея Республики Татарстан) хранятся многочисленные материалы, связанные с жизнью и научными поисками Николая Филипповича.

П.Н.Старостин

100-летию М.И.Артамонова

5 декабря 1998 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Артамонова Михаила Илларионовича — крупнейшего специалиста по археологии и истории древнего и раннесредневекового кочевого мира Евразии, одного из основоположников советской археологии, большого организатора науки и музейного дела.

Кратко перечислим основные этапы жизненного и творческого пути М.И.Артамонова (при этом мы пользуемся и данными, приведенными в статье С.А.Плетневой, посвященной 100-летию со дня рождения ученого*). Родом из Тверской губернии, в 1916 г. он был призван в армию и отправлен на фронт. Через год — активное участие в революции, член Совета солдатских депутатов, секретарь дивизионного комитета Северного фронта, а позже был даже руководителем Международного банка в Петрограде. После тяжелой болезни уехал на родину, где занимался педагогической работой; вернувшись в столицу в 1921 г., поступил в Археологический институт при университете.

В 1925 г. М.Артамонов поступил в аспирантуру ГАИМК (Государственная Академия истории материальной культуры — родоначальница современного Института археологии РАН) и его дальнейшая научная деятельность проходила по восходящей линии: с 1935 г. — профессор Ленинградского университета, в 1936 г. возглавил сборник «Советская археология», получивший потом, уже при Институте археологии в Москве, статус журнала (однако научная направленность сборника не изменилась, была продолжена истинно научная, демократическая традиция ленинградской, артамоновской школы археологии). ГАИМК был преобразован в ИИМК (Институт истории материальной культуры) и его директором в 1938 г. стал Михаил Илларионович. В эти же годы он основал серию сборников «Краткие сообщения ИИМК» (КСИИМК, позднее — КСИА, существовала до 1991 г.), где регулярно, в течение полувека, публиковались результаты полевых археологических исследований. Еще один известный сборник, организованный М.И.Артамоновым до войны (1940 г.), — это серия МИА (Материалы и исследования по археологии СССР), в которой публиковались уже целые монографии, результаты больших открытий в археологии.

Все названные выше научные структуры и издания перекочевали после войны в центр — в Москву, а М.И.Артамонов с 1951 г.

* Плетнева С.А. Михаил Илларионович Артамонов (к 100-летию со дня рождения) // РА. — 1998, №4. — С.202—213.

возглавил в Ленинграде знаменитый Государственный Эрмитаж, директором которого он был по 1964 г. К этому времени на него уже «имели зуб», и поводом снятия его с должности послужило то, что в залах Эрмитажа были организованы выставки Пикассо и Шемякина. Артамонов поддерживал импрессионизм в живописи, считавшийся тогда проявлением буржуазного искусства, и этого, конечно, простить ему не смогли. До этого «неугодный» директор Эрмитажа уже получил солидный удар: его книга «История хазар» (Л., 1962) была представлена на соискание Ленинской премии в области науки и техники, но не прошла. Да, премию имени вождя мирового пролетариата «хазарам» не дали; ее получил другой археолог за книгу по менее нежеланной для тогдашней идеологии тематике.

Пользуясь случаем, мне хотелось бы сказать пару слов об одном эпизоде, который глубоко запал в мою душу. В начале 1964 г. я был в Эрмитаже, где занимался изучением коллекций булгарских и других древностей Среднего Поволжья, хранящихся в Отделе истории первобытной культуры. Тогда в книжных магазинах Ленинграда я безрезультатно искал книгу «История хазар» и вот в отделе я спросил, нельзя ли найти ее здесь, в Эрмитаже. Мне любезно дали понять, что если я лично знаком с ее автором, то можно было бы обратиться к нему, хотя и у него едва ли уже есть лишний экземпляр. Естественно, я не был знаком с ним, но желание найти книгу было огромно, и отправился в кабинет директора. Однако не дошел, ибо оттуда вышел сам Артамонов и направился по коридору. Он шел в мою сторону; я узнал его по более ранней фотографии, которую видел до этого на стенде в Ленинградском отделении Института археологии. Теперь он уже был пожилым человеком, но я все равно узнал его и ... растерялся. Более того, я, молодой аспирант, просто оробел, увидев перед собой живого ученого с мировым именем, седоволосого человека с удивительно интеллигентным лицом. Конечно, больше я не ходил туда, мне стало стыдно перед собой за то, что решил беспокоить такого знаменитого человека.

Потом я все же нашел «Историю хазар» и она осталась для меня памятью об «односторонней» встрече с Михаилом Илларионовичем Артамоновым. Отлично помню, как тепло отзывались те, с кем я общался в Эрмитаже, о его фундаментальной монографии и выражали искреннее сожаление по поводу того, что она не была удостоена Ленинской премии.

Задолго до этого, еще в 1951 г., М.И.Артамонову также «попало» от властей. В газете «Правда» была опубликована небольшая заметка о завышении в истории роли «иудейского государства» (?) — Хазарского каганата. Хотя там не упоминалась чья-либо фамилия, но она явно была направлена против Артамонова, главного хазароведа страны, и все это поняли. Это был год сfabрикованного «Дела врачей» — «врачей-отравителей», и одной небольшой заметочки в органе ЦК ВКП(б) было вполне достаточно, чтобы начать борьбу

против него. А Хазарский каганат — крупнейшее раннефеодальное государство Восточной Европы, центр симбиоза кочевой и городской культуры, широкой внешней торговли между Востоком и Западом — надолго получил ярлык «паразитарного степного ханства».

Несмотря на все эти препоны и травлю, М.И.Артамонов усиленно и на редкость плодотворно работал. Он был блестящим полевиком-исследователем, долгие годы руководил самой масштабной археологической экспедицией в Союзе — Волго-Донской. Его работы «Средневековые поселения на Нижнем Дону» (ИГАИМК. — Л., 1929. — №131), «Саркел-Белая Вежа» (МИА. — М., 1958. — №62) и др. являются поистине классикой средневековой археологии.

М.И.Артамонов был также крупнейшим, общепризнанным специалистом по истории и искусству скифов, притом основные исследования последнего десятилетия его жизни посвящены именно скифской проблеме: происхождению скифов и скифского искусства, скифо-сибирскому искусству «звериного стиля», вопросу «киммерийцы и скифы», описанию и характеристике сокровищ скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа и др. Бессспорно, он являлся одним из ведущих скифоведов.

Третье направление его научных исследований — славянско-русское: вопросы этногенеза и расселения славян, черняховской археологической культуры и славян (отсутствие генетических связей), взаимоотношений славян с болгарами, балтами, русами (норманны-скандинавы), хазарами, в целом древнерусско-хазарская проблема. К достаточно запутанной и довольно болезненной проблеме этногенеза русских он не подходил односторонне, т.е. только с «чисто» славянских позиций. В этом сложном историко-этническом процессе он видел большую роль и русов. Следует отметить, что это явилось еще одной причиной настороженного, порой и негативного отношения к нему со стороны «патриотической» части советских историков, академиков-руристов.

Завершая эту небольшую хронику, хочется подчеркнуть, что М.И.Артамонов внес огромный, неоценимый вклад в исследование истории и культуры народов раннесредневековой Восточной Европы, в кочевниковедение, оставив глубокий след в науке как профессионал-исследователь высокого класса, большой организатор науки и культуры, принципиальный, честный, благородный человек.

Р.Г.Фахрутдинов

Сведения об авторах

Баллод Франс Владимирович (1880—?) — профессор (Санкт-Петербург-Ленинград), специалист по древнему искусству Египта, археологии Золотой Орды.

Кызласов Игорь Леонидович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (г.Москва), специалист по археологии Южной Сибири, тюрколог-рунолог.

Кызласов Леонид Романович — доктор исторических наук, профессор Московского университета, лауреат Государственной премии СССР, специалист по первобытной и средневековой археологии и истории Сибири.

Недашковский Леонард Федорович — главный хранитель Археологического музея Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова (Ленина), специалист по археологии золотоордынских городов.

Ракушин Алексей Иванович — аспирант Саратовского педагогического университета.

Рашо **Рашев** — старший научный сотрудник Шуменского филиала Археологического института Болгарской Академии наук, ответственный редактор археологического журнала «Плиска-Преслав» (г.Шумен), специалист по средневековой археологии Восточной Европы.

Савицкий Петр Николаевич (1895—1968) — историк, философ, географ и экономист, диссидент-эмигрант, один из основателей и идеолог евразийского движения.

Старостин Петр Николаевич — кандидат исторических наук, заведующий центром археологических исследований Института истории АНТ, специалист по первобытной и раннесредневековой археологии Среднего Поволжья и Приуралья.

Фахрутдинов Равиль Габдрахманович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории АНТ, специалист по археологии и истории Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства.

Список сокращений:

- АКУ** — Археологический кабинет (Казанского) университета
- АМЗ** — Астраханский музей-заповедник
- АО** — Археологические открытия
- БГИАЗ** — Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник
- ВДИ** — Вестник древней истории
- ВИ** — Вопросы истории
- ВОКМ** — Волгоградский Областной краеведческий музей
- ВООПИК** — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
- ГИМ** — Государственный Исторический музей
- ГОМРТ** — Государственный Объединенный музей Республики Татарстан
- ДВДС** — Древности Волго-Донских степей
- ЗВОРАО** — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
- ИА РАН** — Институт археологии Российской Академии наук
- ИГАИМК** — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
- ИВГО** — Известия Всесоюзного географического общества
- ИИМК** — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
- ИС** — История СССР
- КОМК** — Кировский Областной музей краеведения
- КСИА** — Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК** — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- КСИНА** — Краткие сообщения Института народов Азии
- КСИЭ** — Краткие сообщения Института этнографии
- ЛГУ** — Ленинградский государственный университет им.Н.А.Жданова
- ЛОИА АН СССР** — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
- МИА** — Материалы и исследования по археологии СССР
- МГУ** — Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова
- НАА** — Народы Азии и Африки
- НЭ** — Нумизматика и эпиграфика
- ПАЭ** — Поволжская археологическая экспедиция
- ПИДО** — Проблемы истории докапиталистических обществ
- РА** — Российская археология
- СА** — Советская археология
- САИ** — Свод археологических источников
- СГАИМК** — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
- СГУ** — Саратовский государственный университет
- СГЭ** — Сообщения Государственного Эрмитажа
- СНВ** — Страны и народы Востока
- СО АН СССР** — Сибирское отделение Академии наук СССР
- СОМК** — Саратовский Областной музей краеведения
- СО РАН** — Сибирское отделение Российской Академии Наук
- СУАК** — Саратовская Ученая архивная комиссия
- ТА** — Татарская археология
- ТККАЭЭ** — Труды Комплексной киргизской археолого-этнографической экспедиции
- ЭВ** — Эпиграфика Востока
- ЭКМ** — Энгельсский краеведческий музей

Шеф-редактор — **Рафаэль Хакимов**
Главный редактор — **Равиль Фахрутдинов**

Редакционная коллегия:

Евгений Казаков

(Институт истории Академии наук Татарстана)

Марк Крамаровский

(Госэрмитаж, г. Санкт-Петербург)

Леонид Кызласов

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Азгар Мухамадиев

(Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина)

Джамиль Мухаметшин

(Булгарский государственный историко-архитектурный заповедник,
г. Булгар, Республика Татарстан)

Светлана Плетнева

(Институт археологии Российской Академии наук, г. Москва)

Рашо Рашев

(Шуменский филиал Археологического института
Болгарской Академии наук, г. Шумен, Болгария)

Петр Старостин

(Институт истории Академии наук Татарстана)

Герман Федоров-Давыдов

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, г. Будапешт, Венгрия)

Светлана Червонная

(Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук,
г. Москва)

✉ Адрес редакции: 420503, г. Казань, ул. Кремлевская, 9,

Институт истории Академии наук Татарстана,

☎ Телефон: (8-432) 32-02-64, 38-73-56.

✉ E-mail: history@vega.kcn.ru

Дизайн обложки — Миляushi Хасановой. Оригинал-макет — Дины Галеевой.

Объем 10 п. л. Подписано к печати

Тираж 999 экз.